ШЕКСПИР XXI ВЕК

Энн Тайлер

УКСУСНАЯ ДЕВУШКА

Кавер-версия «Укрощения строптивой»

Уильяма Шекспира

в исполнении лауреата Пулитцеровской премии

«Уксусная девушка» – «Укрощение строптивой» эпохи биолабораторий, фиктивных браков и феминизма.

Уксусная девушка
Энн Тайлер

Аннотация
Энн Тайлер. Уксусная девушка
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Эпилог

Аннотация

Кейт как будто попала в клетку. Дома ей приходится убирать и готовить для своего эксцентричного отца-ученого, доктора Баттиста, и младшей сестры Белочки. На работе в детском саду родители и начальство недовольны Кейт и ее слишком резкими методами воспитания, хотя дети ее обожают. Несмотря на строптивый нрав, Кейт уже готова смириться со своим положением, но тут ее отец, работающий в научной лаборатории, неожиданно решает свести ее с Петром, своим лаборантом, которого вот-вот вышлют из страны. Взбунтуется ли Кейт хотя бы на этот раз? И что на самом деле задумал ее отец?

Энн Тайлер
Уксусная девушка

© Целовальникова Д., перевод на русский язык, 2017
© ООО «Издательство „Э“, 2017

* * *

Глава 1

Кейт Баттиста возилась в саду, когда на кухне зазвонил телефон. Она выпрямила спину и прислушалась. Ее сестра была дома, хотя могла еще спать. Телефон прозвонил снова, потом еще дважды, и наконец послышался голос сестры, записанный на автоответчик: "Приве-ет! Это мы? Похоже, нас нет дома? Оставьте..."

Кейт метнулась к заднему крыльцу, отбросила волосы за плечи, вытерла руки о джинсы и распахнула дверь с проволочной сеткой.

— Кейт, — произнес динамик телефона, — ответь.

Она взяла трубку.

— Что?

— Я забыл свой ланч.

Кейт посмотрела на стойку возле холодильника, и действительно — ланч стоял именно там, где она оставила его вечером. Она всегда пользовалась прозрачными пакетами из супермаркета, и содержимое отчетливо просвечивало: пластиковый контейнер с сандвичем и яблоко.

— М-да, — протянула она.

— Ты не могла бы мне его привезти?

— Прямо сейчас?

— Ну да.

— Господи, папа! Я тебе не "Пони-экспресс"! — возмутилась Кейт.

— А разве ты занята? — удивился он.

— Сегодня же воскресенье — я занимаюсь прополкой морозника!

— Перестань ломаться, Кейт. Прыгай в машину и гони ко мне. Будь умницей!

Кейт проворчала что-то себе под нос, швырнула трубку и схватила пакет с ланчем.

Странный вышел разговор. Во-первых, отец практически никогда не звонил — он в принципе не признавал подобного вида связи. Недаром в его лаборатории телефона не было и в помине, значит, он воспользовался мобильным. Это тоже довольно странно, потому что телефоном отец обзавелся исключительно по настоянию дочерей. В первое время он увлекся покупками приложений (по большей части, всевозможными микрокалькуляторами для научных расчетов), но быстро охладел и перестал к телефону притрагиваться. Кроме того, раньше он забывал свой ланч раза два в неделю и даже этого не замечал. Вообще непонятно, чем он питался. Кейт возвращалась

с работы и обнаруживала коробку с ланчем на стойке, а потом ей приходилось звать отца к ужину раза три-четыре. Он всегда находил занятие более интересное, чем еда, — полистать научный журнал или просмотреть свои записи. Живи отец один, наверняка уморил бы себя голодом.

Если бы ему вздумалось перекусить, он мог бы выйти и что-нибудь купить. Лаборатория находилась рядом с кампусом университета Джонса Хопкинса, вокруг которого полно закусочных и киосков с едой. Не говоря уже о том, что до полудня еще далеко.

Зато денек выдался солнечный и ветреный, хотя и прохладный — первый более-менее погожий день после долгой суровой зимы, — и Кейт обрадовалась лишнему поводу прогуляться. Машину решила не брать и пройтись пешком. Пусть подождет. (Сам-то отец пользовался автомобилем, только если нужно было перевезти какое-нибудь оборудование. Он предпочитал ходить пешком.)

Она вышла через парадную дверь и захлопнула ее со всей силы, сердясь на разоспавшуюся Белочку. Газон вдоль дорожки выглядел довольно запущенным — надо заняться им после прополки.

Размахивая пакетом с ланчем, Кейт прошла

мимо домов Минцев и Гордонов — величавых кирпичных особняков в колониальном стиле, как и у семейства Баттиста, только более ухоженных, — и свернула за угол. Миссис Гордон стояла на коленях посреди кустов азалии, мульчируя почву.

— Ба! Кейт, приветик! — пропела она.

— Здрасьте.

— Похоже, весна вступает в свои права.

— Ну да.

Кейт пронеслась мимо, за спиной развевались полы замшевой куртки. Впереди черепашьим шагом тащились две девушки (наверняка студентки университета Хопкинса).

— Я поняла, что он хочет меня пригласить, — говорила одна, — потому что он без конца откашливался, ну, ты знаешь, как парни это делают. Но он так ничего и не сказал.

— Обожаю, когда парни смущаются, — заметила другая.

Кейт обогнула их и помчалась дальше.

На следующем перекрестке она свернула налево, в квартал более разношерстной застройки из многоквартирных домов, кафешек и отданных под офисы зданий, и наконец добралась до очередного кирпичного особняка в колониальном

стиле. Задний двор был поменьше, чем у дома семейства Баттиста, зато крытая галерея выглядела куда больше и импозантнее. Возле двери пестрели причудливыми названиями таблички шести или восьми непонятных организаций и никому не известных журнальчиков. При этом таблички с именем Луиса Баттиста среди них не было. За годы работы он сменил столько помещений, что решил не утруждаться ради этого сиротского угла, располагавшегося хоть и возле университета, но в изрядном отдалении от медицинского комплекса.

Одна стена вестибюля была увешана почтовыми ящиками, под ними стояла колченогая скамья, заваленная рекламными объявлениями и листовками ресторанчиков, торгующих навынос. Кейт прошла мимо нескольких офисов, открыт был лишь "Христиане за Будду". Внутри три женщины толклись возле стола, за которым четвертая утирала глаза платком. (Что-то да случается.) Кейт дошла до конца вестибюля, открыла дверь, поднялась на один пролет по крутой деревянной лестнице и набрала код на следующей двери: 1957 — год, в котором Витебский сформулировал критерии аутоиммунных заболеваний.

Кейт вошла в крошечную комнатку с журналь-

ным столиком и двумя складными металлическими стульями. На столе лежал бумажный пакет, похоже, что с ланчем. Она положила свой пакет рядом, направилась к другой двери и пару раз постучала. Отец тут же высунул голову в проем, сверкнув блестящей лысиной, с узкой полоской черных волос вокруг. Оливкового цвета лицо украшали черные же усы и очки без оправы с круглыми стеклами.

— А, это ты, Кейт! — воскликнул он. — Проходи.

— Нет, спасибо, — отказалась она. Кейт терпеть не могла специфического запаха лаборатории, не говоря уже об ароматах помещения для мышей. — Ланч на столе. Пока!

— Нет, погоди-ка! — Отец отвернулся и заговорил с кем-то в лаборатории. — Пиотр! Выйди и поздоровайся с моей дочерью.

— Мне пора, — заторопилась Кейт.

— Кажется, ты еще не знакома с моим лаборантом.

— Ну и ладно.

Дверь распахнулась, и на пороге возник крепкий мускулистый блондин с прямыми волосами. Лабораторный халат на нем был настолько грязный, что по цвету почти сравнялся со светло-се-

рым рабочим комбинезоном доктора Баттисты.

— Кы-ы-ласс! — протянул он, восхищенно глядя на Кейт.

Как правило, при первой встрече так на нее смотрели многие мужчины. А все благодаря отмершим клеткам кератина: у нее были длинные иссиня-черные волосы, струящиеся по плечам и оканчивающиеся чуть пониже спины.

— Это Пиотр Чербаков, — сообщил отец.

— Петр, — поправил его мужчина, произнеся слитно твердую "т" и рокочущую "р", — Щер-баков, — добавил он, словно выплюнув совершенно непроизносимое для американцев сочетание звуков.

— Пиотр, познакомься с Кейт.

— Привет, — кивнула Кейт лаборанту. — До вечера, отец.

— Я надеялся, ты с нами немного побудешь.

— Зачем это?

— Ну, тебе ведь нужно захватить домой мою коробку из-под ланча?

— Разве ты сам не справишься?

Внезапно раздалось одобрительное уханье, заставившее обоих покоситься на Петра.

— Совсем как девушки в моей стране, — сияя, сообщил он. — Такая же дерзкая и строптивая.

— Как женщины, — с упреком поправила Кейт.

— Да, и женщины тоже. И бабушки, и тетушки.

Кейт махнула на него рукой.

— Отец, — продолжила она, — скажи Белочке, чтобы она прибирала за своими друзьями. Видел бы ты, на что с утра была похожа наша гостиная!

— Да-да, — пробормотал отец, уходя в лабораторию. Он вернулся с креслом на колесиках, докатил его до столика. — Присядь, пожалуйста.

— Мне нужно вернуться к прополке.

— Прошу, Кейт. Вечно ты меня избегаешь.

Она уставилась на отца изумленно.

— Я тебя избегаю?!

— Присядь, — кивнул он на кресло. — Могу поделиться с тобой сандвичем.

— Не хочу я есть, — ответила Кейт, но присела, все еще недоумевая.

— Пиотр, садись. И сандвич бери, если хочешь. Кейт сама готовила. Арахисовое масло с медом на пшеничном хлебце из цельносмолотого зерна.

— Вы же знаете, я не ем арахисовое масло! — заявил Петр, взял складной стул и сел наискосок от Кейт. Ее кресло было гораздо выше, и она разглядела, что на макушке его волосы начинают редеть. — В моей стране арахис — еда для

свиней.

— Ха-ха! — рассмеялся доктор Баттиста. — Он такой шутник, верно, Кейт?

— Какой?

— Они едят орехи прямо со скорлупой, — пояснил Петр.

Некоторые согласные давались ему с трудом, заметила Кейт. Да и с гласными проблемы — слишком кратко их произносит. Разговоры с иностранцами выводили ее из терпения.

— Ты ведь удивилась, что я воспользовался своим мобильным? — спросил отец, почему-то продолжая стоять. Он достал телефон из кармана комбинезона. — Вы, девочки, были правы — удобная штука. Теперь буду его осваивать. — Он наморщил лоб, словно пытаясь понять, что за предмет у него в руках. Прищурился, отошел на несколько шагов. Раздался механический щелчок. — Гляди, он еще и фотографирует!

— Сотри! — велела Кейт.

— Не знаю, как это делается, — ответил он, и телефон снова щелкнул.

— Тьфу ты!.. Отец, сядь и поешь. А мне пора возвращаться к прополке.

— Ладно, ладно!

Он убрал телефон и сел. Тем временем Петр

взял свой ланч, достал два яйца, потом банан и положил их перед собой на расстеленном бумажном пакете.

— Пиотр — приверженец бананов, — доверительно сообщил доктор Баттиста. — Я все твержу ему о пользе яблок, но он не слушает! — Отец открыл свою коробку, вынул яблоко и потряс им перед носом Петра. — Пектин! Пектин!

— Бананы — чудо-еда, — спокойно заметил Петр и принялся чистить свой фрукт. Кейт с удивлением заметила, что лицо у лаборанта практически шестиугольное — скулы выступают острыми углами, челюсть образует еще два угла, остальные два — подбородок и лоб под разделенными на прямой пробор волосами. — И яйца, — добавил он. — До чего ловко придумано куриное яйцо! Такое самодостаточное!

— Кейт делает мне сандвич каждый вечер перед сном, — поведал доктор Баттиста. — Она очень хозяйственная.

Кейт зажмурилась.

— Однако из арахисового масла, — заметил Петр.

— Ну да.

— Да, — вздохнул Петр и взглянул на нее с сожалением. — Зато красивая.

— Видел бы ты ее сестру!

— Отец, ты что?! — возмутилась Кейт.

— Где ее сестра? — заинтересовался Петр.

— Ну-у, Белочке всего пятнадцать. Она учится в школе.

— Ясно, — кивнул Петр и снова переключил свой взгляд на Кейт.

Кейт резко встала.

— Не забудь свой "Тапервер", — бросила она отцу.

— Как? Ты уходишь? Почему так скоро?

— Пока! — воскликнула Кейт на бегу, в основном обращаясь к Петру, который следил за ней оценивающим взглядом, промаршировала к двери и распахнула ее.

— Кэтрин, дорогая, не убегай! — поднялся отец. — Вот те на, все вышло кувырком! Пиотр, у нее столько дел, столько дел! Никак не могу убедить ее присесть и отдохнуть хоть немного. Я говорил, что на Кейт весь наш дом держится? Она такая хозяйственная. Ах да, об этом я упоминал. А еще она работает полный рабочий день. Я говорил, что она учит дошкольников? Кейт прекрасно ладит с детишками.

— Почему ты так странно разговариваешь? — возмутилась Кейт, обернувшись к отцу. — Что

на тебя нашло? Ненавижу маленьких детей, сам знаешь!

Петр снова одобрительно ухнул, глядя на нее с ухмылкой.

— Почему вы их ненавидите? — спросил он.

— Ну, они не шибко умные, если вы не заметили.

Он снова ухнул. В сочетании с бананом в руке этот возглас делал его похожим на шимпанзе.

Кейт развернулась, вылетела вон и помчалась, перепрыгивая через две ступеньки.

Хлопнула дверь. Отец позвал:

— Кейт!

Девушка неслась к выходу, будто не слыша.

— Я провожу тебя, погоди! — крикнул он вслед.

Провожу?! Это что-то новенькое!

У двери она притормозила, обернулась и посмотрела на отца.

— Я все сделал не так, — вздохнул он, вытирая лысину рукой. Безразмерный комбинезон топорщился на животе, и доктор Баттиста смахивал на телепузика. — Прости, не хотел тебя рассердить!

— Я не сержусь, я… — Слово "обиделась" она не сказала, чтобы не заплакать. — Я расстроилась.

— Не понял.

Как ни странно, она сразу ему поверила. Отец

был в полной растерянности.

— Что ты там пытался изобразить? — спросила она, уперев руки в боки. — Почему ты вел себя так… по-свойски с этим твоим лаборантом?

— Он не просто лаборант, он — Пиотр Чербаков, и мне с ним очень повезло! Подумать только: он пришел на работу в воскресенье! Он часто так делает. Кстати, Пиотр со мной почти три года, поэтому тебе стоит хотя бы имя его запомнить.

— Три года?! А куда подевалась Эннис?

— Боже милостивый! Эннис!.. После нее у меня было еще два лаборанта.

— Ох, — спохватилась Кейт.

Она понятия не имела, почему ведет себя так несносно. Прежде отец никогда не рассказывал ей про своих лаборантов.

— Кажется, мне бывает сложно их удержать, — признался доктор Баттиста. — Возможно, дело в том, что люди непосвященные не видят перспективности моего проекта.

В этом он тоже прежде не сознавался, хотя время от времени Кейт приходила в голову такая мысль. Внезапно ей стало его жаль. Она опустила руки, приняв менее угрожающую позу.

— Мне пришлось как следует постараться, чтобы Пиотру разрешили въезд в нашу страну, —

поведал он. — Тогда ему было всего двадцать пять, однако имя его уже гремело в научных кругах. Выдающийся иммунолог! Получил визу категории О-1, а ведь ее теперь редко кому дают!

— Ну, это хорошо, отец.

— Такую визу дают лишь людям с выдающимися способностями, вот что значит О-1! Это значит, что он обладает исключительными умениями или знаниями, которых нет ни у кого в этой стране, и что я занимаюсь исключительно важным исследованием, для которого он мне жизненно необходим!

— Тем лучше для тебя.

— Виза категории О-1 выдается на три года.

Кейт коснулась его руки.

— Разумеется, ты переживаешь за свой проект, — постаралась она его поддержать. — Наверняка все как-нибудь образуется.

— Ты и правда так думаешь?

Она кивнула и смущенно похлопала его по руке, чего он явно не ожидал.

— Я в этом просто уверена! — заявила Кейт. — Не забудь захватить домой коробку от ланча.

Она открыла входную дверь и вышла на солнечный свет. Две женщины из организации "Христиане за Будду" сидели на ступеньках, скло-

нившись друг к другу. Они так сильно смеялись, что не сразу заметили Кейт, но потом подвинулись и дали ей пройти.

Глава 2

В четвертой группе малышки играли в разлуку. Кукла-балерина расставалась с куклой-морячком.

— Прости, Джон, — заявила она бодрым, деловитым голоском (вообще-то, голоском Джилли), — но я люблю другого.

— Кого же? — спросила кукла-морячок в маленькой синей матроске. За нее говорила Эмма Джи, обхватив игрушку за пояс.

— Не скажу, а то вдруг он твой лучший друг, и это ранит твои чувства.

— Ну, ты сглупила! — вмешалась Эмма Би. — Теперь он все знает, ведь ты сказала, что это его лучший друг.

— Подумаешь! Мало ли у него лучших друзей?

— Мало. Лучших друзей много не бывает.

— А вот и бывает! У меня целых четыре лучших друга!

— Тогда ты чокнутая!

— Кейт! Ты слышала, как она меня назвала?

— Ну и что? — спросила Кейт. Она помогала Джамише снять халатик для рисования. — Ска-

жи, что она сама такая.

— Сама ты чокнутая! — объявила Джилли Эмме Би. — А я нет!

— А вот и да!

— А вот и нет!

— Кейт сказала, значит, чокнутая!

— Не говорила я такого, — возразила Кейт.

— А вот и говорила!

Кейт хотела сказать "А вот и нет", потом передумала.

— По крайней мере, начала-то не я.

Они сидели в кукольном уголке — семеро девочек и близнецы Сэмсоны, Рэймонд и Дэвид. В другом углу остальные шестеро мальчиков столпились вокруг столика для игр с песком и превратили его в спортивную арену. Из пластмассовой ложки они сделали катапульту, чтобы стрелять кубиками "Лего" в рифленую жестянку из-под желе, которую поставили на дальнем конце столика. По большей части они промахивались, зато, когда удавалось попасть, дети разражались бурными аплодисментами, после чего начинали пихаться локтями, пытаясь завладеть ложечкой-катапультой. Кейт следовало бы подойти и успокоить их, но она не стала. Пусть дадут выход энергии. К тому же она не воспи-

тательница, всего лишь нянечка, а это совсем другое дело. Детский сад "Школа для самых маленьких" в Чарлз-Виллидж был основан сорок пять лет назад мисс Эдной Дарлинг, его бессменным директором, и все воспитатели достигли настолько преклонных лет, что нуждались в помощи обслуживающего персонала (по одной нянечке на каждую, две для самой трудоемкой группы двухлетних детей), без которого они вряд ли справлялись бы с ватагой маленьких сорванцов. Хотя учреждение занимало цокольный этаж церкви Святого Алоизия, большая часть помещений находилось выше уровня земли, так что в комнатах было светло и солнечно, а двойные двери открывались прямо на детскую площадку. В противоположном конце помещения располагалась комната для отдыха воспитателей, где пожилые женщины и проводили большую часть рабочего дня, распивая травяной чай и обсуждая свои физические недомогания. Порой кто-нибудь из обслуживающего персонала осмеливался заглянуть туда на чашку чая или чтобы воспользоваться туалетом с "взрослыми" удобствами, однако на этих закрытых заседаниях старших они неизменно ощущали себя лишними и поэтому, несмотря на сердечность последних,

старались без особой нужды не входить.

Мягко выражаясь, Кейт вовсе не мечтала о работе в детском саду. Случилось так, что на втором курсе она заявила профессору ботаники, что его объяснение процесса фотосинтеза — бестолковое. Слово за слово, и в результате ее попросили уйти из колледжа. Она боялась реакции отца, но услышав, как было дело, он сказал: "Что ж, ты права — объяснение действительно бестолковое". Тем все и кончилось. Кейт сидела дома, не зная, чем заняться, пока ее тетушка Тельма не предложила ей место в детском саду. (Тетушка Тельма состояла там в членах правления. И не только там.) Теоретически Кейт могла бы восстановиться в колледже в следующем году, только почему-то не стала этого делать. Похоже, отцу и в голову не пришла такая возможность, к тому же для него было удобнее, чтобы она занималась домом и присматривала за своей младшей сестрой, которой было всего пять лет, — их дряхлая экономка с нею уже не справлялась.

Воспитательницу, которой помогала Кейт, звали миссис Чонси. (Все нянечки обращались к воспитательницам "миссис".) Спокойная, невероятно полная женщина присматривала за четырехлетками дольше, чем Кейт прожила на

этом свете. Как правило, она относилась к ним ласково-рассеянно, а когда они озорничали, строго говорила: "Конор Фитцджеральд, я все вижу!" или "Эмма Грей и Эмма Уиллис — смирно!" Она считала, что Кейт их слишком распускает. Если ребенок отказывался спать в тихий час, Кейт говорила: "Ну и ладно, как хочешь" и со вздохом отступала. Миссис Чонси в таких случаях смотрела на малыша с укоризной и говорила: "Кажется, кое-кто не слушается мисс Кейт". В подобные моменты Кейт чувствовала себя самозванкой. Да кто она такая, чтобы заставлять ребенка спать? Ей совершенно недоставало авторитетности, и все детишки это знали. Похоже, они воспринимали ее как четырехлетку-переростка, перечащую взрослым. Ни разу за шесть лет работы в детском саду они не обратились к ней "мисс Кейт".

Время от времени Кейт подумывала о поисках работы, однако ничем это так и не закончилось. По правде сказать, на собеседованиях она не блистала. Кроме того, она ума не могла приложить, чем бы еще заняться.

Как-то раз в колледже ее уговорили перекинуться в шахматы в зале отдыха общежития. Играла она так себе, зато обладала изрядной долей дерзости и любила рисковать, поэтому ей

удавалось довольно долго теснить своего противника. Вокруг собралась небольшая толпа, которую Кейт словно не замечала, пока один из студентов не прошептал другому: "У нее нет никакого плана!" Так оно, собственно, и было. Партию она вскоре проиграла.

Теперь Кейт часто вспоминала эту фразу, когда шла по утрам в детский сад. И когда разувала детишек, и когда выскребала пластилин у них из-под ногтей, и когда залепляла пластырем разбитые коленки. И когда снова обувала малышей.

У нее нет никакого плана.

* * *

На обед были макароны с томатным соусом. Как обычно, Кейт сидела во главе одного стола, миссис Чонси — во главе другого в дальнем конце столовой. Прежде чем занять места, дети показали Кейт и миссис Чонси руки с обеих сторон. Потом все сели. Миссис Чонси постучала вилкой по своему стакану с молоком и объявила:

— А теперь помолимся! — Дети послушно опустили головы. — Дорогой господь! — с чувством произнесла миссис Чонси. — Благодарим тебя за то, что ты даешь нам эту пищу, и за эти здоровые, цветущие личики. Аминь.

Дети за столиком Кейт тут же подняли головы.

— А у Кейт глаза открыты! — тут же сообщила всем Хлоя.

— Ну и что с того, мисс святоша? — спросила Кейт.

Близнецы Сэмсоны радостно захихикали.

— Мисс свя-то-ша, — повторил Дэвид вполголоса, стараясь запомнить на будущее.

— Если откроешь глаза во время молитвы, — начала Хлоя, — то Бог подумает, что ты ему не благодарен.

— Ну, значит, я не благодарна, — откликнулась Кейт. — Не люблю макароны.

Повисла напряженная пауза.

— Как это — не любишь макароны? — наконец спросил Джейсон.

— Они пахнут псиной, — ответила Кейт. — Неужели не почуял?

— Фу-у! — воскликнули дети.

Они склонились к тарелкам и понюхали.

— Ну как? — спросила Кейт.

Дети переглянулись.

— Точно! — сказал Джейсон.

— Как будто моего старого пса Фрица сунули в огромную кастрюлю для крабов и сварили! — заметил Антуан.

— Фу-у!

— Зато морковка удалась, — поспешно вставила Кейт, начав жалеть, что подняла эту тему. — Берите вилки и за еду!

Пара детишек взялась за вилки. Остальные даже не шелохнулись.

Кейт сунула руку в карман джинсов и достала отрезку вяленой говядины. Будучи весьма разборчивой в еде, она всегда носила с собой перекус на случай, если на обед подадут какую-нибудь гадость. Оторвав кусочек зубами, она принялась его пережевывать. К счастью, вяленую говядину не любил никто, кроме Эммы Дабл-Ю, которая вовсю наворачивала макароны, и делиться не пришлось.

— Хорошего вам понедельника, мальчики и девочки! — объявила миссис Дарлинг, ковыляя к их столу с алюминиевой тростью. Она непременно наведывалась в столовую во время обеда каждой группы и всегда вставляла в свое приветствие соответствующий день недели.

— Хорошего понедельника, миссис Дарлинг, — пробормотали дети, пока Кейт судорожно пихала говядину за левую щеку.

— Почему никто не ест? — спросила миссис Дарлинг. (Ничто не ускользало от ее взгляда.)

— Макароны пахнут мокрой псиной, — поведала Хлоя.

— Как-как? Силы небесные! — Миссис Дарлинг прижала к мешковатой груди морщинистую, покрытую пигментными пятнами руку. — У меня такое впечатление, будто вы забыли одну важную вещь. Дети! Кто помнит наше Хорошее Правило?

Все промолчали.

— Джейсон?

— Если не можешь сказать что-нибудь хорошее, — пробормотал Джейсон, — лучше вообще помолчи.

— "Лучше вообще помолчи". Так-то! Кто может сказать что-нибудь хорошее о сегодняшнем обеде?

Молчание.

— Мисс Кейт? Вы можете сказать что-нибудь хорошее?

— Ну, он просто… блестящий, — выдала Кейт.

Миссис Дарлинг наградила ее пристальным взглядом, однако ограничилась пожеланием приятного аппетита и с топотом направилась к столу миссис Чонси.

— Блестящий, как мокрая псина! — шепнула Кейт детям.

Малыши завизжали от смеха. Миссис Дарлинг

замерла и повернулась, опершись на трость.

— Кстати, мисс Кейт, — проговорила она, — будьте так добры заглянуть в мой кабинет во время тихого часа.

— Конечно, — ответила Кейт.

Ей пришлось проглотить сразу всю вяленую говядину.

Дети уставились на нее круглыми глазами. Даже четырехлетки знают, что приглашение в кабинет директора не предвещает ничего хорошего.

— Ты нам нравишься, — признался Джейсон.

— Спасибо, милый.

— Когда мы с братом вырастем, — пообещал Дэвид Сэмсон, — мы обязательно на тебе женимся!

— Что ж, спасибо. — Кейт хлопнула в ладоши и объявила: — Знаете, что у нас сегодня на десерт? Мороженое с печеньками!

Дети тихонько сказали "М-мм!", но вид у них был по-прежнему встревоженный.

* * *

Не успели малыши доесть мороженое, как в столовую нестройной гурьбой ввалилась группа пятилеток. С позиций уютного маленького мирка четырехлеток они виделись Кейт страшными и

неуклюжими великанами, хотя были всего годом старше.

— Пошли, дети! — воскликнула миссис Чонси, с трудом поднимаясь со стула. — Пора освободить место для другой группы. Скажите спасибо миссис Вашингтон.

— Спасибо, миссис Вашингтон, — хором повторили дети.

Стоявшая в дверях кухни миссис Вашингтон улыбнулась, важно кивнула и разгладила фартук. (В "Школе для самых маленьких" к хорошим манерам относились очень серьезно.) Четвертая группа выстроилась в некое подобие линии и потянулась к выходу мимо пятой, почтительно втянув головы в плечи. Шествие замыкала Кейт. Проходя мимо Джорджины, нянечки пятой группы, она прошептала:

— Меня вызвали на ковер.

Джорджина ахнула.

— Удачи!..

Беременная первенцем Джорджина была румяная миловидная женщина с необъятным животом. Вряд ли ее хоть раз вызывали к начальству, подумала Кейт.

Вернувшись в группу, Кейт открыла чулан, в котором хранились детские раскладушки,

расставила их, разложила подушечки и одеяла, вынув их из детских шкафчиков. Четверо самых отъявленных болтушек, как всегда, попытались улечься рядом, но Кейт разрушила их планы. Как правило, миссис Чонси проводила тихий час в комнате для отдыха воспитателей, однако сегодня после обеда она вернулась в группу, уселась за стол и достала из своей огромной хозяйственной сумки газету "Балтимор сан". Должно быть, слышала, что миссис Дарлинг вызвала Кейт к себе в кабинет.

Лиам Ди сказал, что не хочет спать. Он всегда так говорил, потом засыпал непробудным сном, и Кейт приходилось долго его будить. Она накрыла малыша белым фланелевым одеялом с двумя полосами (когда другие мальчики не слышали, он называл его "мое одеялочко") и подоткнула со всех сторон, как он любил. Потом помогла Джилли распустить хвостик и снять заколку, чтобы та не впивалась в голову во время сна. Кейт убрала заколку под подушку и сказала: "Запомни, где она лежит. Достанешь, когда проснешься". Вероятно, к этому времени она успеет вернуться, а вдруг нет? Вдруг ей придется собрать вещи и уйти? Кейт провела рукой по шелковистым темно-русым волосам девочки, пахнущим детским

шампунем и восковыми мелками. Ее здесь не будет, чтобы защитить Антуана, которого вечно задирают; она никогда не узнает, подружится ли Эмма Би со своей новой сестричкой, что в июне приедет из Китая.

Неправда, что она терпеть не может детей. По крайней мере, *не всех*. Дело в том, что ей не нравились дети как таковые, в качестве однотипных представителей некоего подвида.

Тем не менее она напустила на себя беззаботный вид и воскликнула:

— Миссис Чонси, я на секундочку!

Та лишь улыбнулась в ответ — то ли без задней мысли, то ли с жалостью — и перевернула газетную страницу.

Кабинет миссис Дарлинг находился рядом со второй группой, где детишки были настолько малы, что спали на специальных ковриках, а не на раскладушках, чтобы не свалиться во сне. Сквозь стеклянные двери было видно, что внутри царит полумрак, и от комнаты буквально веяло звенящей тишиной.

Дверь в кабинет миссис Дарлинг тоже была стеклянная, и сквозь нее виднелась директриса, сидящая за столом. Она разговаривала по телефону и одновременно рылась в бумагах. Едва Кейт

постучала, как она свернула разговор и положила трубку.

— Входите.

Кейт зашла и плюхнулась на стул с прямой спинкой напротив стола.

— Наконец-то мы получили смету на замену запачканного коврового покрытия, — объявила миссис Дарлинг.

— Ага, — кивнула Кейт.

— Вопрос в том, откуда взялись пятна? Определенно, где-то течет труба, но пока мы не выясним где именно, класть новый ковролин не имеет смысла.

Кейт нечего было ответить, и она промолчала.

— Что ж, — протянула миссис Дарлинг. — Хватит об этом! — Она аккуратно сложила бумаги и убрала в папку. Потом потянулась к другой папке. (Личное дело Кейт? Есть ли оно вообще? Интересно, что там внутри?) Открыла, внимательно изучила лист сверху и уставилась на Кейт, спустив очки на кончик носа. — Что ж, Кейт. Мне хотелось бы знать, как вы сами оцениваете свои достижения у нас.

— Мои… что?

— Свои достижения в "Школе для самых маленьких". Свою педагогическую компетентность.

— А-а, вы об этом! Не знаю… — Она надеялась, что миссис Дарлинг удовлетворится подобным ответом, но та смотрела на нее выжидательно, и Кейт пришлось добавить: — Ну, я же не воспитатель. Я просто нянечка.

— Правда?

— Я всего лишь помогаю воспитателю.

Миссис Дарлинг продолжала смотреть на нее в упор.

— Надеюсь, что справляюсь, — наконец сказала Кейт.

— Да, — кивнула миссис Дарлинг, — по большей части справляетесь.

Кейт постаралась сдержать изумление.

— Я бы даже сказала, что дети вас любят, — выдала миссис Дарлинг.

Кейт так и ждала, что она добавит: по какой-то непонятной причине.

— К сожалению, этого не скажешь об их родителях.

— Да ну?

— Мне уже приходилось поднимать этот вопрос, Кейт. Помните?

— Да-а, помню.

— У нас с вами была беседа на эту тему. Серьезная беседа.

— Точно.

— Теперь вами недоволен мистер Кросби. Папа Джамиши.

— И что не так? — спросила Кейт.

— Он сказал, что разговаривал с вами в четверг. — Миссис Дарлинг взяла верхний лист и поправила очки. — В четверг утром, когда он привел Джамишу в сад. Он хотел поговорить с вами о том, что Джамиша сосет большой палец.

— Не палец, а пальцы, — поправила ее Кейт. У Джамиши была привычка сосать два средних пальца, а мизинчик и указательный торчали по обе стороны рта, похоже на жест глухонемых "Я тебя люблю". Кейт уже приходилось такое видеть. В прошлом году так делал Бенни Мэйо.

— Ясно, пальцы. Он просил вас не давать ей так делать.

— Помню.

— А вы помните, что ему ответили?

— Сказала, что беспокоиться не о чем.

— И все?

— Сказала, что рано или поздно она перестанет.

— Вы сказали… — миссис Дарлинг принялась зачитывать вслух. — Вы сказали следующее: "Надо думать, прекратит она довольно скоро, потому

что пальцы вырастут и будут втыкаться в глаза".

Кейт рассмеялась. Она и не подозревала, что была настолько остроумна. Миссис Дарлинг спросила:

— Знаете, как к этому отнесся мистер Кросби?

— Откуда мне знать?

— Попробуйте догадаться, — предложила миссис Дарлинг. — Впрочем, не буду вас утруждать. Он сказал, что вы вели себя… вот, "дерзко и оскорбительно"!

— Ой!

Миссис Дарлинг положила лист на стол.

— Когда-нибудь, Кейт, — проговорила она, — вы станете настоящим воспитателем.

— Да неужели?

Кейт и в голову не приходило, что в их детском саду можно сделать карьеру. До сих пор это никому не удавалось.

— Когда-нибудь вы повзрослеете, и вам поручат группу, — заявила миссис Дарлинг. — Сами понимаете, я говорю не про количество прожитых лет!

— Ах, ну да!

— Я говорю о том, что вам нужно развивать навыки социального взаимодействия. Выработать в себе деликатность, сдержанность, диплома-

тичность.

— Ясно.

— Вы хотя бы понимаете, о чем я говорю?

— Деликатность. Сдержанность. Дипломатичность.

Миссис Дарлинг посмотрела на нее изучающе.

— Иначе, Кейт, — продолжила она, — вряд ли вы и дальше останетесь в нашем маленьком дружном коллективе. Мне хотелось бы видеть вас здесь. Особенно ради вашей тетушки. Однако сейчас вы идете по тонкому льду, помните об этом!

— Ясненько, — кивнула Кейт.

Похоже, миссис Дарлинг ее слова ничуть не убедили.

— Прекрасно, Кейт. Когда будете уходить, оставьте дверь открытой.

— Не вопрос, миссис Ди, — кивнула Кейт.

* * *

— Кажется, мне дали испытательный срок, — поделилась Кейт с нянечкой третьей группы. Они стояли рядом на детской площадке и следили, чтобы никто не убился на качелях.

— Разве ты до этого на нем не была? — спросила Натали.

— Хм, — пожала плечами Кейт. — Видимо, ты

права.

— Что натворила на этот раз?

— Оскорбила одного папашу.

Натали скривилась. К родителям отношение у всех было особое.

— Попался чокнутый самодур, пытающийся превратить свою дочурку в мисс Совершенство.

Подошел Адам Барнс со своими двухлетками, и разговор пришлось свернуть. (В его присутствии Кейт почему-то всегда пыталась казаться лучше, чем есть.)

— Как дела? — спросил он.

— Так себе, — ответила Натали, а Кейт расплылась в глупой улыбке и сунула руки в карманы джинсов.

— Грегори хочет покататься на качелях, — заметил Адам. — Может, кто-нибудь из старших мальчиков уступит ему место?

— Ну конечно, уступит! — воскликнула Натали. — Донни, пусти Грегори покататься!

Если бы не Адам, она ни за что не сняла бы своего ребенка с качелей раньше времени. Дети должны учиться ждать своей очереди, даже если им всего два года.

Донни запротестовал:

— Я же только сел!

— Нет, это несправедливо, — мигом вмешался Адам. — Грегори, ты ведь не хочешь поступить с Донни несправедливо?

Судя по виду Грегори, он очень даже хотел поступить несправедливо. В глазах малыша заблестели слезы, подбородок задрожал.

— Придумала! — восторженно воскликнула Натали. — Грегори, ты можешь кататься с Донни! Донни уже большой мальчик, он подвинется!

Кейт едва не стошнило. Ей хотелось изобразить, как она сует два пальца прямо в рот, но она сдержалась. Хорошо хоть Адам на нее не смотрел. Он усадил Грегори перед Донни, вполне смирившимся со своей участью, подошел к другой стороне качелей и положил руку на сиденье позади Джейсона, чтобы уравновесить детишек.

В детском саду Адам был единственным помощником воспитателя мужского пола. Долговязый и добродушный парень, типичный филолог с копной спутанных темных волос и курчавой бородой. Сначала миссис Дарлинг сомневалась, не зря ли она его наняла, хотя большинство других детских садов брали на работу мужчин охотно. Она доверила ему пятилеток, или дошколят, потому что эти детишки, в основном мальчики, вполне годились в подготовительную группу

по возрасту, хотя по другим параметрам еще не были к ней готовы. Миссис Ди считала, что мужчина будет строг и научит их дисциплине. Однако Адам проявил себя человеком настолько мягким и заботливым, что через полгода его поменяли местами с Джорджиной. Теперь он охотно нянчил двухлеток — вытирал сопливые носы, утешал тоскующих по дому малышей и каждый день перед тихим часом распевал им колыбельные гундосым, чуть хриплым голосом под убаюкивающие звуки своей гитары.

В отличие от большинства мужчин он был гораздо выше Кейт, и все же в его присутствии она всегда чувствовала себя неуклюжей верзилой. Ей сразу хотелось стать мягче, грациознее, женственнее, и она стеснялась своей нескладности.

Кейт жалела, что у нее не было матери. Точнее, мать-то была, но она так и не научила ее строить отношения с людьми.

— Я видел, как ты прошла мимо во время тихого часа, — заметил Адам, помогая детям качаться. — Досталось тебе от миссис Дарлинг?

— Нет… — ответила она. — Мы просто обсуждали моего подопечного.

Натали фыркнула. Кейт посмотрела на нее сердито, и та нацепила на лицо преувеличенно

"извиняющееся" выражение, будто хотела сказать: "Ах, извините, пожалуйста!" Вот ведь святая простота! Да все знают, что она влюблена в Адама по уши.

На прошлой неделе детский сад так и гудел: Адам подарил Софии Ватсон ловца снов, которого сделал своими руками. Все прямо ахнули. А Кейт подумала, что причина довольно проста — они с Софией вместе ухаживают за малышами во второй группе.

* * *

Деликатность. Сдержанность. Дипломатичность. Интересно, в чем разница между деликатностью и дипломатичностью? Вероятно, "деликатность" означает, что говорить надо вежливо, а "дипломатичность" — вообще ничего не говорить. Хм, разве "сдержанность" не включает оба понятия?

Кейт не раз замечала, что люди чересчур разбрасываются словами. Можно обходиться гораздо меньшим количеством.

Она шла домой не спеша, наслаждаясь прекрасной погодой. С утра было еще холодно, потом потеплело, и Кейт повесила куртку на плечо. Юная парочка впереди неторопливо вышаги-

вала, девушка рассказывала длинную нудную историю про свою подругу Линди, и все же Кейт не стала их обгонять.

Она размышляла, приживутся ли в ее саду бледно-голубые анютины глазки вроде тех, что попались ей по дороге. Не слишком ли там темно, станут ли они цвести?

Вдруг ее кто-то окликнул. Кейт обернулась. К ней спешил светловолосый мужчина в джинсах и серой толстовке, махавший рукой, будто подзывает такси. Сначала Кейт не поняла, что ему от нее понадобилось, потом вспомнила: это же лаборант отца. Будь он в рабочем халате, она бы его узнала сразу.

— Привет! — воскликнул он, подойдя ближе. (Точнее, это прозвучало как "Првет!")

— Питер, — сказала она. — Точнее, Петр. Как дела?

— Боюсь, я простудился, — поведал он. — Из носа течет, да еще чихаю. И так с прошлого вечера.

— Засада, — кивнула Кейт.

Она зашагала дальше, он поспешил рядом.

— День в школе удался? — спросил он.

— Вполне.

Они нагнали юную парочку. Линди следует бросить того парня, твердила девушка, ведь она с

ним несчастна, юноша же возражал:

— Ну, не знаю, мне так не показалось.

— Разуй ты глаза! — воскликнула девушка. — Когда они вместе, она все время заглядывает ему в лицо, а он отворачивается! Все заметили — и Пэтси, и Паула, и Джейн Энн, и даже моя сестра подошла к Линди и сказала…

Петр схватил Кейт за плечо и обогнул парочку. Сперва она опешила. Он был чуть выше ее, и она едва поспевала за его широкими шагами, потом спохватилась и сбавила ход. Он тоже перестал торопиться.

— Почему вы не на работе? — спросила Кейт.

— Туда я и иду.

Лаборатория находилась поблизости, причем совсем в другой стороне. Впрочем, какая разница? Кейт посмотрела на часы. Хорошо бы попасть домой до прихода Белочки. В отсутствие взрослых ей не разрешалось приглашать домой мальчиков, но порой она нарушала это правило.

— В моей стране есть поговорка… — объявил Петр. Да неужели, подумала Кейт. — Мы говорим так: "Подели работу на части, и она займет меньше времени, чем когда делаешь ее целиком".

— Эффектно, — заметила Кейт.

— Давно вы отращиваете волосы?

Он так неожиданно сменил тему разговора, что Кейт растерялась.

— Что?… А, волосы. Кажется, с восьмого класса. Больше не могла выносить этих дурацких Болтушек Кэтти.

— При чем тут какая-то Кэтти?

— Болтушка Кэтти, кукла такая была, еще до Барби. Бла-бла-бла, в салоне красоты — одна сплошная болтовня. Женщины не успевают сесть в кресло, как начинают обсуждать все на свете — кавалеров, мужей, свекровей. Соседок по комнате, завистливых подружек. Распри и разногласия, любовные истории и разводы. И как они умудряются столько говорить? Из меня было слова не вытащить. Мою парикмахершу это неизменно огорчало. И в один прекрасный день я решила: "С меня хватит! Перестану стричься совсем".

— Волосы у вас исключительные, — похвалил Петр.

— Спасибо, — сказала Кейт. — Ну, мне тут сворачивать. Вы в курсе, что лаборатория совсем в другой стороне?

— Ах да, в другой! — воскликнул Петр, не слишком огорченный. — Ладно, Кейт. Увидимся! Отлично побеседовали!

Кейт свернула на свою улицу и махнула рукой, даже не оглянувшись.

* * *

Не успела она ступить на порог, как явственно услышала мужской голос.

— Белочка! — строго позвала она.

— Я ту-ут! — пропела сестра.

Кейт швырнула куртку на стул в прихожей и вошла в гостиную. Белочка с невинным видом сидела на диване — игривые золотистые кудряшки, легкая не по сезону маечка с открытыми плечами. Рядом расположился соседский мальчишка из семейства Минцев.

Что-то новенькое. Эдвард Минц был на несколько лет старше Белочки — юноша нездорового вида с рыжеватой всклокоченной растительностью на подбородке, смахивающей на лишайник. Школу он окончил в позапрошлом июне, но в колледж не поступил. Его мать винила во всем "японскую болезнь". "Что за болезнь такая?" — спросила Кейт, на что миссис Минц ответила: "Это когда молодые люди запираются в своих комнатах и отказываются жить нормальной жизнью". Только Эдвард вовсе не ограничивал себя своей комнатой, напротив, расположился на

застекленной веранде, выходившей аккурат на гостиную семейства Баттиста. Там он просиживал дни и ночи напролет в шезлонге, обхватив колени руками и покуривая подозрительно короткие сигаретки.

Что ж, по крайней мере, никакой романтикой тут и не пахнет. (Белочка питала слабость к футболистам.) Тем не менее правила есть правила, поэтому Кейт объявила:

— Белочка, ты же знаешь правило: в отсутствие взрослых никаких гостей!

— Какие гости?! — возмутилась Белочка, сделав большие и удивленные глаза. Она подняла блокнот, лежавший у нее на коленях. — У меня урок испанского!

— Неужели?

— Помнишь, я спрашивала у папы? Сеньора Макгилликадди сказала, что мне нужен репетитор? И я спросила у папы, а он ответил: "Ладно"?

— Да, но… — начала Кейт. Вряд ли отец понимал, что речь идет о соседе-укурыше. Однако вслух Кейт ничего не сказала — дипломатичность! Вместо этого она обратилась к Эдварду: — Ты отлично владеешь испанским, Эдвард?

— Да, мэм, проходил его целых пять семестров. — Было неясно, то ли он умничал, то ли

назвал ее "мэм" на полном серьезе. В любом случае Кейт стало неприятно, она вовсе не такая старая. — Иногда я даже думаю по-испански.

Белочка хихикнула. Так она реагировала буквально на все.

— Он уже меня многому научил? — воскликнула она.

Превращать утвердительные предложения в вопросительные было второй несносной привычкой Белочки. Иногда Кейт подтрунивала над ней, делая вид, что действительно воспринимает их как вопросы.

— Я ведь рядом не сидела, откуда мне знать?

— Что? — не понял Эдвард.

— Не обращай на нее внимания? — велела Белочка.

— В каждом семестре я получал пять или пять с минусом, — поведал Эдвард, — кроме последнего года, но я не виноват. Это все из-за стресса.

— Ясно, — сказала Кейт. — Тем не менее Белочке нельзя приглашать молодых людей, когда взрослых нет дома.

— Эй, это просто унизительно! — возмутилась Белочка.

— Не везет так не везет, — откликнулась Кейт. — Продолжайте, я буду неподалеку.

И она вышла из гостиной. Позади раздался шепот Белочки:

— Уно суко!

— Уна сука-а, — назидательно поправил ее Эдвард.

И оба сдавленно захихикали.

Белочка вовсе не была такой уж лапочкой, как могло показаться на первый взгляд.

Совершенно непонятно, почему Белочка вообще появилась на свет. Мать девочек — хрупкая, неброская розово-золотистая блондинка с лучистыми, как и у Белочки, глазами — провела первые четырнадцать лет брака в "домах отдыха", как их тогда называли. И вдруг родилась Белочка. Удивительно, что родителям вообще пришла в голову идея завести второго ребенка. Возможно, они и не планировали, и Белочка — дитя беспечной страсти. Впрочем, это еще менее вероятно. Так или иначе, при второй беременности у Теи Баттиста обнаружился порок сердца, либо же беременность стала его причиной, и женщина умерла, не прожив и года. Для Кейт мало что изменилось — мать присутствовала в ее жизни чисто номинально. А Белочка ее даже не помнила, хотя некоторые жесты матери она скопировала с пугающей точностью — напри-

мер, так же притворно-застенчиво подпирала подбородок рукой, или задумчиво покусывала указательный палец. Будто она успела изучить мать, еще находясь в утробе. Тетушка Тельма, сестра Теи, говаривала: "Ах, Белочка, при виде тебя у меня слезы на глаза наворачиваются! Ты просто копия твоей бедной мамочки!"

Кейт, напротив, ничуть не походила на мать. Она была смуглая, крепкая и немного нескладная. Ей бы и в голову не пришло манерно грызть пальчик, и вряд ли кто назвал бы ее лапочкой.

Кейт была *уна сука*.

* * *

— Кэтрин, дорогая моя!

Кейт пораженно отпрянула от плиты. В дверном проеме стоял отец, сияя улыбкой.

— Как прошел день? — спросил он.

— Нормально.

— Все хорошо?

— Более или менее.

— Превосходно! — Он так и маячил в дверях. Как правило, отец возвращался из лаборатории подавленный, весь в мыслях о проекте. Похоже, сегодня ему удалось продвинуться в своих исследованиях. — На работу пешком ходила?

— Да, конечно.

Кейт всегда ходила пешком, если погода не была совсем ненастной.

— А потом славно прогулялась до дому?

— Угу. Кстати, по пути столкнулась с твоим лаборантом.

— Неужели?

— Угу.

— Чудесно! И как у него дела?

— В каком смысле? — не поняла Кейт. — Разве вы не виделись сегодня?

— Ну, то есть о чем вы разговаривали?

Она долго не могла вспомнить.

— Вроде о волосах.

— Вот как. — Отец долго улыбался, потом, наконец, спросил: — О чем еще?

— Собственно, ни о чем.

Она снова повернулась к плите. Кейт подогревала питательную смесь, которую они всегда ели на ужин. Так называемое мясное пюре по большей части состояло из фасоли, зелени и картофеля, еще она добавляла немного тушеной говядины и перетирала все в сероватую кашицу. Блюдо готовилось по субботам на всю неделю. Отец сам его изобрел. Он недоумевал, почему все люди не питаются так же, — там присутствовали

необходимые питательные вещества и не приходилось тратить время на готовку.

— Отец, — начала Кейт, убавив газ, — ты знаешь, что Белочка наняла в качестве репетитора по испанскому Эдварда Минца?

— Что за Эдвард Минц?

— Эдвард из соседнего дома. Сегодня я вернулась с работы, а он сидел у нас в гостиной. Между прочим, это против правил. К тому же мы понятия не имеем, насколько он хорош в качестве репетитора. Я даже не знаю, во что нам обойдутся его услуги. Белочка тебе ничего не говорила?

— Ну, вроде бы да… Помню, она сказала, что с испанским у нее неважно.

— Да, и ты велел нанять репетитора. Она не стала обращаться в агентство, через которое мы нанимали учителей по математике и по английскому, а почему-то выбрала мальчишку из соседнего дома!

— Вероятно, у нее была на то причина, — пробормотал отец.

— С чего ты взял?!

Кейт постучала ложкой по краю кастрюли, чтобы сбросить налипшую серую массу.

Поразительно, до чего отец порой бывал некомпетентен в бытовых вопросах. Он жил словно в

вакууме. Экономка утверждала, что он слишком умен.

— Доктор занят очень важными проблемами, — говаривала она. — К примеру, ищет способ победить болезни во всем мире.

— Разве он не может заниматься и нами тоже? — недоумевала Кейт. — Мыши для него важнее родных детей! Совсем он о нас не заботится!

— Ну что ты, голубушка! Просто он не умеет показывать свою заботу. Представь, что он не знает языка или прибыл с другой планеты… Поверь, он о вас заботится.

Экономке наверняка понравилось бы Хорошее Правило миссис Дарлинг.

— Вчера мы говорили о Пиотре, — начал отец, — и мне кажется, ты не понимаешь всю серьезность ситуации. Визу ему выдали на три года. Прошло уже два года и десять месяцев.

— Надо же! — удивилась Кейт. Она выключила газ и взяла кастрюлю обеими руками. — Позволь пройти.

Отец попятился. Кейт прошла мимо него в столовую и водрузила ужин на подставку, всегда находившуюся в центре стола.

Хотя столовая была обставлена красивой, эле-

гантной мебелью, доставшейся от предков Теи, после ее смерти комната приняла довольно непрезентабельный вид. Полка серванта была завалена пузырьками с витаминами, почтовой корреспонденцией и всевозможными канцелярскими принадлежностями. На дальнем краю обеденного стола возвышаются стопка чеков, калькулятор, домовая книга и бланки декларации на подоходный налог. Заполнять их всегда приходилось Кейт, и она виновато посмотрела на отца, следовавшего за ней по пятам. (Последний день уплаты неумолимо приближался.) Однако доктор Баттиста был поглощен совсем другими мыслями.

— Видишь ли, в чем загвоздка… — продолжил он, идя за Кейт обратно на кухню.

Она достала из холодильника коробку с молоком.

— Позволь пройти.

Отец снова поплелся за ней в столовую. Он сжал кулаки и сунул их в глубокие передние карманы комбинезона, раздувшегося, как огромная муфта.

— Через два месяца Пиотру придется покинуть страну.

— Разве ты не можешь помочь ему с продлением визы?

— Теоретически — могу. Проблема в том, кто подаст ходатайство. Если проект считают недостаточно важным… Похоже, многие мои коллеги полагают, что я сбился с пути. Да откуда им знать? Я уверен, что стою на пороге открытия! Вот-вот найду ключ к излечению всех аутоиммунных нарушений!.. Однако иммиграционная служба наверняка примет такое решение, что я останусь без помощника. После одиннадцатого сентября с ней невозможно иметь дело!

— Бывает. — Они вернулись на кухню, и Кейт взяла из вазы три яблока. — Кого примешь вместо него?

— Вместо него?! — опешил отец. — Кейт, это же Пиотр Чербаков! Никто другой мне не сгодится!

— И все же, очевидно, придется тебе довольствоваться кем-то другим, — заявила Кейт. — Позволь снова пройти.

Она вернулась в столовую и положила по яблоку возле каждой тарелки.

— Мне конец! — воскликнул отец. — Я обречен! В таком случае можно сразу бросать работу над проектом.

— Господи, папа!

— Либо мы как-нибудь поможем ему легализоваться.

— Вот и хорошо. Помоги ему.

Кейт проскользнула мимо отца и вышла к лестнице.

— Белочка! — прокричала она. — Ужин на столе.

— Женитьба на американке помогла бы.

— Петр женится на американке?

— Пока нет, — ответил отец, семеня за ней в столовую. — Он ведь хорош собой, правда? Что скажешь? Девушки в нашем здании так на него и вешаются: всегда подыскивают повод с ним поболтать.

— Почему бы ему не жениться на одной из них? — спросила Кейт, садясь за стол и расправляя салфетку.

— Вряд ли, — вздохнул отец. — У него… К сожалению, дальше разговоров дело не идет.

— Тогда на ком ему жениться?

Отец сел во главе стола и откашлялся.

— Может, на тебе?

— Очень смешно! — резко бросила Кейт. — Да где же эта девчонка! Бернис Баттиста! — прокричала она. — Сейчас же иди сюда!

— Да здесь я, здесь, — проворчала Белочка, появляясь в дверях. — И ни к чему так орать. — Она плюхнулась на стул напротив Кейт. — Привет,

пап!

Повисла долгая пауза, во время которой доктор Баттиста выбирался из пучины своих мыслей. Наконец он ответил:

— Привет, Белочка.

Голос звучал глухо и мрачно. Белочка удивленно подняла брови. Кейт пожала плечами и взялась за сервировочную ложку.

Глава 3

— Хорошего вторника, дети! — объявила миссис Дарлинг и снова попросила Кейт заглянуть к ней в кабинет.

На этот раз Кейт не смогла отлучиться во время тихого часа, поскольку миссис Чонси была на больничном. К тому же по вторникам она дежурила в группе продленного дня. Пришлось ей томиться в неведении до самой половины шестого.

Она понятия не имела, о чем хочет поговорить миссис Дарлинг. Впрочем, обычно так оно и случалось. Здешний этикет был непостижим. Или же лучше назвать это традициями, регламентом или еще как-нибудь... К примеру, в некоторых странах нельзя показывать подошву своей обуви... Где же она напортачила? Сколько Кейт ни думала, ей не удалось вспомнить, ведь времени со вчерашнего полудня до сегодняшнего утра прошло так мало. С родителями она старалась особо не общаться, а о том малюсеньком эпизоде с молнией на куртке Антуана миссис Дарлинг вряд ли слышала. "Дурацкая проклятущая совре-

менная… жизнь!" — пробормотала Кейт сквозь зубы. Она ругалась на жизнь, не на Антуана, и мальчик наверняка это понял. Вдобавок вряд ли он помчался бы к директрисе ябедничать.

Молния была двойная: можно расстегнуть снизу, а сверху она останется застегнутой. В итоге куртку пришлось снимать через голову. Кейт терпеть не могла такие молнии: нет, ну какова наглость, подобные штучки будто лучше тебя знают, что именно тебе нужно!

Как там выразилась миссис Дарлинг днем раньше? Она ведь не говорила "Еще одна жалоба, и вы уволены"? Вроде нет. В такие подробности она не вдавалась. Прозвучало нечто типа "не то узнаете", как взрослые любят стращать детей, хотя, по сути, в подобной формулировке ничего страшного нет.

Кажется, прозвучали слова "по тонкому льду".

Чем же она будет заниматься, если вылетит с работы? Тогда в жизни совсем ничего не останется, можно и с кровати не вставать по утрам.

Вчера, играя в "Покажи и расскажи", Хлоя Смит поведала о том, как на выходных побывала в контактном зоопарке. Сказала, что видела маленьких козлят, и Кейт воскликнула: "Везет же!" (К козочкам Кейт питала особую слабость.) И

спросила девочку:

— Они резвились? Козочки всегда прыгают и резвятся, если у них хорошее настроение.

— Конечно, резвились! Еще чуть-чуть, и они порхали бы как бабочки, — серьезно ответила Хлоя.

Описание показалось Кейт настолько исчерпывающим и будничным, что она получила ни с чем не сравнимое удовольствие. Как странно: для того, чтобы по-настоящему оценить что-то, нужно едва его не лишиться.

Без двадцати шесть последняя мама забрала последнего ребенка (миссис Амхерст, вечно везде опаздывает), Кейт в последний раз делано улыбнулась, плотно сжав губы, чтобы не ляпнуть что-нибудь неподходящее, распрямила плечи, сделала глубокий вдох и направилась в кабинет директора.

Миссис Дарлинг поливала комнатные растения. Вероятно, она уже перепробовала все способы убить время. Кейт оставалось лишь надеяться, что ожидание ее не разозлило (как всегда бывало с самой Кейт), и начала с извинений:

— Простите ради бога! Я не виновата — миссис Амхерст опоздала!

Миссис Амхерст директрису не интересовала.

— Присаживайтесь, — велела она Кейт, расправляя юбку и устраиваясь в кресле.

Кейт села.

— Эмма Грей, — сказала миссис Дарлинг. Сегодня она явно не отличалась многословием.

Эмма Грей? Кейт судорожно перебирала варианты. Странно… С Эммой Грей никаких проблем не возникало.

— Эмма спросила у вас, кто в группе лучше всех рисует, — напомнила миссис Дарлинг, сверяясь с блокнотом. — И вы ответили: "Думаю, что Джейсон".

— Все так, — ответила Кейт.

Кейт подождала, однако ударной фразы не последовало. Миссис Дарлинг отложила блокнот, будто на этом и закончила. Сплела пальцы в замок и уставилась на Кейт с чувством выполненного долга.

— Все так и было, — развернула свою мысль Кейт.

— Мать Эммы очень расстроена, — поведала миссис Дарлинг. — Она считает, что из-за вас Эмма чувствует себя неполноценной.

— Да она и есть неполноценная! — воскликнула Кейт. — Рисовать Эмма Джи ни фига не умеет! Она спросила моего мнения, я его высказала.

— Кейт, — вздохнула миссис Дарлинг, — это настолько спорно, что я даже не знаю, с чего начать.

— А что не так-то? Я не понимаю.

— Вы могли бы ответить так: "Милая Эмма, рисование вовсе не спорт, соревноваться ни к чему. Зато у тебя такая богатая фантазия!" И добавить что-то вроде: "Все вы справляетесь превосходно".

Кейт попыталась представить, как она говорит детям такое. И не смогла.

— Честное слово, Эмма не придала этому значения! Она сказала: "Ну да, Джейсон" и пошла играть дальше.

— Очень даже придала и рассказала своей матери, — возразила миссис Дарлинг.

— Может, она сказала просто так, для поддержания беседы.

— Дети ничего не говорят просто так, Кейт.

Судя по опыту работы в детском саду, Кейт могла бы с ней поспорить, но не стала.

— Ну, вам виднее. К тому же дело было на прошлой неделе.

— К чему это вы?

Обычно в ответ на подобный вопрос Кейт пожимала плечами и отвечала: "Проехали". Однако на сей раз сдержалась. (Беда с героическим прояв-

лением сдержанности — в том, что затраченных усилий, увы, никто не замечает.)

— Я к тому, что это было давно, — ответила Кейт. — Еще до случая с отцом Джамиши. До того, как я обещала исправиться. Конечно, я помню свое обещание и стараюсь изо всех сил. Веду себя очень дипломатично и тактично.

— Приятно слышать, — откликнулась миссис Дарлинг.

Вряд ли Кейт удалось ее убедить. Впрочем, увольнять Кейт она тоже не стала. Просто покачала головой и добавила, что на этом пока все.

* * *

Вернувшись домой, Кейт обнаружила на кухне беспорядок. Белочка жарила какую-то белую субстанцию на слишком сильном огне, и весь дом провонял китайским ресторанчиком — в воздухе мешались запахи подгоревшего масла и соевого соуса.

— Что это за ерунда? — возмутилась Кейт, убавляя газ.

Белочка отшатнулась.

— Вот только не надо на меня набрасываться! — воскликнула она, держа кулинарную лопатку как мухобойку. — Это тофу?

— Тофу?!

— Теперь я вегетарианка?

— Быть того не может, — вздохнула Кейт.

— Каждый час в нашей стране погибают шестьсот шестьдесят тысяч невинных животных!

— Откуда ты знаешь?

— Мне Эдвард сказал.

— Эдвард Минц?

— Он не ест тех, кого убивают. Поэтому со следующей недели перестань класть говядину в наше мясное пюре!

— Мясного пюре без мяса не бывает.

— Здоровее будем. Ты представляешь, какими токсинами мы набиваем свои желудки?

— Почему бы тебе просто не вступить в секту? — спросила Кейт.

— Так и знала, что ты меня не поймешь!

— Лучше накрой на стол, — утомленно вздохнула Кейт.

Открыв холодильник, она достала кастрюлю с мясным пюре. Белочка не всегда была такой. В вертихвостку она превратилась годам к двенадцати. Изменения сказались даже на прическе. Раньше она носила две аккуратные косички, теперь на голове красовалось облако золотистых вздыбленных кудряшек, сквозь которые прогля-

дывало солнце, если смотреть под правильным углом. Рот чуть приоткрыт, невинные глазки слегка вытаращены, короткая юбочка подтянута едва не до ушей, чтобы сильнее обнажить бедра. Кейт полагала, что сестра строит из себя припевочку нарочно, хотя и не понимала, каким образом подобная инфантильность может привлекать мужчин. Тем не менее привлекала, да еще как. Белочка пользовалась бешеной популярностью. На людях она нарочито косолапила, кокетливо ставя ножку к ножке, и с притворной застенчивостью покусывала палец. Впрочем, дома на кухне она ходила нормально.

Кейт вынимала яблоки из вазы, и вдруг раздался голос отца.

— Предупрежу Кейт, что мы уже здесь, — сказал он кому-то и позвал: — Кейт!

— Что?

— Это мы!

Кейт бросила взгляд на Белочку, которая выкладывала тофу на тарелку.

— Что значит "мы"? — крикнула Кейт.

В проеме возник доктор Баттиста. Рядом маячил Петр Щербаков.

— Ой, Петр, — вздрогнула она.

— Првет! — поздоровался Петр. На нем была все

та же серая толстовка, в руке он держал небольшой бумажный пакет.

— А вот и моя вторая дочь, Белочка, — объявил доктор Баттиста. — Зайка, познакомься с Пиотром.

— При-иивет! Как дела? — улыбнулась Белочка, показав ямочки на щеках.

— Уже два дня кашляю и чихаю, — ответил Петр. — Из носа тоже течет. Похоже, подхватил микроба.

— Ах вы, бедняга!

— Пиотр останется на ужин, — сообщил доктор Баттиста.

— Неужели? — откликнулась Кейт.

Она могла бы напомнить отцу, что, как правило, повара оповещают заранее, но в этом доме не было такого правила, ведь подобных ситуаций не возникало никогда. Сколько Кейт себя помнила, семейство Баттиста никого не приглашало на ужин. Белочка радостно воскликнула: "Классно!" (Как считала Белочка, чем больше народу, тем веселее.) Она мигом достала из посудомоечной машины чистую тарелку и столовые приборы. Тем временем Петр протянул Кейт бумажный пакет.

— Подарок хозяевам, — пояснил он. — Десерт.

Кейт взяла пакет и заглянула внутрь. Там лежали четыре плитки шоколада.

— Что ж, спасибо.

— Девяностопроцентный шоколад. Флавониды. Полифенолы.

— Пиотр — приверженец темного шоколада, — поведал доктор Баттиста.

— Ах, обожаю шоколад! — призналась Белочка. — Постоянно его ем и никак не могу наесться?

Белочка залопотала вовремя, потому что Кейт вовсе не была рада приходу гостя. Она взяла из вазы четвертое яблоко и вернулась в столовую, бросив на отца сердитый взгляд. Он улыбнулся и потер руки.

— Разбавим наш тесный семейный круг! — доверительно сообщил он.

— Пф-ф!

Кейт снова направилась на кухню. Белочка тем временем расспрашивала Петра, о чем он больше всего скучает, думая о родине. Глаза ее лучились восторгом, она заглядывала гостю в лицо, сжимая в руках тарелку и приборы, с готовностью кивала, будто мисс Хозяйка месяца.

— По соленым огурцам, — признался Петр.

— Они там просто потрясающие?

— Заканчивай накрывать на стол, — перебила Кейт. — Ужин давно готов.

— Как так? Погоди, — вмешался доктор Баттиста, — давайте сначала немного выпьем.

— Выпьем?!

— Пропустим по стаканчику, сидя в гостиной.

— Да! — обрадовалась Белочка. — Папочка, а мне можно? Малюсенький-премалюсенький глоточек вина?

— Конечно, нет! — воскликнула Кейт. — Твое умственное развитие и так оставляет желать лучшего.

Петр одобрительно ухнул.

— Ну, па-ап! Ты слышал, что она про меня сказала?

— Я не шучу! — отрезала Кейт. — Больше репетиторов мы не потянем. К тому же я умираю хочу есть. Отец, ты сегодня задержался как никогда.

— Ладно, ладно! — сдался доктор Баттиста. — Извини, Пиотр. Похоже, решать повару.

— Без проблем, — кивнул Петр.

Иначе бы и не вышло, потому что кроме бутылки кьянти, оставшейся с Нового года, алкоголя в доме не было.

Кейт внесла кастрюлю в столовую и водрузила на подставку. Тем временем Белочка поставила

тарелку и приборы Петра рядом с собой. Из-за кипы налоговых деклараций всем пришлось ютиться на одном конце стола.

— А как насчет людей, Пиотр? — спросила неугомонная Белочка, едва тот уселся. — Вы по кому-нибудь скучаете?

— Ни по кому, — ответил он.

— Совсем-совсем?

— Я вырос в детском доме.

— Вот дела! Первый раз общаюсь с детдомовцем!

— Ты забыла принести Петру воды, — напомнила Кейт, накладывая мясное пюре и передавая тарелки.

Белочка отодвинула было стул, но Петр ее остановил.

— Без проблем.

— Пиотр считает, что вода мешает действию ферментов, — пояснил доктор Баттиста.

— Чего? — не поняла Белочка.

— Пищеварительных ферментов.

— Особенно вода со льдом, — сказал Петр. — Замораживает ферменты прямо в протоках.

— Неужели вы ни разу об этом не слышали? — восхищенно спросил у дочерей доктор Баттиста.

Кейт пожалела, что отец сам не может женить-

ся на Петре, если уж он так озабочен его статусом. Они будто созданы друг для друга.

По вторникам Кейт слегка разнообразила меню, подавая тортильи и острый соус, чтобы сделать из мясного пюре буррито. Однако Петр не стал заморачиваться. Он залил пюре лавиной соуса, вооружился ложкой и принялся за раскопки, внимательно кивая доктору Баттиста, который разглагольствовал о том, что женщины страдают от аутоиммунных заболеваний чаще мужчин. Кейт задумчиво ковырялась в тарелке, аппетита как не бывало. Сидевшая напротив нее Белочка тоже не испытывала особого желания есть тофу. Она аккуратно отделила кусочек с краю, положила в рот и принялась осторожно жевать передними зубами. Зелень — два бледных стебля сельдерея — так и осталась нетронутой. Вряд ли ее вегетарианство продлится дольше трех дней, решила Кейт.

Доктор Баттиста видел причину в том, что у женщин кожа тоньше, чем у мужчин. Вдруг он умолк и уставился на тарелку Белочки.

— Что это?! — воскликнул он.

— Тофу?

— Тофу!

— Я больше не ем мяса?

— Неужели это разумно? — спросил отец.

— Вздор! — заявил Петр.

— Я же тебе говорила! — сказала Кейт.

— Откуда она будет получать B_{12}? — спросил Петр доктора Баттиста.

— Полагаю, из мюсли, что она ест на завтрак, — задумчиво протянул доктор Баттиста. — Разумеется, при условии, что продукт будет витаминизированный.

— Полный вздор, — повторил Петр. — Отказываться от пищи — это так по-американски! В других странах люди расширяют свой рацион, чтобы быть здоровее. Американцы делают наоборот.

— Как насчет консервированного тунца? По сути, его никто не убивает. В тунце есть B_{12}?

Кейт так удивилась вопросу Белочки, что не сразу заметила реакцию отца. Он обхватил голову руками и принялся раскачиваться взад-вперед.

— Нет-нет-нет-нет-нет! — простонал он.

Все трое уставились на него с изумлением.

Он поднял голову и сказал:

— Ртуть!

— Ах да, — кивнул Петр.

— Мне плевать! — заявила Белочка. — Ни за что не стану есть бедных теляток, которые всю

жизнь живут в клетке и не пасутся!

— Это уже совсем из другой оперы! — сказала Кейт. — Говядина и телятина — вещи разные. Я никогда не кладу телятину в мясное пюре!

— Телятина, говядина, милые пушистые ягнятки… Какая разница! Это ужасно! Скажите, Пиотр, — насела она на гостя, — как вы можете жить спокойно, мучая бедных мышек?

— Мышек?

— Ну, или кого вы там мучаете в своей лаборатории?

— Эх, Белочка-девочка, — горестно вздохнул доктор Баттиста.

— Мышей я вовсе не мучаю, — с достоинством ответил Петр. — В лаборатории твоего отца им отлично живется. Прекрасная кормежка, общение с себе подобными. У некоторых даже есть имена. Они живут куда лучше, чем дикие мыши.

— Не считая того, что вы втыкаете в них иголки, — сказала Белочка.

— Да, но…

— И мышки потом болеют!

— Нет, в данный момент уже не болеют. И это весьма показательно, потому что…

Зазвонил телефон, Белочка воскликнула:

— Я подойду!

Отодвинув стол, она помчалась на кухню, оставив Петра сидеть с раскрытым ртом.

— Алло? А-а, это ты! При-ииветик!

Когда звонили мальчики, Белочка начинала говорить с придыханием, в голосе появлялись игривые нотки. Как ни странно, отец это тоже заметил.

— Кто звонит? — Он развернулся в сторону кухни и прокричал: — Белочка! Кто звонит?

Та притворилась, что не слышит.

— А-аааах, — проворковала она. — А-ах, как мило! Как это мило с твоей стороны!

— С кем она разговаривает? — спросил доктор Баттиста у Кейт. Она пожала плечами. — Мало того, что весь ужин она отвечала на эсэмэски, теперь ей еще и звонят!

— А что сразу я? — возмутилась Кейт.

Лично она ни за что не позволила бы себе подобного тона, разговаривая по телефону. Надо же настолько себя не уважать!.. Кейт попыталась представить: ей звонит, скажем, Адам Барнс, и она говорит ему, что с его стороны очень мило… Бр-р! При одной мысли об этом ее передернуло.

— Ты поговорил с ней о мальчишке Минцев? — спросила она.

— Каком мальчишке?

— О ее репетиторе, отец.

— Ах да! Нет, не успел.

Кейт вздохнула и предложила Петру добавки.

Петр и доктор Баттиста принялись обсуждать пролиферацию лимфоидных клеток. Белочка закончила телефонный разговор и сидела между ними с надутым видом, разрезая свой тофу на микроскопические кусочки. (Она не привыкла, что ее игнорируют.) В конце ужина Кейт сходила на кухню за шоколадом, но тарелки убирать не стала, поэтому все побросали обертки от плиток прямо на остатки еды. Откусив конфету, Кейт поморщилась и решила, что девяносто процентов какао — процентов на тридцать многовато. Петр развеселился.

— В моей стране есть пословица, — сказал он. — Если лекарство не горькое, то и пользы от него никакой.

— Десерт едят не для пользы, — резко бросила Кейт.

— А на мой вкус — превосходно! — восхитился доктор Баттиста.

Вероятно, он и не подозревал, что уголки его рта кривятся вниз, как на рисунках хмурых рожиц в исполнении детишек из четвертой группы. Белочка тоже была не в восторге от шоколада,

поэтому вскочила и сбегала на кухню за банкой меда.

— Не хочешь намазать сверху? — спросила она у Кейт.

Та отмахнулась и вместо этого взяла яблоко.

— Папочка? Попробуй с медом?

— Спасибо, Бельчонок! — обрадовался отец, макая шоколад в банку. — Медок от Белочки!

Кейт закатила глаза.

— Мед — одна из моих самых любимых биологически активных добавок к пище, — поведал отец Петру.

Белочка протянула банку гостю.

— Пиотр, будете?

— Нет, спасибо.

Отчего-то он не отрывал глаз от Кейт. У него была привычка смотреть из-под полуприкрытых век, благодаря чему у него был такой вид, будто он вот-вот придет к какому-то выводу.

Раздался громкий щелчок. Кейт вздрогнула и обернулась к отцу, весело махнувшему своим мобильником.

— Думаю, скоро я освою эту штуку!

— Перестань!

— Я просто так, руку хочу набить.

— И меня щелкни! — заныла Белочка. Она

отложила недоеденную плитку и поспешно вытерла рот салфеткой. — Сфоткай и отправь мне на телефон.

— Я пока не знаю, как это делается, — признался отец, но фото сделал. — Пиотр, на предыдущем снимке Белочка тебя загораживала. Сядь рядом с Кейт, и я вас сфотографирую вместе.

Петр с готовностью пересел, однако Кейт возмутилась:

— Отец, что на тебя нашло? Телефон целый год провалялся — и вдруг такой ажиотаж.

— Пора начать жить в современном мире! — воскликнул он и поднес к глазам телефон, будто старый фотоаппарат "Кодак". Кейт отодвинула стул и поднялась, чтобы не попасть в кадр. Снова раздался щелчок, отец опустил мобильник и принялся просматривать снимки.

— Я помогу с посудой, — заявил Петр и встал.

— Не утруждайтесь, посудой займется Белочка.

— Почему бы сегодня вам с Пиотром ее не заменить? — предложил доктор Баттиста. — У Белочки наверняка не сделано домашнее задание.

— Вовсе нет, — возразила Белочка.

Белочке вообще почти никогда и ничего не задавали на дом.

— Ладно, тогда поговорим о твоем репетиторе

по математике, — сказал доктор Баттиста.

— Что с ним не так?

— По испанскому, отец, — напомнила Кейт.

— Нам нужно поговорить о твоем репетиторе по испанскому. Пошли, — сказал он, подымаясь.

— Понятия не имею, зачем о нем говорить, — проворчала Белочка, идя за отцом.

Петр собирал тарелки в стопку.

— Послушайте, мне помощь вовсе не нужна, — сказала Кейт. — Спасибо, конечно.

— Вы говорите так из-за того, что я иностранец, но я-то знаю, что посуду в Америке моют мужчины.

— Только не в этом доме. У нас тут ее никто не моет. Мы просто складываем посуду в специальную машинку и включаем, как она заполнится. В следующий раз, садясь за еду, берем сколько нужно, потом снова включаем.

Петр задумался.

— Значит, некоторые тарелки моются по два раза, даже если с них никто не ел.

— Да хоть по десять! Суть вы уловили верно.

— А иногда вы едите с грязных тарелок.

— Если только кто оближет до блеска, — рассмеялась она. — Это система такая. Папа придумал.

— Вот как, — отозвался Петр. — Система, зна-

чит.

Он повернул кран и принялся споласкивать тарелки. Такого папина система не предполагала; в соответствии с его инструкциями грязные тарелки следовало снова загрузить в машинку. Вдобавок, и без второго пробега они становились практически стерильными. Судя по его лицу, Петр вовсе не был в восторге, и Кейт возражать перестала. Даже несмотря на то что он включил горячую воду, хотя отец сошел бы с ума — столько вреда для окружающей среды.

— У вас нет домработницы? — спросил Петр.

— Увы, — ответила Кейт, убирая мясное пюре обратно в холодильник. — Вот и приходится пользоваться папиной системой.

— Ваша мать испустила дух.

— Умерла, — поправила Кейт. — Да.

— Скорблю о вашей утрате, — отчетливо проговорил Петр, будто повторяя заученные наизусть слова.

— Не стоит, — махнула рукой Кейт. — Я ее особо не знала.

— Почему?

— После моего рождения с ней случилась депрессия. — Кейт вернулась в столовую, вытерла со стола и снова пришла на кухню. — Посмотрела

на меня и впала в отчаяние.

Кейт рассмеялась. Петр промолчал. Ой, он же вырос в детском доме!

— Похоже, вы не знали своей матери, — сказала она.

— Совсем не знал. — Он сложил тарелки в посудомоечную машинку, хотя они выглядели вполне чистыми. — Меня кинули.

— Вы имеете в виду, подкинули?

— Да, прямо на крыльцо приюта. В ящике из-под консервированных персиков. Записка гласила: "Два дня от роду".

Когда Петр дискутировал с отцом Кейт на научные темы, его английский был вполне сносным, однако в быту он говорил довольно коряво и отрывисто. С артиклями у него совсем беда! Ей не понять его трудностей, потому что в родном языке Петра артиклей нет и в помине.

Кейт бросила полотенце в корзину для грязного белья. (Отец признавал лишь полотенца из стопроцентного хлопка, которые следовало стирать с отбеливателем после каждого использования. На поролоновые губки он смотрел почти со священным ужасом.)

— Ну, вот мы и закончили, — сказала Кейт. — Благодарю за помощь. Думаю, отец ждет вас в

гостиной.

Петр смотрел на нее выжидающе, но Кейт прислонилась к раковине и скрестила руки на груди. Наконец он отвернулся и вышел, а Кейт отправилась в столовую заканчивать налоговую декларацию.

* * *

— По-моему, все прошло отлично! — сказал отец.

Он проводил гостя и вернулся в гостиную. Кейт сложила числа в колонке, подняла взгляд и спросила:

— С Белочкой поговорил?

— С Белочкой…

— Вы говорили про Эдварда Минца?

— Да.

— И что она сказала?

— О чем?

Кейт вздохнула.

— Пожалуйста, сосредоточься. Ты спросил, почему она не обратилась в агентство? Узнал, сколько денег берет Эдвард?

— Не берет он никаких денег.

— Очень плохо!

— Почему?

— Договоренность должна строиться на профессиональной основе. Иначе как мы уволим репетитора в случае его профнепригодности?

— Не хочешь ли ты выйти замуж за Пиотра? — спросил отец.

— Что?!

Кейт откинулась на спинку стула и изумленно раскрыла рот, держа калькулятор в одной руке, а шариковую ручку — в другой. Смысл вопроса дошел до нее, будто удар в солнечное сплетение.

Отец терпеливо дожидался ответа, сунув кулаки в карманы комбинезона.

— Надеюсь, ты пошутил!

— Кейт, подумай как следует, — сказал он. — Не стоит принимать скоропалительных решений.

— Ты предлагаешь мне выйти замуж за человека, которого я совершенно не знаю, лишь бы твой лаборант остался при тебе?!

— Он не обычный лаборант, это же сам Пиотр Чербаков! К тому же вы немного знакомы. Я лично могу за него поручиться!

— Так вот чем ты занимался последние несколько дней! — сообразила Кейт. До чего унизительно слышать, как твой голос дрожит. Только бы отец не заметил. — Ты пытался нас свести, а я даже не поняла! Мне и в голову не пришло, что родной

отец задумает такое.

— Кейт, ты слишком остро реагируешь. Рано или поздно тебе придется выйти замуж. А Пиотр — человек исключительный, невероятно талантливый. Если он покинет мой проект, это будет невосполнимая утрата для всего человечества! И мне он нравится. Отличный парень! Уверен, познакомившись с ним поближе, ты скажешь то же самое.

— Белочке ты никогда бы подобного не предложил, — горько бросила Кейт. — Она же твоя любимая девочка-конфетка!

— Ну, Белочка еще в школе учится, — напомнил отец.

— Так пускай бросит школу! Все равно толку от ее учебы ноль!

— Кейт, не будь жестокой! — Он немного подумал. — К тому же за Белочкой и так увивается целая толпа молодых людей.

— А за мной, значит, нет?

Спорить отец не стал. Он посмотрел на Кейт с надеждой, напряженно сжав губы, и половинки его усов сошлись в щеточку.

Если сохранять невозмутимое выражение лица, не моргать и не разговаривать, то слезы могут и не брызнуть. Поэтому Кейт промолчала. Она

медленно поднялась, стараясь ничего не задеть, положила калькулятор, повернулась и вышла из столовой с гордо задранным подбородком.

— Кэтрин! — окликнул отец.

Она вылетела в коридор, подбежала к лестнице и помчалась наверх. Слезы лились в три ручья и катились по щекам. Миновав площадку, она обогнула стойку перил и с размаху врезалась в Белочку, которая спускалась вниз.

— Что с тобой? — удивилась сестра.

Кейт швырнула ей в лицо шариковую ручку, ворвалась в свою комнату и захлопнула дверь.

Глава 4

Боль от ран душевных бывает ничуть не слабее боли от ран физических. В следующие несколько дней Кейт убедилась в этом на своем опыте. Ей и раньше приходилось страдать, однако теперь она ощутила боль остро как никогда — будто в грудь воткнули нож. Спору нет, звучит странно: при чем тут грудь? Ведь сердце — не более чем насос, который прокачивает по телу кровь. И все же Кейт казалось, что ее сердце изранено, как будто одновременно усохло и распухло, как бы противоречиво это ни звучало.

Каждый день, идя на работу, она чувствовала себя пронзительно одинокой. Буквально у всех прохожих есть друзья или подруги, с которыми можно посмеяться, поделиться наболевшим или легонько ткнуть локтем в бок. Стайки девушек держатся так, будто определенно знают об этой жизни все. Влюбленные парочки шепчутся, склонив головы, соседские кумушки сплетничают у своих машин перед работой. Взбалмошные мужья, трудные подростки, несчастливые друзья — предмет обсуждения может быть любой, но

стоит Кейт подойти ближе, как все умолкают и отрывисто здороваются: "Доброе утро", даже если они с ней не знакомы. Кейт притворялась, что не слышит. Если склонить голову пониже, то волосы отлично закрывают лицо.

Погода стояла весенняя, зацветали одуванчики, звонко чирикали птицы. Будь у нее время, Кейт с удовольствием бы посадовничала. Ей это всегда помогало. Увы, каждое утро надо было идти в детский сад, наклеивать фальшивую улыбку и встречать у главного входа детишек. Некоторые малыши до сих пор расставались с родителями неохотно, крепко цеплялись за их колени и прятали зареванные личики. Родители удрученно смотрели на Кейт, она героически изображала сочувствие, которого не испытывала вовсе, и делано-бодрым голосом спрашивала: "Хочешь, я возьму тебя за руку, и мы зайдем вместе?" Причина была проста: в дверях стояла миссис Дарлинг, дожидаясь предлога для увольнения. Впрочем, хоть бы и уволила — какая теперь разница?

По пути в четвертую группу Кейт кивала воспитателям и нянечкам, с которыми сталкивалась в коридоре. Здоровалась с миссис Чонси, убирала верхнюю одежду и сумку в шкаф. Входя в класс, дети наперебой делились с Кейт последними но-

востями — что учудил любимый питомец, какой страшный сон приснился ночью, что подарила бабушка — и порой все говорили одновременно, а Кейт стояла дуб дубом и повторяла: "Да ну? Хм. Подумать только". Усилия приходилось прилагать титанические, но дети ничего не замечали.

Занятия Кейт проводила на автомате — все эти бесконечные "покажи и расскажи", "читаем сказку" и "подвижные игры". В перерыве шла в учительскую, где миссис Бауэр разглагольствовала об операции по удалению катаракты, или миссис Фэйруэзер делилась опытом лечения больных суставов. Беседа прерывалась, воспитатели приветствовали Кейт, она бормотала что-то себе под нос, опускала голову, пряча лицо, и бочком пробиралась в туалет.

Четвертая группа вступила в некую особенно склочную фазу, и все девочки перестали разговаривать с Лайамом Эм.

— Что ты им сделал? — спросила Кейт.

— Сам не знаю, — ответил ребенок.

Кейт ему поверила. Иногда маленькие девочки плетут недетские интриги. Поэтому она велела Лайаму не обращать внимания и немного потерпеть; малыш кивнул, тяжело вздохнул и отважно расправил плечи.

За обедом она безучастно гоняла еду вилкой по тарелке, на вкус все было как вата. В пятницу Кейт не взяла из дома вяленую говядину (точнее, не смогла взять, потому что та неожиданно закончилась) и съела лишь пару виноградин. Впрочем, аппетита у нее все равно не было, — распухшее сердце поднялось до горла и мешало глотать.

Во время тихого часа Кейт сидела за столом миссис Чонси и смотрела в пустоту. Раньше она листала старые газеты миссис Чонси или прибирала разбросанные игрушки (в уголке "Лего" или на столике для детского творчества), сейчас же она таращилась в никуда и копила обиду на отца.

Должно быть, она ничего для него не значит; в погоне за научным открытием дочь стала для него разменной монетой. Если уж на то пошло, то у Кейт нет цели в жизни. Разве сможет она найти мужчину, который ее полюбит? — думает отец. — Почему бы не выдать ее за того, кто хотя бы мне пригодится?

Не то чтобы у Кейт никогда не было отношений с противоположным полом. После окончания школы (мальчишки ее слегка побаивались) у нее было много парней. Ну, по крайней мере на свидания ее приглашали. И даже не по одному

разу. Отец совершенно не вправе был считать ее никому не нужной!

Кроме того, ей всего двадцать девять. Времени для поисков мужа предостаточно!

В пятницу после обеда Кейт задумчиво гоняла по утрамбованной площадке крышечку от бутылки, мучая себя и вспоминая слова отца. Он сказал, что парень ему нравится. Будто этого достаточно, чтобы выдать за него свою дочь! А заявление о том, что отъезд Петра станет огромной потерей для человечества! Можно подумать, отцу есть до человечества хоть какое-то дело. Проект стал для отца самоцелью. В сущности, конца ему не видно. Он тянется и тянется, обрастает ответвлениями, заходит в тупик, потом идет в обход, и никто, кроме ученых уже не знает, зачем это нужно. В последнее время Кейт стала сомневаться, видят ли цель сами ученые. Похоже, инвесторы о нем вообще забыли, и финансирование продолжается по привычке. Отец бросил преподавать уже давно (несложно представить, что из него был за учитель) и с тех пор скитался по лабораториям, которые периодически закрывали или переводили в другие места. Когда в университете Джонса Хопкинса открылся специализированный аутоиммунный научно-исследовательский центр,

отца туда не пригласили. Либо он сам отказался, Кейт не знала наверняка. В любом случае он продолжал себе работать в одиночку, и никто не удосуживался проверить, есть ли у него хоть какие-нибудь подвижки. А вдруг ему удалось добиться невероятных результатов?... Тем не менее в данный момент Кейт не могла придумать ни одной достойной причины, по которой отец имел право вот так пожертвовать своей старшей дочерью.

Кейт промазала, вместо крышечки пнув кустик травы, чем весьма удивила малыша, ждущего своей очереди на качели.

Должно быть, Натали удалось завоевать благосклонность Адама. Изящно сидя на корточках, она утешала плачущего ребенка с ободранным локтем. Адам стоял рядом и сочувственно наблюдал.

— Почему бы тебе не отвести ее в группу и не наклеить пластырь? — предложил Адам. — За детьми на качелях я присмотрю.

— Ах, Адам, спасибо! — Натали грациозно поднялась и заботливо повела ребенка в здание. Сегодня она была в платье, что невиданно для нянечек. Оно соблазнительно шелестело вокруг бедер, и Адам смотрел на девушку чуть дольше

приличного.

Пару месяцев назад Кейт тоже пришла на работу в юбке. Обычная джинсовая юбка с клепками и молнией впереди, никаких там складочек-оборочек, и все же она надеялась, что будет выглядеть чуть более женственно… Старушки-воспитательницы мигом заметили и отреагировали.

— Кое-кто решил принарядиться! — воскликнула миссис Бауэр, и Кейт смутилась.

— Разве она нарядная? Просто остальные вещи в стирке, вот и все!

Адам вроде бы не заметил. В любом случае носить юбку на работе оказалось крайне непрактично (по игровому городку не полазишь), вдобавок Кейт долго не могла забыть своего отражения в зеркале. Молодящаяся старушка, да и только. Разумеется, до старости было еще далеко, но на следующий день Кейт снова пришла в "левисах".

А теперь Адам подошел к ней прогулочным шагом и обронил:

— Ну, бывают же такие травматичные дни!

— В каком смысле?

— Только что девочка ободрала локоть, с утра один из моих ребят сунул палец в точилку для карандашей.

— Ой! — поморщилась Кейт.

— Перед обедом Томми Бэсс выбил зуб, пришлось звонить его матери, чтобы забрала беднягу…

— А-а, понятно, это и есть травматичный день, — кивнула Кейт. — Зуб в молоко положили?

— В молоко?

— Кладешь зуб в молоко, и потом его можно вставить на место, если повезет.

— Черт, нет, не положил, — ответил Адам. — Завернул в бумажную салфетку на случай, если они захотят отдать его зубной фее.

— Ну, тогда не волнуйся — зуб не постоянный.

— Откуда ты знаешь про молоко?

— Просто знаю, и все.

Кейт понятия не имела, куда девать руки, поэтому болтала ими взад-вперед, пока не вспомнила: Белочка сказала, что когда она так делает, то похожа на парня. (Если верить Белочке.) Она сунула руки в карманы джинсов.

— В девять лет я получила бейсбольной битой по зубам, потеряла коренной, — призналась Кейт. Внезапно до нее дошло, что бейсбол — игра для девочек неподходящая, и она поспешно добавила: — Я мимо проходила. По дороге домой. И наша экономка сказала, что зуб надо положить

в молоко.

— Похоже, уловка сработала, — заметил Адам, глядя на нее более пристально. — У тебя прекрасные зубы.

— Ах, ты… Хм, это так мило с твоей стороны! — вовремя поправила себя Кейт.

Она принялась чертить в пыли дуги носком кроссовки. Подошла София, и они стали обсуждать рецепт хлеба без замеса. После полудня кукла-балерина снова бросила куклу-морячка (Кейт и не подозревала, что они опять сошлись). На этот раз они расставались из-за того, что морячок вел себя неподобающим образом.

— Пожалуйста, Корделия! — взмолилась Эмма Джи, говорившая за морячка. — Я больше никогда не буду вести себя неподобающим образом! Обещаю!

Балерина ответила:

— Последних шансов я давала тебе предостаточно. С меня хватит!

И тут Джамиша свалилась с табурета-стремянки и набила на лбу огромную шишку, подтвердив теорию Адама о травматичных днях. Не успела Кейт ее успокоить, как громко повздорили Хлоя и Эмма Дабл-Ю.

— Девочки! — повысила голос миссис Чонси.

В отличие от Кейт она реагировала на детские ссоры сразу.

— Так нечестно! Эмма Дабл-Ю захапала всех пупсов! У нее кукла "пью и писаю", плачущая кукла и анатомически точная кукла! А мне остался только дурацкий деревянный Пиноккио!

Миссис Чонси повернулась к Кейт, надеясь на ее немедленное вмешательство, но Кейт велела им разбираться самим и пошла проверить, чем заняты мальчики. Один малыш играл с куклой (тоже с пупсом), возя ее лицом вниз с громким жужжанием, словно это машина-грузовик. Жаль, ведь на пупсов сегодня такой спрос. Впрочем, Кейт решила не связываться. Боль обиды перекинулась с груди на левое плечо, как бывает при инфаркте. Подобный исход вполне устроил бы Кейт.

* * *

По пути домой она вспоминала разговор с Адамом. Кейт дважды восхищенно ахнула совершенно по-девчоночьи, чего терпеть не могла, к тому же ее голос звучал выше, чем обычно, плюс дурацкая интонация в конце предложений. Вот же бестолочь! "Так мило с твоей стороны!" Фу! Проходя мимо любимого японского клена

миссис Гордон, Кейт получила веткой по лицу. Яростно отмахнувшись, она помчалась дальше, мимо дома Минцев, надеясь, что в приоткрытую дверь ее не заметят и разговаривать с соседями не придется.

Белочка еще не вернулась. Отлично! Кейт швырнула сумку на стул в прихожей и отправилась на кухню перекусить. Желудок начал возмущаться из-за пропущенного обеда. Она отрезала себе кусок чеддера и прошлась по кухне, размышляя, что купить завтра в продуктовом. Если готовить мясное пюре без мяса (следует разоблачить лжевегетарианку Белочку), то придется положить побольше другого ингредиента — чечевицы или гороха. Рецепт отца рассчитан на то, чтобы пюре хватило ровно до вечера пятницы. Однако на этой неделе вышло иначе: Белочка его совсем не ела, а помощи Петра, несмотря на волчий аппетит, было недостаточно. К субботе им все не съесть, и отец расстроится.

Кейт с неохотой удалила из списка покупок говядину. Шаблон на компьютере создал отец, распределив продукты и бытовую химию в порядке, в котором они стояли на полках супермаркета. Сегодня Кейт вычеркнула мини-колбаски салями, прежде так любимые ее сестрой, сушеную

говядину решила оставить и добавила в список шампунь. Отец не включил его в шаблон, потому что мыться можно и мылом и обходится оно гораздо дешевле. Когда у них работала экономка, порядки в доме были не такие строгие. Не то чтобы доктор Баттиста не пытался все упорядочить, просто беспечный нрав миссис Ларкин доводил его до умопомрачения.

— Почему нельзя просто записывать то, что мне в голову придет? — воскликнула она, когда доктор попытался вручить ей шаблон. — Это вовсе не сложно: морковь, горох, курица…

Пирог с курицей в исполнении миссис Ларкин был восхитителен! Пока не слышал отец, она велела Кейт ни в коем случае не позволять мужчине вмешиваться в домашнее хозяйство.

— Непременно увлечется, войдет в азарт, — предостерегла экономка, — и твоя жизнь уже тебе не принадлежит!

Кейт припомнила ссору между родителями, когда отец пытался научить мать загружать посудомоечную машину. "Ложки нужно класть ручками вниз, ножи и вилки — ручками вверх, — твердил он. — Таким образом, ты никогда не уколешься, и сортировка столовых приборов займет гораздо меньше времени". Позже он решил,

что вынимать посуду из машины вообще не следует. Кейт сочла такой подход вполне разумным, однако мама разрыдалась и убежала в спальню.

В вазе лежал изрядно увядший клементин, купленный еще в феврале. Кейт почистила его и съела. Она стояла у окна, разглядывая маленький красный скворечник, который прикрепила на кизиловом деревце на прошлой неделе. Птицы им так и не заинтересовались.

Интересно, Петр в курсе, что задумал отец? Видимо, да. До чего унизительно! Наверняка он тоже сыграл свою роль: "случайно" столкнулся с Кейт на улице, когда она шла домой, навешал ей комплиментов про волосы, затем пришел на ужин. Не похоже, что его заботила истекающая виза. Такое чувство, что он воспринимает план ее отца как нечто само собой разумеющееся!

Что ж, теперь-то он должен понять, что ничего не выйдет! Отец наверняка успел сообщить о ее отказе. Интересно, какое у него было при этом лицо?

К Кейт Баттиста просто так не подступишься!

Кейт поднялась наверх, зашла в комнату Белочки и забрала из корзины грязное белье. Отец считал, что сортировка вещей после стирки занимает слишком много времени, поэтому велел

каждому члену семьи выбрать свой день. Белочкин день был пятница. Впрочем, стирка все равно оставалась на Кейт.

Из-за многочисленной косметики, выставленной на комоде с зеркалом, в комнате сильно пахло подгнившими фруктами. Большая часть вещей, которым место в корзине для белья, была разбросана по полу. Там их Кейт и оставила. Убирать за сестрой — не ее забота.

В подвале было пыльно и уныло, ноги и руки Кейт мигом налились тяжестью. Она поставила корзину с бельем и замерла на мгновение, потом выпрямилась и открыла дверцу стиральной машины.

* * *

Когда пришла Белочка, Кейт возилась в саду — подстригала старые побеги клематиса возле гаража. Белочка распахнула заднюю дверь с проволочной сеткой и крикнула:

— Ты там? — Кейт обернулась и вытерла лоб рукавом. — Есть что перекусить? Умираю с голоду!

— Это ты доела мою вяленую говядину? — спросила Кейт.

— Кто — я?! Ты забыла, что я теперь веганка?

— Веганка? — повторила Кейт. — Погоди, ты же

вроде вегетарианка?

— Веганка, вегетарианка — какая разница?

— Если не знаешь разницы, то какая ты…

— Моя одежда выстирана?

— В сушилке.

— Ты ведь не сунула туда мою кофточку с открытыми плечами?

— Сунула, если она была в корзине для белья.

— Кейт, ну в самом деле! Ты же знаешь, белое я откладываю до дня стирки постельного белья!

— Откладываешь, так и стирай сама, — отрезала Кейт.

— У меня была тренировка чирлидерш! Не могу я успевать везде и сразу!

Кейт вернулась к работе.

— Что за семейка! — возмутилась Белочка. — Нормальные люди сортируют одежду по цветам.

Кейт сунула обрезки лианы в мусорный пакет.

— Поэтому и одежда после стирки у них не одинаково серого цвета!

Сама Кейт ходила в темном и клетчатом. Предмет беседы ее совершенно не занимал.

* * *

За ужином отец так и сыпал комплименты.

— Специи для карри сама молола? — спросил он.

(По пятницам мясное пюре трансформировалось в карри.) — Вкус необычайно оригинальный!

— Не-а.

— Возможно, дело в правильном количестве специй. Остринка мне нравится!

Так он вел себя последние три дня. Вид у отца был жалкий.

Белочка ела тост с сыром и картофельные чипсы с зеленым луком. Заявила, что это ее гарнир. Прекрасно, пусть загибается от авитаминоза.

Долгое время раздавался лишь хруст чипсов и звон вилок о тарелки. Наконец доктор Баттиста откашлялся.

— Итак, — начал он мягко. — Я вижу, что налоговые декларации еще здесь.

— Точно, — ответила Кейт.

— М-да. Я упоминаю о них лишь потому… Мне кажется, скоро последний день подачи.

— Да неужели? — Кейт изумленно подняла брови. — Последний день — кто бы мог подумать!

— Я к тому… Впрочем, ты наверняка об этом помнишь.

— Знаешь, папа, в этом году тебе самому придется заполнить свою налоговую декларацию!

Он раскрыл рот от удивления.

— Я сделаю свою, ты — свою, — заявила Кейт.

Вообще-то, ей и заполнять было особо нечего. К тому же она давно закончила и отправила свои документы в налоговую.

— А… э… — проблеял отец. — У тебя так хорошо получается, Кэтрин!

— Уверена, ты справишься самостоятельно, — отрезала Кейт.

Он повернулся к Белочке. Та иронически улыбнулась, посмотрела на сестру и подняла сжатую в кулак руку.

— Так держать, Кэтрин!

Такого поворота Кейт не ожидала.

* * *

За Белочкой заехала чья-то мама на машине, набитой пищащими и хохочущими девчонками, машущими из всех окон. Радио играло на полную, оглашая окрестности барабанным боем.

— Мобильник взяла? — крикнула Кейт и, спохватившись, добавила: — Когда вернешься?

— Пока-пока! — ответила Белочка, хлопнула дверью и уехала.

Кейт приготовила ленч на завтра, выключила свет в кухне и столовой. Отец был в гостиной — сидел в кожаном кресле, увлеченно читая научный журнал. Кейт прошла по коридору, и отец

явно напрягся: заметил. Не успел он начать разговор, как Кейт круто свернула влево и бросилась по лестнице, перескакивая через две ступеньки. За ней скрипнуло кресло, однако останавливать ее отец не стал.

Хотя на улице едва стемнело, Кейт переоделась в пижаму. Почистив зубы, уставилась на свое отражение в зеркале; склонила голову, коснулась стекла лбом и посмотрела себе в глаза. Под ними лежали темные, почти черные круги. Она вернулась в спальню, легла на кровать, поправила подушку, придвинула ближе лампу, взяла с тумбочки книгу и стала читать.

Ей нравился Стивен Джей Гулд. Кейт отдавала предпочтение научно-популярной литературе, в основном по естествознанию и теории эволюции. В романах большого толку она не видела, хотя и читала их время от времени. Если ей не спалось, она отправлялась в воображаемое путешествие по кембрию. Четыреста пятьдесят миллионов лет назад единственными живыми существами были беспозвоночные, и ни один из них не жил на суше.

Глава 5

Осенью Кейт посадила на заднем дворе крокусы. Последние несколько недель она ждала всходов, внимательно осматривая землю под стволом багряника. Увы. Утром в субботу, вернувшись из похода по магазинам, она проверила снова, расковыряв клумбу лопаткой. Ни единой луковицы… То ли кроты постарались, то ли мыши-полевки, то ли другие вредители.

В кухне зазвонил телефон. Кейт перестала копать и отбросила с лица волосы. Белочка давно проснулась (Кейт слышала, как недавно она плескалась в душе), однако отвечать на звонок не спешила. К тому времени, как девушка зашла в дом, сработал автоответчик, и голос отца произнес:

— Кейт, возьми трубку. Это папа.

На стойке лежал пакет с ланчем. И как она раньше его не заметила? Кейт замерла на пороге заднего входа и сердито на него воззрилась.

— Кейт! Ты где? Я забыл дома ланч.

— Чертовски тебе не повезло, — пробурчала Кейт в пустой кухне.

— Не завезешь его ко мне на работу?

Кейт отправилась обратно в сад. Совок швырнула в ведро и взялась за специальный инструмент для удаления корней одуванчиков.

Телефон зазвонил снова.

На этот раз она успела раньше автоответчика.

— Сколько раз, по-твоему, я поведусь на эту уловку?

— А, Кейт! Кэтрин. Боюсь, я снова забыл свой ланч.

Она промолчала.

— Ты меня слышишь?

— Боюсь, придется тебе обойтись без ланча.

— Что-что? Кейт, я ведь не прошу тебя о многом.

— Вообще-то, просишь.

— Просто принеси мой ланч! Я не ел со вчерашнего вечера.

Кейт задумалась.

— Ладно. — Она бросила трубку прежде, чем отец успел ответить, вышла в коридор и крикнула в лестничный пролет: — Белочка!

— Чего? — откликнулась сестра совсем рядом.

Кейт заглянула в гостиную. На диване рядышком сидели Белочка и Эдвард Минц. На коленях сестра держала открытую книгу.

— Приве-ет, Кейт! — восторженно воскликнул Эдвард.

Джинсы на нем были такие драные, что сквозь дыры проглядывали волосатые коленки. Кейт его проигнорировала.

— Отцу нужно отнести ланч, — обратилась она к Белочке.

— Куда?

— Сама-то как думаешь? И почему трубку не берешь?

— Потому что у меня урок испанского? — возмущенно ответила Белочка и указала на книгу, лежащую на коленях.

— Так прервись и сбегай в лабораторию!

— Твой папа сидит в лаборатории по субботам? — спросил Эдвард у Белочки.

— Всегда он в лаборатории? — воскликнула Белочка. — Работает по семь дней в неделю?

— И по воскресеньям тоже?

— Почему бы тебе самой не сбегать? — перебила его Белочка.

— Я занята в саду, — ответила Кейт.

— Белочка, я тебя подброшу, — пообещал Эдвард. — Где его лаборатория?

— К сожалению, Белочке нельзя ездить с мальчиками одной.

— Эдвард не мальчик! — возразила Белочка. — Он мой репетитор?

— Правила знаешь: пока не исполнится шестнадцать — нельзя.

— Я очень ответственный водитель, — заявил Эдвард.

— Извини, правило есть правило.

Белочка захлопнула книгу и швырнула ее на диван.

— Все девочки в школе катаются с мальчиками чуть ли не каждый вечер!

— Скажи об этом папе. Не я придумала правила! — ответила Кейт.

— Да какая разница? Вы с ним похожи как две капли воды!

— Что? Возьми свои слова обратно! — воскликнула Кейт. — Ни чуточки мы не похожи!

— Ах, виновата, извини ради бога! — Белочка ослепительно улыбнулась, мило приподняв уголки рта. (Так подленько улыбались девочки, когда Кейт была в седьмом классе.) Она встала и буркнула: — Пойдем, Эдвард.

Он пошел за ней.

— Я — единственный вменяемый человек в этой семейке, — заявила она. Кейт проводила их по коридору. В дверях кухни ей пришлось

попятиться, потому что Белочка стремительно выскочила оттуда, яростно размахивая пакетом с ланчем. — Остальные двое — совсем чокнутые! — поделилась она с Эдвардом, следовавшим за ней по пятам как щенок.

Кейт достала из холодильника сандвич с ростбифом, купленный утром в гастрономическом отделе. К приготовлению вегетарианского пюре она еще и не приступила, между тем нехватка мяса уже остро ощущалась.

Разворачивая сандвич, она бросила взгляд в окно. Из гаража Минцев задним ходом выехал серый минивэн. На пассажирском сиденье с видом королевы расположилась Белочка, упрямо глядя перед собой. Ну и ладно. Если отцу так важно соблюдение его драгоценных правил, пусть сам и следит за дочерью.

— Не припомню, чтобы мне запрещалось ездить одной с мальчиками, — сказала она отцу, когда тот озвучивал новые правила.

— Не припомню, чтобы тебе хоть кто-то предлагал, — ответил отец.

Кейт немного размечталась: сначала Белочка вырастет, потом состарится и станет такой же блеклой, как почти все блондинки. Волосы, как солома, лицо морщинистое, как печеное яблоко,

все в красных прожилках, губы бледные. И отец признается Кейт, что Белочка вовсе не оправдала его надежд.

* * *

На заднем дворе стояла бетонная скамья, выщербленная и замшелая. Обычно на нее никто не садился, но сегодня Кейт, вместо того чтобы есть в кухне, решила перекусить снаружи. Она опустилась с краю, рядом поставила тарелку с сандвичем, откинулась на спинку и посмотрела на крону соседнего дерева. По нижней ветке метался дрозд, оглашая воздух пронзительными трелями. Может, у него тут гнездо, хотя вроде не видно. На огромном дубу через дорогу две невидимые птицы вели беседу. "Тюрли? Тюрли? Тюрли? — спрашивала одна, другая отвечала: — Фью! Фью! Фью!" Сложно сказать, то ли вторая здоровалась с первой, то ли ее поправляла.

Закончив работу в саду, Кейт смешает ингредиенты для пюре, затем сменит постельное белье и займется стиркой. А что потом?

Друзей у нее больше нет. Все живут своей жизнью — окончили колледж, нашли работу в других городах, некоторые даже женились или вышли замуж. Иногда они приезжают в Балтимор на

Рождество, но ей звонить давно перестали. Да и о чем с ней говорить? Никто ей даже не шлет эсэмэс, не считая Белочки, когда та задерживается после школы и просит Кейт ее забрать.

Тюрли и Фью умолкли, дрозд тоже улетел. Кейт убедила себя, что дрозд счел ее достойной доверия. Она откусила сандвич и сделала вид, что разглядывает клумбу с гиацинтами и ничуть не интересуется его дурацким гнездом. Ряды кудрявых белых лепестков напомнили ей бумажные завитки на концах бараньих ребрышек в ресторане.

— Првет!

Кейт перестала жевать.

Из задней двери вышел Петр и спустился по ступенькам. Сегодня он был в лабораторном халате, надетом поверх футболки; пока он шел, лацканы развевались на ветру.

Кейт глазам своим не поверила. И как ему хватило наглости?

— Парадная дверь была нараспашку, — пояснил он.

Чертова Белочка!

Петр подошел к Кейт и посмотрел на нее сверху вниз. Хорошо хоть ему хватило ума не пытаться вести светскую беседу.

Зачем он явился? Наверное, решил лично убедиться, что она не желает иметь с ним ничего общего. Отец точно ему все сказал, почувствовала Кейт. Прежде он приветствовал ее легким поклоном, вроде "Вот он я!" (картинка так и встала у нее перед глазами). Сегодня было иначе: Петр стоял с мрачным видом и вел себя почти по-военному сдержанно.

— Что вам надо? — спросила она.

— Пришел извиниться.

— Вот как.

— Боюсь, мы с доктором Баттиста вас оскорбили.

Узнать, что он это понимает, было одновременно приятно и унизительно.

— С нашей стороны было неосмотрительно просить вас обманывать ваше правительство, — сказал он. — Думаю, американцы испытывают от этого чувство вины…

— Не только неосмотрительно, — перебила его Кейт. — Вы поступили по-свински, эгоистично, обидно и… мерзко!

— Вот крыса!

— Где? — поспешно обернулась Кейт, но увидела лишь заросли кустарника.

Петр расхохотался.

— Очень смешно, — оценил он.

— Чего?

Петр с улыбкой смотрел на нее сверху вниз, покачиваясь с пятки на носок и держа руки в карманах. Неужели он вообразил, что теперь они в хороших отношениях? Кейт взяла с тарелки ростбиф, демонстративно откусила большой кусок и принялась жевать. Петр лишь продолжал улыбаться. Похоже, у него была уйма свободного времени.

— Вас могут арестовать! — напомнила Кейт, проглотив то, что было во рту. — Жениться ради грин-карты — уголовное преступление.

Вид у него был не особо расстроенный.

— Извинения приняты, — добавила Кейт. — Увидимся.

Кейт надеялась, что не увидит его больше никогда.

Петр испустил глубокий вздох, вынул руки из карманов и присел на скамейку. Такого Кейт не ожидала. Между ними стояла тарелка, в сохранности которой Кейт сомневалась, хотя если она ее уберет, то Петр может счесть это за приглашение придвинуться ближе. Значит, пусть стоит, где стоит.

— Идея была дурацкая, — сказал он, глядя на

газон перед собой. — Понятное дело, вы вполне можете сами найти себе мужа. Вы девушка крайне независимая.

— Женщина.

— Вы очень независимая женщина с прекрасными волосами, которым не нужны никакие салоны красоты, и вы похожи на танцовщицу…

— Не стоит перебарщивать, — перебила Кейт.

— На танцовщицу фламенко, — уточнил он.

— Вот как, — сказала Кейт. — Значит, фламенко.

Ритмичные прихлопы и притопы на паркете. Логично.

— Ладно, Петр, — решительно сказала Кейт. — Спасибо, что заглянули.

— Вы единственная, кто произносит мое имя правильно, — грустно заметил он.

Она снова откусила сандвич и принялась жевать, глядя исключительно на газон перед собой, как и Петр. Неожиданно ей стало его жаль.

— А доктор Баттиста! — вдруг воскликнул он. — Почему вы зовете его "отец", а ваша сестра — "папа"?

— Он сам так велел, — ответила Кейт, — но вы же знаете нашу Белочку-девочку…

— А!

— Раз уж зашла речь, почему вы называете его "доктор Баттиста", а он вас — "Петр"?

— У меня язык не поворачивается назвать его Луисом, — потрясенно воскликнул Петр, что прозвучало как Лу-виссс. — Ведь он выдающийся ученый!

— Неужели?

— В моей стране — да! Я столько лет о нем слышал! Когда я объявил, что уезжаю работать с доктором, в моем институте все просто взвыли от зависти.

— Надо же! — поразилась Кейт.

— Разве вам неизвестна его репутация? Ба! У нас есть поговорка: человек, которого уважает весь мир…

— Ясно-ясно, все поняла, — поспешно вставила Кейт.

— Порой он ведет себя как тиран, хотя другие ученые позволяют себе куда больше. А он даже голоса не повышает! И с сестрой вашей он очень терпелив.

— При чем тут сестра?

— Она же ветреница, да? Сами знаете.

— У нее ветер в голове, — поправила Кейт. — Это точно.

Она и сама обрела некую воздушность. И улыб-

нулась.

— Сестра сдувает челку со лба, строит всем глазки и отказывается от животных белков. Доктор ей ни слова не скажет против. Как это правильно!

— Сомневаюсь, — возразила Кейт. — По-моему, он очень предсказуем. Безумен, как все гениальные ученые, вот и западает на пустоголовых блондинок, чем ветренее — тем лучше. До чего банально! Ясное дело, блондинки от него тоже без ума, как и многие другие женщины. Посмотрели бы вы на отца на рождественских вечеринках у тети Тельмы!.. Женщины вокруг него так и вьются: уж больно он им кажется недосягаемым и загадочным. Каждая надеется, что именно ей удастся подобрать ключ к его сердцу.

Разговаривая на подобную тему с иностранцем, Кейт чувствовала себя вполне раскованно. Ему можно рассказать что угодно — все равно поймет хорошо если половину, особенно при быстром темпе речи.

— Ума не приложу, что случилось с Белочкой, — поделилась она. — В младенчестве я считала ее чуть ли не собственной дочерью — я была в том возрасте, когда дети любят понянчить малышей. Как она меня обожала — копировала меня во всем, и только я могла ее утешить. Потом, уже

подростком, она здорово отдалилась, стала совсем другой: общительной и компанейской, я бы даже сказала, слишком общительной. А я вдруг превратилась в злобную старую деву, хотя мне всего двадцать девять. Понятия не имею, почему так произошло!

— Не все ученые, — задумчиво протянул Петр.

— Что?

— Не все ученые предпочитают блондинок, — пояснил он и бросил на нее быстрый взгляд из-под полуопущенных век. Конечно, он не понял ничего из сказанного Кейт. Легко отделалась!

— Хотите половинку моего сандвича? — спросила она.

— С удовольствием, — сказал Петр, ни минуты не колеблясь. Он откусил изрядный кусок и пока жевал, на челюсти будто шишка вспухла. С набитым ртом он добавил: — Думаю, я могу называть вас Катя.

Кейт не хотелось быть Катей, хотя, поскольку они больше никогда не увидятся, то и возражать не имело смысла.

— Ну, как хотите, — беззаботно ответила она.

— Почему американцы всегда начинают издалека?

— В каком смысле?

— Каждое предложение вы начинаете с "Ну..." или "Ну да..." или "Хм" или "В любом случае...". Вы говорите "Итак...", хотя перед этим не было сказано ничего такого, что стоило бы подытожить, или "В смысле...", хотя перед этим не было сказано ничего такого, что стоило бы прояснить. Молчите-молчите, потом говорите "В том смысле, что...". Почему вы так делаете?

— Ну, ну да, хм... — медленно начала Кейт. Сначала он не понял, потом коротко хохотнул. От его смеха Кейт непроизвольно улыбнулась. — Встречный вопрос: почему вы начинаете говорить так внезапно? Вы просто выстреливаете фразами! "Так и так", начинаете вы. "Эдак и вот так" — будто кувалдой бьете. Выходит слишком решительно и безапелляционно. Все, что вы говорите, звучит как... как постановление правительства.

— Понятно, — кивнул Петр и тут же поправился: — Ну да, понятно.

Теперь она тоже рассмеялась. Кейт откусила свою половинку сандвича, Петр — свою. Подумав немного, она призналась:

— Иногда мне кажется, что иностранцы специально разговаривают не похоже на нас. Послушайте, как иностранец поет американскую

популярную песенку, к примеру, или рассказывает шутку, в которой приходится имитировать южный говор или ковбойские интонации. Выходит идеально, без малейшего акцента! Подражаете вы безукоризненно! И тогда становится ясно, что вы просто не хотите говорить, как мы. Потому что вы гордитесь своим акцентом.

— Я не горжусь, — покачал головой Петр. — Хочу избавиться от акцента.

Он уставился на свой сандвич — просто держал его обеими руками и смотрел вниз; веки полуопущены, и она даже не могла сказать, о чем он думает. Внезапно Кейт поняла: хотя он коверкает согласные и гласные звуки, внутри он формулирует свои мысли ничуть не менее сложные и глубокие, чем у нее.

Кейт положила корочку на тарелку и вытерла руки о джинсы.

— Что будете делать теперь? — спросила она.

Он поднял взгляд.

— Делать?

— С вашей визой.

— Не знаю.

— Жаль, что ничем не могу помочь.

— Без проблем, — заверил он. — Честное слово! Спасибо за сочувствие. Полагаю, все наладится,

так или иначе.

Кейт понятия не имела, как все может наладиться, но решила проявить сдержанность.

Петр доел сандвич и отряхнул ладони. Уходить он и не думал.

— Симпатичный у вас садик.

— Спасибо.

— Любите за ним ухаживать?

— Ага.

— Я тоже.

— Раньше мне хотелось стать ботаником, — поделилась Кейт, — а потом меня выгнали из колледжа.

— За что вас выгнали?

Кейт поняла, что на сегодня достаточно. Иначе он подумает, что ему удалось ее смягчить. Она поспешно поднялась и сказала:

— Давайте провожу вас до машины.

Петр тоже встал, глядя на нее удивленно.

— Не стоит.

Тем не менее она направилась к палисаднику, и ему пришлось последовать за ней.

Обогнув дом, они увидели минивэн Минцев и Белочку, машущую с пассажирского сиденья. Она ничуть не смутилась тому, что Кейт застала ее в машине с мальчиком.

— Привет снова, Пиотр! — крикнула она.

Петр молча поднял руку, Кейт отвернулась и пошла заканчивать работу в саду. День и вправду стоял чудесный. Она все еще злилась на отца, однако ей грело душу, что парень, за которого ее пытался выдать отец, по крайней мере, не конченый хам.

Глава 6

— Кэтрин, жизнь моя! — вскричал отец. — Мое сокровище! Свет моих очей!

Кейт оторвалась от книги.

— Да?

— У меня будто гора упала с плеч! — воскликнул он. — Это надо отпраздновать! Где Белочка? Та бутылка вина еще цела?

— Белочка ушла к подруге с ночевкой, — ответила Кейт, загнула уголок страницы и отложила книгу в сторону. — Что празднуем?

— Будто не знаешь! Скорей идем на кухню.

Кейт поднялась, чувствуя смутную тревогу.

— А наш Пиотр — парень себе на уме! — заметил отец, направляясь на кухню. — Молчком выскочил из лаборатории, пока там была Белочка со своим репетитором. Я даже не знал, что он ходил повидаться с тобой, пока он не сообщил мне новость.

— Какую еще новость?

Отец не ответил, открыл холодильник и пошарил в глубине.

— О какой новости ты говоришь? — спросила

Кейт.

— Вот она! — Отец извлек початую бутылку кьянти, закупоренную довольно небрежно.

— Отец, она стоит уже семь месяцев.

— Ну и что, она же хранилась в холодильнике. Систему мою ты знаешь. Давай бокалы!

Кейт потянулась к верхней полке застекленного буфета.

— Скажи хотя бы, за что пьем, — попросила она, протягивая отцу два пыльных бокала.

— Как за что?! Пиотр говорит, что теперь он тебе нравится.

— Неужели?

— Рассказал, как вы вдвоем сидели в саду, ты угостила его дивным ланчем, и вы мило пообщались.

— Ну, если можно так сказать, — пожала плечами Кейт. — И что с того?

— Значит, у него появилась надежда! Он уверен, что все получится!

— Ах, так! Уверен, значит? Тогда он больной на всю голову!

— Ну-ну, — добродушно проговорил отец, разливая вино. Смешно встопорщив усы, он отошел и сравнил уровень жидкости в бокалах. — Пять унций. На шестнадцать секунд.

Кейт поставила бокал в микроволновку и нажала нужные кнопки.

— Лишний раз убеждаюсь, что быть вежливой не стоит. В самом деле! Явился без приглашения, можно сказать, вломился в дом, хотя входная дверь была открыта — спасибо Белочке! А если бы нас ограбили?... В любом случае вышло совершенно по-хамски. Прервал мой заслуженный перерыв, слопал половину моего сандвича с ростбифом... Конечно, я сама предложила, хотя он мог бы и отказаться из вежливости. Впрочем, откуда иностранцам о ней знать...

— Ничего не забыла? — спросил отец, кивнув в сторону микроволновки — вино уже согрелось.

— И посмотри, как он все извратил! — задохнулась Кейт, заменяя один бокал другим. Она снова нажала кнопки. — Что мне было делать: сидеть молча? Естественно, я поддерживала видимость беседы. А теперь ему хватает наглости заявить, что он мне нравится!

— И все же признайся, он способен внушить симпатию!

— При чем здесь симпатия?! Ты же просишь меня выйти за него замуж!

— Нет-нет-нет, не прямо сейчас, — заверил отец. — Давай не будем забегать вперед. Я лишь

прошу тебя не принимать поспешных решений. Подумай над моим планом. Только не слишком долго, ведь уже апрель. Но…

— Отец! — строго проговорила Кейт.

— Вино, — напомнил он, кивнув в сторону микроволновки.

Кейт достала второй бокал, отец поднял свой.

— У меня тост! Выпьем за… — Кейт боялась, что он скажет "за тебя и Пиотра", но он закончил иначе: — За непредвзятость!

Доктор отпил глоток, Кейт к вину не притронулась и поставила бокал на стойку.

— Прелестно! — объявил отец. — Стоит поделиться моей системой с журналом "Ценитель вин".

Он сделал глоток побольше. С наступлением весны отец перестал носить нательные рубахи в мелкий рубчик, которые носил зимой. Рукава рабочего комбинезона были закатаны до локтей, обнажая тонкие волосатые руки, выглядевшие удивительно хрупкими. Неожиданно Кейт стало его жалко, несмотря на всю ее злость. До чего же он неприспособленный, как он вообще умудряется выживать?!

— Отец, посмотри правде в глаза, — почти ласково проговорила Кейт. — Я никогда не выйду

замуж за нелюбимого человека.

— Знаешь, в других культурах браки планируют родители…

— Мы-то не в другой культуре, и никакого запланированного родителями брака не намечается. Это не брак, а рабство!

— Что?! — ужаснулся отец.

— Разве нет? Ты пытаешься сбыть меня с рук против моей воли. Хочешь, чтобы я жила с чужим мне человеком, спала с ним — ради твоей выгоды! Разве это не рабство?

— Вот тебе и на! — воскликнул он. — Господи, Кэтрин! Я и не думал, что тебе придется с ним спать!

— Разве?

— Теперь понятно, почему ты так сопротивлялась!

— А ты что ожидал?

— Ну, я просто… Боже мой! Этого от тебя никто не требует! — Он отпил вина и прокашлялся. — Все, на что я рассчитывал — мы будем жить, как жили, только Пиотр переедет к нам. Похоже, без этого не обойтись. Мы отдали бы ему бывшую комнату миссис Ларкин, ты бы осталась в своей спальне. Я полагал, что это ты понимаешь. Боже правый!

— Тебе не приходило в голову, что Службе иммиграции это покажется подозрительным? — спросила Кейт.

— С чего бы? Многие супружеские пары спят раздельно. Скажем, что Пиотр храпит. Может, так оно и есть — кто знает? Видишь ли… — Он принялся шарить по карманам в поисках телефона. — Видишь ли, я кое-что выяснил. Нужно задокументировать, что ухаживание происходило постепенно, тогда мы докажем… — Прищурившись, отец посмотрел на экран мобильника, нажал одну кнопку, другую и снова прищурился. — Фотографии! — воскликнул он. — Фотографии, снятые на протяжении некоторого времени. Так мы докажем, что у вас есть общая история!

На первом кадре Кейт и Петр сидели за столом наискосок друг от друга в отцовской лаборатории, Кейт на табурете, Петр на складном стуле. Кейт была в замшевой куртке, Петр — в лабораторном халате. Оба смотрели на фотографа ошарашенно, словно их застигли врасплох.

На следующем фото они сидели в той же позе, только теперь Кейт говорила что-то фотографу. На шее у нее очертились две жилки, о которых она прежде и не подозревала.

На другом кадре фигура Кейт вышла смазанно.

Она стояла на тротуаре, повернувшись к мужчине, шагающему за ней следом. Было непонятно, кто это.

На четвертой фотографии они шли под руку, огибая другую пару. Похоже, отец за ней следил.

На пятом кадре Кейт с Петром сидели за столом в доме Баттиста, на переднем плане маячила Белочка, и банка меда у нее в руках частично закрывала лицо Петра.

Потом Петр сидел за столом рядом с Кейт. Это была последняя фотография.

— Разберусь и перешлю их тебе, — пообещал отец. — Думаю, вам пора начать обмениваться эсэмэсками.

— Что-что?

— Я тут прочел в газете, что иногда Служба иммиграции просит супружеские пары предъявить свои телефоны. Просматривают переписку, дабы убедиться, что они действительно состоят в отношениях.

Кейт протянула телефон отцу, но он в это время подливал себе вина. Первый бокал он уже допил, теперь, похоже, собирался допить всю бутылку. Он протянул ей бокал и попросил:

— Четырнадцать секунд.

— Почему так мало?

— Ну, вино уже немного согрелось на воздухе.

Он взял свой мобильник, сунул в карман и стоя ждал, пока Кейт поставит бокал в микроволновку.

— Не хотел об этом пока говорить, — начал доктор Баттиста, — но мне кажется, что я стою на пороге открытия. Настоящий прорыв в науке, причем как раз в тот момент, когда сильные мира сего почти потеряли веру в мой проект. И если Пиотр останется, если нам удастся… Представляешь, что это для меня значит?! Кейт, я прошел такой долгий путь! Я терял терпение, впадал в депрессию, хотя всегда знал, что важнее этого в моей жизни нет ничего! Да, твоя мать…

Он умолк и снова кивнул в сторону микроволновки. Кейт достала вино и подала отцу. Второй бокал он выпил залпом, что вряд ли было разумно. К алкоголю доктор Баттиста не привык. Хотя благодаря вину он стал более общительным.

— Моя мать? — повторила Кейт.

— Твоя мать считала, что мы должны проводить выходные вместе. И даже в отпуск ездить! Она ничего не понимала. Ты-то поймешь, мы с тобой похожи. Мы люди здравые и практичные. А твоя мать была слишком… точнее, не слишком стойкой. Не любила оставаться одна — можешь

себе представить? Вдобавок впадала в отчаяние от малейших пустяков. Не раз говорила мне, что не видит смысла в жизни.

Кейт скрестила руки на груди.

— Я отвечал ей: "Еще бы, дорогая! Положа руку на сердце, могу сказать про себя то же самое. Неужели ты думала, что в жизни есть смысл?" Похоже, ее это нисколько не утешало.

— Да неужто? — буркнула Кейт, потянулась к стакану и сделала большой глоток. — Многие женщины счастливы в материнстве и чувствуют себя вполне состоявшимися. Они ни с того ни с сего не решают, что жизнь бессмысленна.

— Хм-м. — Отец задумчиво уставился на муть на дне бокала, затем поднял взгляд. — Ты тут вовсе ни при чем, Кейт. Ведь ты об этом думаешь? В подавленном настроении она находилась задолго до твоего рождения. Боюсь, частично в этом виноват я. Точнее, брак со мной. Что бы я ни говорил, она воспринимала неправильно. Она думала, что я ее недооцениваю, веду себя так, будто я умнее нее. Разумеется, это полная чушь! То есть я, понятное дело, куда умнее ее, однако интеллект — не единственный фактор, который имеет значение в браке. В любом случае ей никак не удавалось преодолеть свое уныние. У меня

было такое чувство, что я стою на краю болота и смотрю, как она погружается в трясину. Она пыталась лечиться у разных специалистов, однако безуспешно — ничего не помогало. И таблетки пила. Всевозможные антидепрессанты, селективные ингибиторы обратного захвата серотонина и прочие... Ничто на нее не действовало, а ведь у многих препаратов были серьезные побочные эффекты. Наконец мой британский коллега рассказал о своем изобретении — новом препарате, который только начали использовать в Европе. В Штатах его еще не допустили к применению в медицинской практике, но он творил настоящие чудеса. Друг прислал мне его, твоя мать попробовала. Она стала энергичной, оживленной и неутомимой. Ты тогда училась в восьмом классе, и мама внезапно заинтересовалась твоей учебой, принялась посещать собрания родительского комитета, сопровождала класс на всевозможных экскурсиях. Вернулась моя прежняя Тея, какой она была, когда мы познакомились!.. И тут ей захотелось второго ребенка. Она сказала, что всегда хотела шестерых детей, и я ответил: "Дорогая, решать тебе. Сама знаешь, подобные вопросы я оставляю на твое усмотрение". Забеременела она буквально сразу, пошла к доктору, и тогда-то мы

узнали, что чудо-лекарство разрушило ее сердце. В Европе начали об этом подозревать, препарат сняли с продажи, до нас вести дойти не успели.

— И в этом причина ее смертельной болезни?

— Да, и я целиком признаю свою вину. Если бы не я, она не узнала бы о том препарате. Твоя тетя считает, что без меня он ей и не понадобился бы. — Доктор Баттиста допил остатки вина и резко опустил бокал на стойку. — Зато мой коллега получил ценные клинические данные…

— Мама ездила со мной на экскурсии? — спросила Кейт, пытаясь сосредоточиться лишь на этом. — Она мною интересовалась? Она меня любила?

— Конечно же! Она тебя обожала.

— Мне так долго ее не хватало! — воскликнула Кейт, едва не плача. — И я совсем не помню, как она мною занималась!

— Неужели ты не помнишь, как вы ходили вместе по магазинам?

— Вместе по магазинам?!

— Она так радовалась, что у нее есть дочь, с которой можно заниматься всякими девчоночьими делами. Вы покупали одежду и заглядывали в кафе перекусить, как-то раз даже сходили на маникюр.

Кейт почувствовала странную опустошенность. Она не только растеряла бесценные воспоминания, которые стоит беречь всю жизнь, она еще и возненавидела все то, чем занималась вместе с матерью. Она терпеть не может бегать по магазинам! А когда-то это ей очень даже нравилось. Словно Кейт в детстве и Кейт взрослая — два совершенно разных человека. Она посмотрела на свои неухоженные, бесцветные ногти и не смогла представить, что когда-то они были профессионально обработаны, отполированы и покрыты лаком.

— Вот почему у нас появилась наша Белочка. — Голос отца чуть дрогнул — вероятно, из-за вина; линзы очков запотели. — Какое счастье, что она у нас есть! Такая хорошенькая и беззаботная, совсем как твоя мать до брака со мной. Правда, далеко не интеллектуалка… Ей не хватает твоей твердости характера. Кейт, я понимаю, что прошу от тебя слишком многого. — Он взял ее за руку. — Ты заботишься о сестре, занимаешься домом… Боюсь, ты никогда не найдешь себе мужа!

— Не стоит благодарности, — пробормотала Кейт, высвобождая руку.

— Я все это к тому, что… Ах, мне никогда не удается выразить свои мысли складно! Я хочу

сказать, там, где ты бываешь, мужа не встретить. Сидишь дома затворницей, возишься в саду, на работе нянчишь детишек. Там-то уж точно не найти достойного мужчину... Я вел себя как эгоист! Нужно было настоять на том, чтобы ты вернулась в колледж.

— Не хочу я в колледж, — возразила Кейт. Она и в самом деле не хотела, разговор начал ее тревожить.

— Есть ведь и другие колледжи, если тот тебе не понравился. Я прекрасно понимаю, что ты могла бы учиться в университете Джонса Хопкинса! Я думал только о себе. Твердил: "Она молода, времени предостаточно, пусть пока поможет по дому. Мне с ней легко и приятно".

— Легко и приятно?!

— Возможно, по той же причине я решил свести тебя с Пиотром. "И тогда она будет рядом со мной! — думал я. — Вреда не будет, ведь брак фиктивный, и она останется дома". Ты вправе на меня сердиться, Кейт. Я должен перед тобой извиниться.

— Что ж, — кивнула Кейт. — Отчасти я могу тебя понять.

Она вспомнила тот вечер, когда вернулась из колледжа. Свалилась как снег на голову, побросав

немногочисленные пожитки в пару чемоданов. Выйдя из такси, она застала отца на кухне в переднике поверх рабочего комбинезона.

— Почему ты вернулась? — спросил он.

— Меня выгнали, — ответила Кейт, намеренно сгущая краски, чтобы покончить с этим раз и навсегда.

— Почему? — поинтересовался отец. Она рассказала про профессора и его бестолковое объяснение процесса фотосинтеза. — И вправду бестолковое, — признал отец, и Кейт испытала громадное облегчение. Нет, не просто облегчение — радость. Она поняла, что это самый счастливый день ее жизни.

Отец рассматривал бутылку на свет, надеясь найти на дне пару капель.

— Когда ты говорил, что брак будет фиктивный… — начала Кейт. Отец посмотрел ей в глаза. — Если речь идет о формальности, точнее, о небольшой уловке, которая поможет ему легализоваться, и потом вернем все, как было…

Отец поставил бутылку на стойку. Он ждал, что скажет Кейт, буквально не дыша.

— Думаю, меня это не особо напряжет, — закончила Кейт.

— Значит, ты согласна?

— Ах, отец! Сама не знаю, — устало ответила она.

— Но подумать ты согласна? Я верно тебя понял?

— Возможно.

— Ты и правда готова это сделать для меня?

Она заколебалась, потом робко кивнула. В следующую же секунду отец сгреб ее в неуклюжие объятия, затем чуть отодвинул от себя и посмотрел ей в глаза.

— Ты согласна! Ты действительно согласна! Ты любишь меня достаточно сильно, чтобы сделать это ради меня! Ах, Кейт, моя дорогая, словами не могу выразить, как я благодарен!

— Ну, если только моя жизнь после этого не сильно изменится, — уточнила она.

— Клянусь тебе, все останется по-прежнему! Ты его почти не заметишь, все будет так же, как раньше! Я сделаю все, чтобы это на тебе никак не отразилось… Теперь дела пойдут на лад, я уверен, мой проект обречен на успех! Спасибо, милая!

Помолчав, Кейт ответила:

— Пожалуйста.

— И… — начал отец. — Кейт?

— Что?

— Пожалуйста, заполни мою декларацию. Я

пытался, но… — он потешно развел в стороны тощие руки, признавая свою беспомощность, — ты ведь меня знаешь!

— Да, отец, — ответила она. — Конечно.

Глава 7

Воскресенье, 11:05.

"Привет Кейт я тебе пишу!"

"Привет".

"Ты щас дома?"

"Бога ради, пиши правильно! Ты же не подросток".

"Ты сейчас дома?"

"Нет".

Кукла-балерина и кукла-морячок решили пожениться. Морячок остался все в той же старой одежде, зато балерина принарядилась в платье из бумажных салфеток "клинекс" — одна спереди, другая сзади, вместо пояса резинка для волос, подол топорщится, и из-под него проглядывает балетная пачка. Платье сделала Эмма Джи, резиночку пожертвовала Джилли, Эмма К. рассказала, как надо идти к алтарю. Вероятно, Эмма К. недавно присутствовала на мероприятии и держала букет невесты во время венчания. Она долго объясняла, как правильно подносить обручальные кольца, как бросать букет, каким должен быть многоярусный свадебный торт, а другие девочки

слушали, затаив дыхание. Посоветоваться с Кейт, весть о свадьбе которой и побудила детей к подобным играм, им в голову не пришло.

Сначала Кейт решила никому не говорить. В воскресенье — первое воскресенье мая, через три неполные недели — она выйдет замуж и в понедельник вернется на работу. Никто ничего и не узнает. Однако отец расстроился, что Кейт не оповестила всех, кого можно и нельзя. Ведь иммиграционная служба наверняка обратится по месту ее трудоустройства и сочтет весьма подозрительным, если там ее будут по-прежнему считать незамужней.

— Тебе следует объявить об этом во всеуслышание! — велел отец. — Завтра же приди на работу с широкой улыбкой, посверкай кольцом и расскажи, как Пиотр долго и упорно за тобой ухаживал, чтобы иммиграционная служба смогла узнать все в подробностях.

Иммиграционная служба стала их новым семейным пугалом. Кейт представляла себе мужчину в костюме и галстуке, красивого и безликого, будто детектив в черно-белом кино. Возможно, у него и голос, как в старом кино, — шероховатый и властный. "Кэтрин Баттиста? Служба иммиграции. У меня к вам несколько вопросов".

И вот на следующее утро, во вторник, Кейт пришла на работу с бриллиантовым кольцом двоюродной бабушки на пальце. Не заглядывая в четвертую группу, она прямым ходом направилась в комнату для отдыха, где вокруг чайника собрались почти все воспитатели и нянечки, и молча подняла левую руку на всеобщее обозрение.

Первой заметила миссис Бауэр.

— Ой! — пронзительно вскрикнула она. — Кейт! Что это? Неужто кольцо невесты?

Кейт кивнула. Широкая улыбка ей не далась вовсе, потому что миссис Бауэр работала во второй группе, и помогал ей Адам… Ясное дело, она сообщит ему о помолвке Кейт, как только вернется в группу.

Кейт ломала голову над тем, как рассказать Адаму, с того самого момента, как ввязалась в это дело.

Женщины тут же обступили ее со всех сторон, принялись охать и ахать, сыпать вопросами. Подавленность Кейт они, вероятно, списали на ее привычную нелюдимость.

— Ну ты и хитрунья! — пожурила миссис Фэйруэзер. — Мы даже не знали, что ты с кем-то встречаешься!

— Ага, такие вот дела, — пробормотала Кейт.

— Кто же он? Как его зовут? Чем он занимается?

— Зовут его Пиотр Чербаков, — ответила Кейт. Не задумываясь, она произнесла имя и фамилию так, как это делал отец. — Он микробиолог.

— Правда? Подумать только! Как вы познакомились?

— Он работает в лаборатории моего отца. — Кейт покосилась на миссис Чонси и добавила: — Ой! А у нас группа без присмотра! — пытаясь найти подходящий предлог, чтобы увильнуть от дальнейших вопросов.

Разумеется, так просто ее никто отпускать не хотел. Откуда Пиотр родом? Наверняка не из Балтимора. Отец одобряет ее выбор? Когда свадьба? "Как скоро!" — воскликнули они, узнав дату.

— Ну, он присутствует в моей жизни уже три года, — призналась Кейт, не особо погрешив против истины.

— Как же вы успеете — ведь надо столько всего подготовить!

— Свадьба будет скромной. Только близкие родственники.

Все явно расстроились, рассчитывая на приглашение.

— Когда замуж выходила Джорджина, — напомнила миссис Фэйруэзер, — она пригласила свою группу в полном составе.

— Мы оба не очень-то любим громкие события. — Выговорить "мы" далось Кейт с большим трудом, словно во рту она держала камешек. — Церемония будет закрытой, нас обвенчает мой дядя-пастор. Свидетелями возьмем отца и сестру — даже тетю решили не приглашать, хотя она обиделась.

На венчание в церкви Кейт пришлось согласиться. Она хотела по-простому расписаться в мэрии, отец же мечтал о торжественной церемонии и белом платье, что выгодно смотрелось бы в глазах иммиграционной службы. Похоже, ее коллеги придерживались того же мнения — судя по печальным взглядам, которыми они обменялись.

— Детишки сидели в церкви прямо позади ближайших родственников Джорджины, и все держали в ручках по желтой розе. Помните? — спросила миссис Фэйруэзер у миссис Линк.

— Да, и платье у Джорджины было желтое — нежнейшего бледного оттенка, а жених надел желтый галстук, — мечтательно проговорила миссис Линк. — Обе матери возмущались, что

платье не белое. "Что люди-то подумают? — твердили они. — Невеста непременно должна быть в белом!"

— А Джорджина ответила, что в белом она выглядит блеклой, — добавила миссис Чонси.

Поразительно, до чего дамы в учительской мало отличаются от девочек-болтушек из четвертой группы!

Детям в группе Кейт новость объявила миссис Чонси.

— Внимание, дети! — воскликнула она, хлопнув в пухлые ладоши сразу после окончания ежедневной песенки "С добрым утром". — У меня чудесная новость! Угадайте, кто у нас выходит замуж?

Повисла пауза. Голос подать осмелился Лиам М.

— Наверное, вы?

Миссис Чонси, состоявшая в браке тридцать пять лет, слегка опешила.

— Наша мисс Кейт, вот кто! Мисс Кейт теперь помолвлена. Покажите им кольцо, мисс Кейт!

Кейт подняла левую руку. Некоторые девочки восхищенно ахнули, однако по большей части дети пришли в замешательство.

— А разве тебе можно? — спросил Джейсон.

— В каком смысле?

— Ну, тебе мама разрешит?

— Э-э, конечно, — ответила Кейт.

Близнецы Сэмсоны сильно опечалились, а потом на площадке подошли к Кейт, и Рэймонд спросил:

— На ком же теперь жениться нам?

— О, вы обязательно кого-нибудь найдете! — заверила его Кейт. — Кого-нибудь более подходящего вам по возрасту.

— Кого? — спросил Рэймонд.

— Ну…

— Еще есть Джамиша, — напомнил Дэвид.

— Ну да.

— Еще есть…

— Ладно, женюсь на Джамише.

— А как же я? — спросил Дэвид. — Джамиша вечно на меня сердится.

Кейт так и не узнала, чем закончился спор, потому что пришел Адам. В руках он держал крошечную розовую кофточку, а вид имел довольно мрачный. Впрочем, Кейт могло и показаться.

— Итак, — начал он, подойдя к ней, и перевел взгляд на качели. — Я слышал новость.

— Какую новость? — спросила она. До чего глупо!

— Говорят, ты выходишь замуж.

— А, ты об этом!

— Я даже не знал, что ты с кем-то встречаешься.

— Я и не встречалась, — брякнула Кейт. — Ну, то есть не долго встречалась… Это произошло довольно внезапно.

Адам кивнул, все такой же мрачный. Ресницы у него были темные и густые, будто накрашенные. Трехлетняя малышка легла животом на качели и принялась ходить по кругу, перекручивая цепи. Затем она стала раскручиваться, вцепившись в сиденье изо всех сил. Лицо у нее при этом было крайне сосредоточенное. Потом девочка слезла и побрела прочь, шатаясь, словно заправская пьянчужка.

— Думаешь, стоит… принимать столь скоропалительное решение? — спросил Адам.

Кейт посмотрела на него украдкой. Адам внимательно следил за девочкой, и по выражению его лица невозможно было понять, о чем он думает.

— Может, и не стоит, — сказала Кейт. — Не знаю. — Помолчав, она добавила: — Впрочем, возможно, это ненадолго.

Адам воззрился на нее.

— Ненадолго?! — воскликнул он.

— Ну, — замялась Кейт, — кто знает, сколько продлится брак?

Адам прищурился, его взгляд потемнел.

— Вы же берете на себя обязательства!

— Да, но… Да, точно. Обязательства. Ты прав.

Кейт снова почувствовала себя долговязой, косноязычной и неуклюжей. Внезапно она заинтересовалась Антуаном, который залез на горку, и бросилась ему помогать.

* * *

Вторник, 14:46.

"Привет, Кейт! Хочешь встречу тебя после работы?"

"Нет".

"Почему?"

"Сегодня дежурю в продленке".

"Хочешь, приду попозже?"

"Нет".

"Можно и повежливее".

"Пока".

Новое фото: напряженная Кейт стоит на дорожке перед домом, рядом с ней Петр с широкой улыбкой на лице и покрасневшим носом. Его так называемая простуда на деле оказалась аллергией, возникающей во время пребывания на

открытом воздухе.

На следующем снимке Кейт и Петр сидят на диванчике в ресторане. Петр собственническим жестом положил руку поверх плеч Кейт, что придает ему нелепый вид — спинка диванчика довольно высокая. В помещении темно, и он щурится. Петр жаловался, что свет в американских ресторанах слишком приглушенный. Отец Кейт там же, иначе кто бы их сфотографировал. Он и Кейт заказали по бургеру. Петр предпочел телячьи щечки с пюре из сельдерея, политые гранатовой патокой, после чего он и доктор Баттиста завели спор о генетических алгоритмах применительно к кулинарии.

На третьем снимке Кейт и Петр сидят в гостиной на расстоянии фута друг от друга, Петр широко улыбается, рука снова лежит на спинке дивана поверх плеч девушки; она с каменным лицом подняла руку и демонстрирует фотографу кольцо с бриллиантом. Либо с фианитом, наверняка не знает никто. Двоюродная бабушка в свое время работала продавцом в десятицентовом магазине.

Кейт и Петр моют посуду. Петр в фартуке, размахивает недомытой тарелкой. Кейт смотрит на него искоса, будто недоумевает, кто он такой.

Рядом Белочка скептично закатывает глаза, будто недоумевает, кто они оба такие.

Именно Белочка объяснила отцу, как переслать фотографии на мобильники Кейт и Петра, — снова закатила глаза, но помогла. Однако затея с женитьбой ее ужаснула.

— Ты что, его собственность?! — набросилась она на Кейт.

— Это не навсегда, — пояснила Кейт. — Ты не все знаешь, но положение в лаборатории безвыходное.

— Не знаю и знать не хочу! Лаборатория нас не касается!

— Зато касается отца. В ней — смысл его жизни.

— Смыслом его жизни должны быть мы, — отрезала Белочка. — Что на него накатило? Целыми месяцами он не вспоминает о нашем существовании, потом вдруг воображает, что имеет право указывать, с кем нам ездить в машине и на ком жениться!

— Не жениться, а выходить замуж, — машинально поправила Кейт.

— Разуй глаза, сестрица! Он намерен совершить человеческое жертвоприношение, неужели непонятно?

— Да ладно тебе, не настолько все плохо, — отмахнулась Кейт. — Брак-то фиктивный.

Тем не менее Белочка так расстроилась, что песня Тейлор Свифт, стоявшая у нее на рингтоне, проиграла почти до конца, прежде чем она спохватилась и ответила на звонок.

* * *

Пятница, 16:16.

"Привет, Кейт! Завтра пойдем за продуктами вместе".

"Предпочитаю ходить одна".

"Пойдем вместе, потому что мы с твоим отцом собрались готовить ужин".

"Что?!"

"Заеду за тобой на машине в восемь утра. Пока".

Машина оказалась оригинальной версией "фольксваген-жук"; Кейт не видела таких уже много лет. Она была ярко-синего цвета и настолько обшарпанной, что краска больше походила на побелку. Впрочем, машина вроде бы функционировала — просто чудо, учитывая небрежность Петра. Существует ли некий закон природы, по которому ученые неспособны водить автомобиль?

Или же они слишком поглощены заумными размышлениями, чтобы утруждать себя наблюдением за дорогой? Петр смотрел лишь на Кейт, а "жук" тем временем несся по Сорок первой улице. Остальные водители на дороге резко тормозили и гудели, по заднему сиденью елозила груда книг, лабораторных халатов, пустых бутылок из-под минералки и оберток от еды на вынос.

— Купим свиную вырезку, — приговаривал Петр, — купим кукурузной крупы.

— Бога ради, следи за дорогой!

— В магазине продают кленовый сироп?

— Кленовый сироп! Что ты собрался готовить?

— Тушеную свинину с кленовым сиропом и с полентой.

— Боже правый!

— Мы с твоим отцом все обсудили.

— Генетические алгоритмы в кулинарии, — вспомнила Кейт.

— Ага! Ты следила за беседой. Внимала моим словам!

— Ничего подобного! — воскликнула Кейт. — Ты сидел рядом, и я не могла не слышать твой треп!

— Внимала! Я тебе нравлюсь. Да что там, ты от меня без ума!

— Петр, давай кое-что проясним, — сказала Кейт.

— У-ух! Слишком большой грузовик для такой узкой дороги!..

— Я согласилась лишь потому, что хочу помочь отцу. Для него важно, чтобы ты остался в стране. Никто ни от кого тут не без ума, запомни раз и навсегда! Получишь грин-карту, и сразу разбежимся.

— Или не разбежимся, — проговорил Петр.

— Что?! Ты вообще о чем? Разве ты меня не слушаешь?

— Да-да, — поспешно кивнул он. — Я тебя слушаю. Никто не будет ни от кого без ума. Теперь пошли за свининой.

Он подъехал к супермаркету и выключил зажигание.

— Почему именно свинина? — спросила Кейт, идя за ним по парковке. — Ты же знаешь, что Белочка не станет есть мясо.

— О ней я беспокоюсь в последнюю очередь, — ответил Петр.

— Как так?

— У нас в стране говорят: остерегайся сладкоежек, потому что сахар — не еда.

Любопытно. Кейт заметила:

— А в моей стране говорят, что на мед можно поймать куда больше мух, чем на уксус.

— Еще бы, — загадочно ответил Петр. Он шел на пару шагов впереди Кейт, потом внезапно подался назад, без предупреждения взял ее под руку и притянул к себе. — Только зачем тебе ловить мух? Ответь-ка, девица-уксус!

— Пусти! — возмутилась Кейт. Вблизи он пах свежим сеном, за руку держал твердо и настойчиво. Кейт вырвалась. — О господи!

У входа в магазин она схватила тележку, однако Петр ее перехватил и повез сам. Кейт начала подозревать, что у него комплекс мачо.

— Ну и вези сам! — воскликнула Кейт.

Петр лишь улыбнулся и покатил тележку следом.

Для любителя витаминов он проявил удивительно мало интереса к овощному отделу. Швырнув в тележку кочан капусты, Петр огляделся по сторонам и спросил:

— Где бы нам найти кукурузную крупу?

— Ты у нас большой любитель гламурных блюд, — заметила Кейт, указывая дорогу. — Вроде той фигни с пюре из сельдерея, что ты заказал в ресторане.

— Я просто повторил название последнего

блюда.

— В каком смысле?

— К нам подошел официант и озвучил кучу странных блюд. Он начал так: "Позвольте мне ознакомить вас с нашими блюдами дня..." — Петр на удивление удачно передал балтиморский прононс. — Там были слова "свободного выгула", "жернового помола", "домашней обработки" и прочие длинные и непонятные термины. У меня голова пошла кругом. И тогда я повторил последнее название. "Телячьи щечки с пюре из сельдерея, политые гранатовой патокой", — сказал я, потому что оно было у меня на слуху.

— Может, вернемся к старому доброму мясному пюре? — предложила Кейт.

Но Петр сказал:

— Не стоит.

На том и порешили.

На сей раз компьютерный список продуктов не пригодился. Прежде всего дома еще оставалось изрядное количество пюре, недоеденного в воскресенье, которое Кейт надеялась подать сегодня. В плане еды нынешняя неделя разительно отличалась от других. Сначала отец устроил ужин с фотосессией в ресторане, на следующий день в ресторан их повел Петр (всех, кроме Белоч-

ки, которая сказала, что одного раза ей вполне достаточно). Во вторник он заявился без предупреждения с ведерком крылышек из "KFC", чтобы отпраздновать неожиданно приключившийся посреди весны снегопад.

На следующей неделе Кейт придется готовить ужин для тетушки Тельмы. Доктор Баттиста носился с идеей позвать ее с мужем и дядюшку Терона (если, конечно, ему не помешают прийти церковные обязанности), чтобы познакомить их с Петром. Надо стиснуть зубы и потерпеть, сказал доктор. Он не очень-то ладил с тетушкой Тельмой (она винила его в депрессии сестры), зато это выставит их в удачном свете перед иммиграционной службой. "Уведомить о ваших брачных планах как можно больше родственников будет довольно умно. А поскольку ты не планируешь приглашать тетку на свадьбу, то со стратегической точки зрения этот ужин — отличная альтернатива".

Кейт не планировала приглашать тетку на свадьбу, потому что слишком хорошо ее знала. Заявится с шестью подружками невесты и хором.

Чем же ее накормить? Ясное дело, мясное пюре не годится, хотя тогда удалось бы избавиться от целой кучи чертовых объедков. Пожалуй, курица

подойдет, да и в приготовлении она проста. Кейт взяла пару цыплят, пока Петр выбирал свинину, потом направилась в овощной отдел за спаржей и картофелем сорта "Руссет Бурбанк".

Возвращаясь в мясной отдел, она издалека увидела Петра, увлеченно беседующего с чернокожим мужчиной в фартуке. Его растянутая серая толстовка и торчавшая из нее голая шея внезапно показались ей удивительно трогательными. Вряд ли он виноват, что очутился в такой неприятной ситуации. Кейт попыталась представить, как на его месте чувствовала бы себя она — виза истекает, куда деваться и как жить дальше, непонятно. Плюс языковые проблемы. А Петр стоит как ни в чем не бывало посреди супермаркета, беззаботно обсуждает с продавцом достоинства свиной вырезки и с лукавой улыбкой демонстрирует свое неизменно хорошее настроение. Кейт тоже невольно улыбнулась.

Когда она подошла ближе, Петр воскликнул:

— О! Вот и моя невеста. Этот милый джентльмен советует взять вместо вырезки окорок!

Кейт мигом рассердилась: до чего противно звучит слово "невеста"! Фу! А льстивое слово "джентльмен" бесило ее всегда.

— Бери что хочешь, — ответила она. — Мне

все равно.

Сунув продукты в тележку, она снова ушла бродить по магазину.

Выяснилось, что Петр не в восторге от идеи накормить тетушку Тельму жареным цыпленком. Он нагнал Кейт в отделе сиропов и патоки, и Кейт имела глупость поделиться с ним своими кулинарными планами. Первым делом он спросил:

— Цыпленка можно порезать на куски?

— Зачем это?

— Порежешь и обжаришь в кляре, как в "KFC". Умеешь делать кляр?

— Нет.

Он подождал, глядя на нее с надеждой.

— Сможешь научиться? — наконец спросил он.

— Смогу, если захочу.

— Почему бы тебе не захотеть?

— Знаешь, Петр, если тебе так нравится еда из "KFC", почему бы там ее и не купить? — Кейт представила выражение лица тетушки Тельмы, если она увидит на столе курицу из кафе.

— Нет-нет, приготовить должна ты сама, — заявил Петр. — Причем что-нибудь эдакое. Тогда тетя увидит, что ты ей рада.

— Как только ты познакомишься с тетей Тельмой, то поймешь: слишком привечать ее не

следует.

— Она же член семьи! — воскликнул Петр чуть ли не со священным трепетом. — Я хочу познакомиться со всеми твоими родственниками: и с тетей, и с ее мужем, и с ее сыном, и еще с дядей-пастором. Жду не дождусь с ним пообщаться! Он будет пытаться обратить меня в свою веру?

— Шутишь? Дяде Терону не обратить и котенка.

— Ферон, — задумчиво произнес Петр. — Почему ты меня мучаешь?

— В каком смысле?

— У твоих дяди и тети такие трудные имена!

— А, — сказала Кейт. — Кстати, мою мать звали Тея.

Петр застонал.

— А как у них фамилия? — спросил он.

— Твайт, — ответила она, немного помедлив.

— Господи боже мой! — Петр хлопнул себя ладонью по лбу.

Кейт рассмеялась.

— Я дурачила тебя! — призналась она. Петр опустил руку и посмотрел на девушку. — Ну, то есть подшутила над тобой. Их фамилия Делл.

— Ага, — кивнул он. — Ты подшутила. Ты шутишь! Ты меня дразнишь! — Петр заскакал

вокруг тележки. — Ах, Кейт, моя потешная Кейт, моя Катя…

— Перестань! — велела она. На них стали оглядываться. — Хватит уже. Какой сироп тебе нужен?

Петр прекратил скакать, схватил первую попавшуюся бутылочку и бросил ее в тележку.

— Какая-то она маленькая, — покосилась на бутылочку Кейт. — Ты уверен, что тебе хватит?

— Избыток кленовости нам не нужен, — строго заявил Петр. — Вкус должен быть гармоничным и тонким. Кстати! Если блюдо удастся, можем приготовить его и для твоей тетушки! Сделаем цыпленка с кленовым сиропом и гарниром из… из чего-нибудь эдакого! Тетушка скажет: "Каким божественным блюдом вы меня накормили!"

— Тетя Тельма такого никогда не скажет, — заверила его Кейт.

— Можно я тоже буду называть ее тетя Фельма?

— Если ты хотел сказать "тетя Тельма", то лучше подождать, пока она сама предложит. В любом случае, зачем тебе считать ее своей тетей, если она никогда ею не станет?

— У меня никогда не было тети! — воскликнул Петр.

— Везет же некоторым.

— Обещаю дождаться, пока она предложит сама! Буду вести себя вежливо и почтительно.

— Ради меня можешь особо не усердствовать, — предупредила Кейт.

* * *

Потом Петр сообщил ее отцу, что они "чудесно" провели время за покупками. Это случилось позже, когда мужчины готовили ужин на кухне. Кейт вернулась в дом с ведерком садовых инструментов, и сияющий доктор Баттиста встретил ее так, словно бы она получила Нобелевскую премию.

— Вы чудесно провели время в магазине продуктов! — воскликнул он.

— Неужели?

— Я же говорил, что Петр отличный парень! Так и знал, что когда-нибудь ты в этом убедишься! Я рад, что вы очень мило и дружно провели время за покупками.

Кейт бросила на Петра свирепый взгляд. Он скромно улыбнулся, не поднимая глаз, и продолжил посыпать окорок специями.

— Почему бы вам не сходить в кино после ужина? — предложил отец.

— После ужина я мою голову, — заявила Кейт.

— После ужина? — поразился отец. — Почему именно после ужина?

Кейт испустила глубокий вздох и швырнула ведро в чулан.

— Мы хотели у тебя узнать, как тушить мясо.

— Понятия не имею, — отрезала Кейт и подошла к раковине, чтобы вымыть руки. Там валялись капустные кочерыжки, листья и кровавая обертка из-под мяса. Поскольку отец был фанатичным приверженцем чистоты, Кейт знала, кто это устроил. — И не вздумай оставить кухню в таком состоянии, когда закончишь! — заявила она Петру, вытирая руки.

— Не волнуйся, я все уберу! Эдди останется на ужин?

— Какой такой Эдди?

— Парень твоей сестры. Он в гостиной.

— Ты имеешь в виду Эдварда? Нет, не останется. Подумать только — Эдди!

— Американцы любят, когда их называют уменьшительными именами.

— Нет, не любят.

— Любят!

— Не любят!

— Хватит! — воскликнул отец Кейт. — Довольно спорить.

Он мешал что-то в кастрюльке на плите, глядя на них с обиженным выражением лица.

— К тому же он ей вовсе не парень, — заявила Кейт.

— А вот и да.

— А вот и нет. Он для нее слишком взрослый. Эдвард ее репетитор.

— Твоя сестра изучает микробов?

— Что?!

— У нее на коленях лежит журнал "Микробиологические методы".

— Не может быть!

— Поразительно! — восхитился доктор Баттиста. — Я и не знал, что ей это интересно.

— О господи! — пробормотала Кейт, швырнула полотенце на стойку и ринулась прочь из кухни.

— Есть одна поговорка… — начал Петр.

— Обойдемся без поговорок! — рявкнула Кейт.

В кроссовках она бесшумно подошла к гостиной, заглянула в щелочку и позвала:

— Белочка!

Сестра испуганно ахнула, и они с Эдвардом отпрянули друг от друга.

Журнал "Микробиологические методы" больше не лежал у нее на коленях. Он валялся на дальнем конце дивана. Кейт покрыла расстояние в

два прыжка, схватила журнал и сунула под нос Белочке.

— Разве этим ты должна заниматься? — спросила она у Белочки.

— В каком смысле?

— Мы платим ему за уроки испанского.

— Ничего мы ему не платим!

— Именно это я и имела в виду, когда говорила отцу, что платить репетитору надо!

Белочка и Эдвард смотрели на нее ошарашенно.

— Белочке всего пятнадцать, — напомнила Кейт Эдварду. — Ей еще рано встречаться с мальчиками.

— Точно, — пробормотал он. Изображать оскорбленную невинность с виртуозностью Белочки он пока не научился, поэтому покраснел и хмуро уставился на свои коленки.

— С мальчиками ей можно только дружить.

— Точно.

— Он же мой… — попыталась возразить Белочка.

— Никакой он не репетитор! Иначе почему мне пришлось подписать вчера твою двоечную контрольную по испанскому?!

— Это все сослагательное наклонение? — вос-

кликнула Белочка. — Никак в него не врублюсь?

Своими вопросительными интонациями она словно пыталась выяснить, удовлетворило ли сестру ее объяснение.

Кейт резко развернулась на пятках и вышла. Однако Белочка мигом соскочила с дивана и выбежала следом.

— Хочешь сказать, что нам больше нельзя видеться? Эдвард просто приходит ко мне в гости!

— Парню лет двадцать, — заметила Кейт. — Тебя это не смущает?

— Ну и что? А мне пятнадцать. Целых пятнадцать!

— Не смеши меня! — отрезала Кейт.

— Ты просто завидуешь! — воскликнула Белочка, входя за Кейт в гостиную. — Потому что тебе приходится довольствоваться Пиотром…

— Его зовут Петр, — проговорила Кейт сквозь зубы. — Учись произносить правильно!

— Подумаешь, мисс Идеальное Произношение! По крайней мере мне не надо просить отца, чтобы он нашел мне парня!

Эти слова Белочка выпалила уже на пороге кухни. Мужчины посмотрели на них удивленно.

— Твоя дочь — зануда! — объявила Белочка отцу.

— Прошу прощения?

— Пронырливая, завидущая зануда, всюду сующая свой нос! И я отказываюсь… Ну вот, посмотри!

Ее внимание привлекло что-то за окном. Остальные повернулись и увидели, как мимо кухни проскользнул сгорбившийся Эдвард — пролез под низкой кроной багряника и устремился по лужайке к своему дому.

— Надеюсь, теперь ты довольна! — воскликнула Белочка.

— Ума не приложу, — обратился доктор Баттиста к Петру, — почему стоит мне провести в присутствии женщин хотя бы недолгое время, заканчивается все одинаково: я недоуменно восклицаю "Что тут случилось?"

— Вы рассуждаете как махровый женофоб! — строго заметил Петр.

— Зря ты так, — отозвался доктор Баттиста. — Мое наблюдение основано исключительно на эмпирических данных.

Понедельник 13:13.

"Привет, Кейт! Мы получили разрешение на брак!"

"Что значит — мы?"

"Твой отец и я".

"Надеюсь, вы будете счастливы вместе".

Глава 8

— Как поживаете, Пиотр? — спросила тетушка Тельма.

— М-мм! — попыталась прервать разговор Кейт.

Слишком поздно.

— Меня настигла страшная аллергия, однако теперь мне лучше, — ответил Петр. — Вероятно, всему виной тот пахучий древесный наполнитель, который раскладывают на газонах вокруг кустов.

— Мы называем его мульча, — сообщила тетушка Тельма. — Муль-ча. Помогает удерживать влагу жаркими летними месяцами. Впрочем, я сильно сомневаюсь, что на нее бывает аллергия.

Тетушка Тельма обожала всех поправлять. Петр улыбался ей в лицо так широко и уверенно, словно задался целью ее полюбить, и она растаяла. Возможно, вечер пройдет куда лучше, чем ожидала Кейт.

Они собрались в передней: Кейт и ее отец с Петром и тетя Тельма с мужем — дядей Барклаем. Тетушка Тельма была крошечной миловидной

блондинкой слегка за шестьдесят, с короткой стрижкой и ярким макияжем. Она носила шелковый брючный костюм бежевого цвета и тонкий, как паутинка, пестрый шарфик, несколько раз обернутый вокруг шеи, причем концы свисали на спину. (Кейт нравилось думать, что тетя неизменно носит шарфы не просто так, а с неким умыслом — скрыть шрам от пластической операции или, на худой конец, следы вампирских клыков.) Дядя Барклай был статным седовласым красавцем в дорогом сером костюме. Он возглавлял влиятельную инвестиционную компанию и воспринимал доктора Баттиста с дочерьми как причудливый экспонат в провинциальном музее естествознания. Сейчас он элегантно маячил в дверном проеме, небрежно сунув руки в карманы и поглядывая на родственников со снисходительной улыбкой.

Остальные нарядились, кто как смог. Кейт надела джинсовую юбку с рубашкой в клетку. Петр был в джинсах (явно не американских — слишком низкая талия и расклешенные книзу штанины), зато сорочка белоснежная и отутюженная, на ногах коричневые полуботинки, а не обычные кеды. Даже доктор Баттиста постарался: надел свой единственный костюм (черный), белую сорочку

и галстук-бабочку. Без любимого комбинезона он выглядел тощим и неуверенным.

— Это так волнительно! — начала тетя Тельма.

— Давайте пройдем в гостиную, — в унисон с ней воскликнула Кейт. Они частенько начинали говорить одновременно. — Дядя Терон уже здесь, — добавила Кейт, ведя гостей в комнату.

— Да неужели, — откликнулась тетушка Тельма. — Значит, он прибыл раньше времени, поскольку мы с Барклаем пришли минута в минуту.

Как и было оговорено, дядя Терон действительно прибыл гораздо раньше, чтобы обсудить церемонию. На это Кейт было возразить нечего.

Тетя Тельма проплыла вперед и вошла в гостиную с протянутыми руками, готовясь обнять Белочку, как раз вставшую с дивана.

— Белочка, моя дорогая! — воскликнула тетя Тельма. — Боже правый! Неужели ты не мерзнешь?

Стоял первый жаркий день года, и Белочка не смогла бы замерзнуть при всем желании. По-видимому, тетя Тельма беспокоилась о длине ее платья без рукавов, которое едва закрывало бедра, а на плечах завязывалось на два торчащих банта, смахивавших на ангельские крылышки.

Да еще босоножки были без задников. Недопустимая вольность!

Среди многочисленных инструкций тетушки Тельмы, выданных племянницам за долгие годы, имелась и такая: не вздумайте надевать на светские мероприятия обувь с открытой пяткой. Важнее было только Правило Номер Один: ни в коем случае не красьте губы, садясь за стол. Все правила тети Тельмы навечно врезались в память Кейт, хотя у нее никогда не было обуви с открытой пяткой, да и помадой она никогда не пользовалась.

Впрочем, Белочка, похоже, не уловила в замечании тети никакого подтекста.

— Умираю от жары! — отмахнулась она и чмокнула в щечку сначала тетю, потом дядю. — Привет, дядя Барклай!

— Терон! — торжественно провозгласила тетушка Тельма, будто даруя высочайшую милость.

Дядя Терон поднялся со стула и глядел на нее, сложив в замок на уровне паха пухлые, поросшие светлыми волосками руки. Они с тетей Тельмой были близнецами, что и объясняло созвучие имен, но тетя Тельма появилась на свет первой, о чем не уставала повторять, и потому вела себя

властно, в то время как дядя Терон вел себя весьма скромно, никогда не состоял в браке и вряд ли имел мало-мальски серьезный жизненный опыт. С его лица не сходило удивление, будто он с трудом пытался постичь причины даже самых обычных людских поступков; в желтой мирской рубашке с короткими рукавами он выглядел особенно беззащитным.

— Мы выдаем замуж Кейт! — воскликнула тетушка Тельма. — Терон, разве это не волнительно?

— Еще как, — кивнул он с встревоженным видом.

— А ты у нас темная лошадка! — обратилась она к Кейт, усаживаясь. Тем временем Петр подтащил кресло-качалку поближе к тете Тельме, продолжая преданно глядеть ей в лицо сияющими глазами. — Мы даже не знали, что у тебя есть поклонник. Боялись, что Белочка прогуляется к алтарю раньше сестры.

— Белочка? — воскликнул стоявший у камина доктор Баттиста. — Ей всего пятнадцать!

— Садись, отец, — сказала Кейт. — Тетя Тельма, что вам предложить? Дядя Терон пьет имбирный эль.

Она упомянула лимонад, потому что отец, как

выяснилось, купил только одну бутылку вина (зря Кейт ему это поручила); оставалось лишь надеяться, что до обеда вина никто не попросит. Но тетя Тельма ответила:

— Мне белого вина, — и повернулась к Петру, с затаенным дыханием ожидавшего бесценных перлов, готовых сорваться с ее губ. — Ну, расскажите же нам, как?…

— Есть только красное, — перебила Кейт.

— Что ж, пусть будет красное. Пиотр, как?…

— Дядя Барклай? — спросила Кейт.

— Красное пойдет.

— Как вы с Кейт познакомились? — наконец договорила тетушка Тельма.

Петр с готовностью ответил:

— Она пришла в лабораторию к доктору Баттиста. Я ничего не ждал. Думал: живет дома, бойфренда нет… И тут появилась она! Высокая. Волосы как у итальянской кинозвезды.

Кейт поспешно вышла.

Когда она вернулась с вином, Петр восторгался ее личностными качествами. Тетя Тельма улыбалась и кивала.

— Она похожа на девушек с моей родины, — говорил он. — Честная. Говорит то, что думает.

— Да уж! — пробормотала тетушка Тельма.

— На самом деле сердце у нее доброе. И чуткое.

— Ну, Кейт! — одобрительно воскликнула тетушка.

— Заботится о людях, — продолжил Петр. — Ухаживает за детьми.

— Конечно. Кстати, ты собираешься заниматься этим и дальше? — спросила она у Кейт.

— Чем? — не поняла Кейт.

— Выйдя замуж, ты останешься работать в детском саду?

— Ох, — Кейт думала, что тетя Тельма спрашивает, долго ли она собирается разыгрывать спектакль. — Да, конечно.

— Это совсем не обязательно, я вполне смогу обеспечить семью, — заявил Петр и сделал широкий жест, едва не смахнув свой бокал. (К сожалению, он тоже попросил вина). — Если захочет, то уволится. Или вернется в колледж! Пусть идет учиться в университет Хопкинса! Я заплачу. Теперь я за нее отвечаю.

— Что?! — возмутилась Кейт. — Незачем тебе за меня отвечать! Я и сама прекрасно справляюсь.

Тетушка Тельма поцокала языком. Петр лишь улыбнулся присутствующим, будто приглашая их разделить веселье.

— Хорошая девочка, — неожиданно выдал дядя

Барклай.

— Ну, когда у вас пойдут дети, то и спорить будет не о чем, — подытожила тетушка Тельма. — Луис, что за вино мы пьем?

— Чего? — смутился доктор Баттиста.

— Вино восхитительное!.. Скажи-ка, Пиотр, твои родственники приедут на свадьбу?

— Нет, — ответил Петр.

— Может, одноклассники? Коллеги? Друзья?

— В институте у меня был друг, но он живет в Калифорнии.

— А! Вы близки? — спросила тетя Тельма.

— Он в Калифорнии.

— Ну, то есть… Ты мог бы пригласить его на свадьбу?

— Нет-нет, это ни к чему. Свадьба займет пять минут.

— Вряд ли вы уложитесь так быстро…

— Прислушайся к его словам, Тельма, — сказал дядя Терон. — Они выбрали урезанный вариант.

— Все как я люблю, — одобрил дядя Барклай. — Коротко и мило.

— Ш-ш, Барклай! — прицыкнула тетя Тельма. — Ты что, серьезно? Такое событие бывает лишь раз в жизни! Поверить не могу, что нас с тобой не приглашают!

Повисло неловкое молчание. Наконец великосветское воспитание взяло верх, и тетя Тельма снова заговорила.

— Скажи нам, Кейт, что ты наденешь? — спросил она. — Я с удовольствием похожу с тобой по магазинам.

— Не беспокойся, тетя, у меня все есть.

— К сожалению, тебе не втиснуться в свадебное платье твоей бедной матери…

Хоть бы раз она отозвалась о ее матери, не используя слово "бедная"! Похоже, отец Кейт подумал то же самое и перебил тетю:

— Не пора ли ужинать?

— Да, отец, — поддержала его Кейт.

Дядя Терон тем временем принялся расспрашивать Петра, можно ли ему в его стране исповедовать веру.

— Зачем это мне? — искренне удивился Петр.

Кейт покинула комнату с радостью.

Мужчины приготовили ужин заранее — тушеный цыпленок с гарниром из тертой мексиканской репы под розовым перечным соусом, поскольку кленовый сироп не оправдал возложенных на него надежд. Кейт оставалось лишь поставить блюдо на стол и разложить салат. Расхаживая между кухней и столовой, она слышала

доносящиеся из гостиной обрывки разговоров. Дядя Терон упомянул беседу со вступающими в брак, и она напряглась, а Петр сказал, что путается в терминологии, и тетушка Тельма радостно подскочила и принялась толковать ему премудрости английского языка. Кейт так и не поняла, сменил он тему разговора намеренно или случайно.

Иногда Петр ее изрядно удивлял. Похоже, зря она решила, что он не улавливает нюансов — он прекрасно в них разбирался. И его акцент стал не так заметен. Или она просто привыкла? Теперь он начинал свои предложения со слов "ну" и "пожалуй". И открыл, к своему вящему восторгу, английские идиомы — к примеру, выражение "забегать вперед", которое последние несколько дней он вставлял где ни попадя. ("Я думал, что вечерние новости уже идут, но потом понял, что я… — глубокомысленная пауза и торжествующий финальный аккорд: — забегаю вперед!"). Время от времени выражения, которыми он сыпал, казались Кейт до боли знакомыми. "Ничего себе!", сказал он, потом "О господи!" и раз или два "Относительно нормально". Будто случайно увидела в зеркале свое отражение.

Тем не менее все в нем выдавало иностран-

ца — и более прямая осанка, и чуть семенящая походка. И комплименты он изрекал совсем уж неприкрытые — как кошка с шумом бросает у ног хозяйки дохлую мышь. "Тут и дураку понятно: тебе от меня что-то нужно", — говорила она, а он смотрел на нее в замешательстве. Слушая, как Петр вещает о скрытом вреде воды со льдом, Кейт стеснялась его — и мучилась от жалости и раздражения.

Раздался перестук высоких каблуков.

— Кейт? Тебе помочь? — громко и фальшиво-заботливо спросила тетушка Тельма, потом проскользнула на кухню, обняла Кейт за талию и прошептала, обдавая ее запахом вина: — Он милашка!

Очевидно, Кейт слишком к нему придиралась.

— У него чудесная золотистая кожа, уголки глаз приподняты… И чудо какие волнистые светлые волосы! — воскликнула тетя. — Должно быть, у него в предках были тартары, как думаешь?

— Понятия не имею.

— Или надо говорить татары?

— Тетя Тельма, я правда не знаю.

* * *

За ужином тетушка Тельма предложила взять на себя организацию приема.

— Какого приема? — спросила Кейт, но отец уставился на нее строгим взглядом, в котором читалось: отсутствие вечеринки покажется иммиграционной службе подозрительным.

"Признаю, что свадьба была подлинной, — доложит своему начальству черно-белый детектив, — потому что семья невесты устроила кутеж". Кейт воображала, что сотрудники иммиграционной службы частенько используют в речи словечки из сороковых годов прошлого века.

— Не дать друзьям и родным разделить твое счастье — крайне эгоистично, — вещала тетя Тельма. — Как насчет Ричарда с женой?

Ричард был единственным сыном тети Тельмы и дяди Барклая. Крайне самонадеянный тип с идеально уложенными волосами, который работал лоббистом в Вашингтоне и имел привычку выпрямляться, втягивать воздух через нос и горделиво выдавать свое бесценное мнение. Счастье Кейт было ему до лампочки.

— Полагаю, не приглашать нас на церемонию

— твое право, — сказала тетушка Тельма. — Меня это не радует, но ведь и свадьба-то не моя. И все же мы хотим непременно принять участие в событии.

Смахивало на шантаж. Если ее не пригласить на чертову вечеринку, тетушка Тельма вполне способна пикетировать церковь с плакатом. Кейт посмотрела на Петра, по-прежнему сидевшего с широкой, полной надежд улыбкой. Перевела взгляд на дядю Терона, который явно поддерживал ее отца и одобрительно кивал.

— Что ж, — наконец сдалась она. — Я подумаю.

— Как здорово! Очень, очень удачно вышло — ведь я только что сделала ремонт в гостиной! — обрадовалась тетушка Тельма. — Тебе понравится новая обивка — великолепный полосатый атлас, который обошелся в кругленькую сумму, однако он того стоит! И еще я перекомпоновала сидячие места, так что человек сорок вполне устроим. Ну, в крайнем случае, пятьдесят.

— Пятьдесят?! — воскликнула Кейт. Именно поэтому она не хотела приглашать тетю на свадьбу: та была натурой увлекающейся. — Я столько народу и не знаю.

— Что ты, конечно, знаешь! Школьные друзья, соседи, коллеги по работе…

— Не-а.

— Тогда сколько?

Кейт поразмыслила.

— Восемь? — предположила она.

— Кейт, в "Школе для самых маленьких" гораздо больше восьми сотрудников.

— Не люблю толпу, — сказала Кейт. — Мне не нравится общаться на вечеринках с малознакомыми людьми.

— Уф! — вздохнула тетя Тельма и задумалась. — Как насчет маленького-малюсенького ужина с рассадкой?

— Насколько он будет маленьким-малюсеньким? — с опаской спросила Кейт.

— За столом помещается всего четырнадцать человек, так что гостей много не будет.

Четырнадцать тоже звучало внушительно, хотя куда лучше, чем пятьдесят.

— Ну… — протянула Кейт.

— Давайте посчитаем! — вмешался доктор Баттиста. — Будешь ты и Пиотр, я и Белочка, Тельма и Барклай и Терон, Ричард с женой и, возможно, наши соседи, Сид и Роуз Гордон, которые были к нам так добры после смерти твоей матери. И еще… как там ее зовут?

— Ты о ком?

— Твоя лучшая школьная подруга, как там ее зовут?

— А, Эллис. Она замужем, — сказала Кейт.

— Отлично. Пусть приходит с мужем.

— Так ведь я ее столько лет не видела!

— Ах да, я помню Эллис, вежливая девочка, — кивнула тетушка Тельма. — Итак, сколько у нас получилось? — Она принялась считать, загибая пальцы. — Девять, десять…

— Нам ведь не обязательно заполнить все четырнадцать мест, — возразила Кейт.

— Одиннадцать, двенадцать… — Тетушка Тельма притворилась, будто не слышит. — Тринадцать. Боже мой! Тринадцать человек за столом — несчастливое число!

— Давайте добавим миссис Ларкин, — предложил доктор Баттиста.

— Миссис Ларкин умерла, — напомнила Кейт.

— Вот как.

— Кто такая миссис Ларкин? — спросила тетушка Тельма.

— Женщина, которая присматривала за моими девочками, — ответил доктор Баттиста.

— Ах, да. Она умерла?

— Давайте пригласим Эдварда! — влезла Белочка.

— К чему приглашать на семейное торжество репетитора по испанскому? — саркастично поинтересовалась Кейт.

Белочка едва не залезла под стол.

— Луис, — вспомнила тетушка Тельма, — твоя сестра еще жива?

— Да, но она живет в Массачусетсе, — ответил доктор Баттиста.

— Есть же у тебя какая-нибудь любимая коллега в "Школе для самых маленьких"? — спросила она у Кейт. — Или закадычный друг?

Кейт представила Адама Барнса, мрачно глядящего на нее поверх уэджвудского фарфора тетушки Тельмы.

— Ни одного, — пробормотала она.

Повисла пауза. Все смотрели на Кейт укоризненно — даже дядя Терон, даже Петр.

— Что не так с числом тринадцать? — воскликнула она. — Неужели вы настолько суеверны? Я вообще не хочу никаких гостей! Понятия не имею, почему согласилась! Думала, у нас будет скромная церемония без всяких излишеств — отец, Белочка, Петр и я. А теперь все вышло из-под контроля! Понятия не имею, как так получилось!

— Тише, тише, милая! — проговорила тетя Тельма. Она потянулась через стол и похлопала

по салфетке рядом с племянницей — дальше ей было не достать. — Тринадцать человек за столом — нормально. Я просто пыталась соблюсти условности, вот и все. Мы нисколько не суеверны. Не забивай себе голову. Мы обо всем позаботимся. Скажи ей, Пиотр!

Сидевший рядом с Кейт Петр склонился к ней и обнял за плечи.

— Не волнуйся, моя Катя! — сказал он, дыша на нее перечным соусом.

— Как мило! — проворковала тетушка Тельма.

Кейт отодвинулась и схватила стакан с водой.

— Просто не люблю лишней суеты, — пояснила она и отпила воды.

— Конечно, не любишь, — ласково сказала тетя Тельма. — Никакой суеты и не будет, вот увидишь. Луис, где там твое вино? Налей ей бокал.

— Боюсь, вино закончилось.

— Все дело в стрессе. Невеста всегда волнуется перед свадьбой. Ну, Кейт, я хочу задать тебе еще один маленький вопросик и заткнусь: вы же не собираетесь уезжать сразу в день свадьбы?

— Уезжать? — не поняла Кейт.

— Я про медовый месяц!

— Нет.

Она не стала объяснять, что никакого медового

месяца не предвидится.

— Чудесно! — обрадовалась тетушка Тельма. — Я полагаю большой ошибкой пускаться в долгое путешествие сразу после церемонии. Значит, наш маленький раут устроим вечером. Так гораздо лучше! Приступим пораньше, потому что день предстоит насыщенный. В пять или в половину шестого, начнем с напитков. Вот так. На этом, собственно, все. Давайте сменим тему. Цыпленок недурен. Неужели вы, мужчины, сами его приготовили? Впечатляет. Белочка, ты что-то хочешь сказать?

— Я вегетарианка? — воскликнула Белочка.

— Ну, конечно, милая. Ричард тоже через это прошел.

— Разве?…

— Спасибо, тетя Тельма! — горячо сказала Кейт.

На этот раз она была ей действительно благодарна. Как ни странно, невозмутимость тети подействовала на нее успокаивающе.

* * *

Дело было вовсе не в обычном волнении перед свадьбой.

Вопрос стоял иначе: почему это все вообще

происходит? Почему никто не против? Неужели ее никто не остановит?

Во вторник снова была очередь Кейт дежурить в группе продленного дня. Проводив последнего ребенка до машины последнего родителя, она вернулась в группу, и вдруг все воспитатели и их помощники выскочили и закричали: "Сюрприз! Сюрприз!" Пока Кейт отсутствовала, они вылезли из всех укромных мест и накрыли стол скатертью, расставили бумажные стаканчики и тарелки, закуски и напитки, а на столик для "Лего" положили кружевной зонтик, в который насыпали кучу завернутых в красивую бумагу подарков. Адам перебирал струны гитары, миссис Дарлинг торжественно стояла возле чаши с пуншем. "Ты знала? Ты догадалась?" — спрашивали они растерянную Кейт, а она отвечала: "Ни сном, ни духом", что было совершеннейшей правдой. Они вручали ей подарки, сопровождая их многословными объяснениями: эти чашки заказали как синие, а прислали зеленые, миска для салата вполне выдержит мытье в посудомоечной машине, набор ножей можно на что-нибудь обменять, если у нее уже такой есть. Кейт посадили на почетное место — в кресло миссис Чонси — и угощали бело-розовыми кексами и домашними

брауни. Адам спел "Мост над бурной рекой", мисс Фэйруэзер захотелось взглянуть на фотографию Петра. (Кейт продемонстрировала им фото, сделанное в ресторане. Коллегам жених показался симпатичным). Джорджина предложила пригласить его в четвертую группу на "Покажи и расскажи", но Кейт заверила коллег, что он слишком занят в лаборатории и не может терять время зря. Она боялась, что он устроит настоящий цирк. Миссис Бауэр посоветовала ей с самого начала объяснить мужу, что нельзя разбрасывать свои носки где ни попадя.

Теперь они смотрели на нее совсем другими глазами. У нее появился статус. Она обрела вес. Им сразу стало интересно все, что она скажет.

Раньше Кейт этого не понимала и не принимала, однако теперь, вопреки прежней логике, помимо возмущения, чувствовала и радость. И в то же время считала себя обманщицей.

Скажется ли брак на ее испытательном сроке? С тех пор как Кейт объявила о свадьбе, ее ни разу не вызвали в кабинет директора.

Адам подарил ловца снов. Сказал, что колечко сделано из ивового прута. Он обернул его полосками замши, прицепил бусинки, как на амулете, который смастерил для будущего ребенка Джор-

джины, а перышки приладил такие же, как на подарке Софи.

— Через это отверстие в центре, — принялся он объяснять Кейт, — пройдут хорошие сны, паутина по краям задержит кошмары.

— Адам, какая прелесть! — сказала Кейт.

Он снова вложил ловца ей в руки. Вид у него был печальный, или она себя обманывала?

— Кейт, я хочу, чтобы в твоей жизни было только хорошее!

— Спасибо, Адам, — ответила она. — Для меня это очень важно.

По прогнозу обещали дождь, и Кейт приехала на работу на машине. Мчась домой с грохочущими на заднем сиденье чашками и горшками вперемешку с отцовскими вещами, она шлепнула ладонью по рулю.

— Адам, какая прелесть! — передразнила Кейт сама себя высоким, жеманным голоском. — Для меня это так важно, Адам!

Она сжала пальцы в кулак и стукнула себя по лбу.

* * *

Тетушка Тельма спросила, планирует ли она стать Кейт Чербаков (коверкая фамилию Петра

вслед за доктором Баттиста).

— Разумеется, нет, — отрезала Кейт. Даже если бы она планировала выйти замуж по-настоящему, идея взять фамилию мужа ей претила.

— Нет-нет-нет! — воскликнул, к ее облегчению, Петр и неожиданно добавил: — Ее фамилия будет Щербакова. Кончается на "а", потому что она девушка.

— Женщина, — поправила Кейт.

— Потому что она женщина.

— Я останусь Баттиста!

Возможно, в связи с этим дядя Терон заметил:

— В гостиной я говорил Пиотру, что перед обрядом я провожу специальные беседы со вступающими в брак.

— Отличная идея! — воскликнула тетушка Тельма, будто впервые об этом услышала.

— Не нужна нам никакая беседа, — заявила Кейт.

— Подобные вопросы, вроде смены фамилии и прочее… — начал дядя Терон.

— Не беспокойтесь, — поспешно перебил его Петр. — Это не столь важно. Какая разница, какой марки консервированные персики?

— Прошу прощения?

— Сами разберемся, — громко объявила Кейт. —

Кому добавки?

Цыпленок удался, однако розовый перечный соус имел странный вкус. Кейт захотелось поскорее остаться одной и полакомиться сушеной говядиной.

— Не знаю, упоминала ли об этом Кейт, — сказала тетя Тельма Петру, — но я занимаюсь дизайном интерьеров.

— Вот как!

Кейт показалось, что Петр даже не представляет, что такое дизайн интерьеров.

— Вы будете жить в доме или в квартире? — спросила тетушка.

— Думаю, вы назвали бы это квартирой, — ответил Петр. — Хотя находится она в доме. В доме одной вдовы, миссис Мерфи. Я занимаю верхний этаж.

— После свадьбы он переедет к нам, — заявил доктор Баттиста.

Тетушка Тельма нахмурилась. Петр тоже насупился. Белочка воскликнула:

— К нам?!

— Нет, — сказал Петр. — Я занимаю весь верхний этаж дома миссис Мерфи без уплаты аренды, потому что переношу миссис Мерфи с инвалидной коляски в машину и меняю лампочки. До

лаборатории доктора Баттиста оттуда рукой подать, и в каждое окно видно деревья. Весной там как в птичьем гнезде! Гостиная, кухня, две спальни, ванная. Столовой нет, зато есть обеденный стол.

— Замечательно, — одобрила тетушка Тельма.

— Однако после свадьбы он будет жить у нас, — настаивал доктор Баттиста.

— В моем распоряжении весь задний двор, потому что миссис Мерфи туда на инвалидном кресле не добраться. Он огромный и солнечный. Я выращиваю огурцы и редис. Кейт тоже сможет там что-нибудь выращивать. — Он повернулся к Кейт. — Хочешь посадить овощи? Или только цветы?

— Здорово! — обрадовалась она. — Конечно, я хочу посадить овощи! По крайней мере попытаюсь. У меня никогда не было огорода.

— Мы ведь все обсудили! — напомнил доктор Баттиста.

— Обсудили, и я сказал "нет", — объявил Петр.

Вид у тетушки Тельмы стал радостный.

— Луис, посмотри правде в глаза! — воскликнула она. — Твоя маленькая дочка выросла!

— Я понимаю, но предполагалось, что они с Петром будут жить у нас.

— Мне об этом никто не сказал! — встряла Белочка. — Я думала, они будут жить у Пиотра! И комната Кейт достанется мне. Там у окна чудный диванчик!

— Так будет гораздо удобнее, — объяснял ей отец. — Вдвоем с тобой мы просто потеряемся в нашем огромном доме.

— Как насчет "Куда ты пойдешь, туда и я пойду"? — напомнила Белочка.

Дядюшка Терон откашлялся.

— Вообще-то слова Руфи были обращены к свекрови. Однако никто об этом не вспоминает.

— К свекрови?!

— Весь верхний этаж, — твердил Петр доктору Баттиста. — Во второй спальне сейчас кабинет, из него я и сделаю спальню для Кейт.

Тетушка Тельма встрепенулась. Ее муж усмехнулся и сказал:

— Сильно сомневаюсь, что Кейт понадобится отдельная спальня.

Тетушка напряженно следила за Петром, будто охотничья собака за перепелом, он же тем временем играл в гляделки с доктором Баттиста.

Возможно, там будет как в студенческом общежитии при колледже. Кейт оно очень нравилось. Ей жилось свободно, мальчики были не кавале-

рами, а добрыми приятелями. Интересно, Петр любит шахматы? По вечерам они могли бы играть в шахматы.

— Всему виной одна старая песня, — сказал дядя Терон. — Помните, как пел Гай Сингер? Куда ты пойде-ешь… — начал он напевать хорошо поставленным, немного дрожащим тенором.

— Белочка слишком мала, чтобы оставаться без присмотра! — объявил доктор Баттиста Петру. — Ты лучше всех знаешь, как много времени я провожу в лаборатории.

Предоставленная сама себе, Белочка в мгновение ока наведет полон дом мальчиков-подростков… У Кейт буквально защемило в груди, когда она представила, как от нее уплывает огромный, залитый солнечным светом сад. Но Петр сказал:

— Наймите кого-нибудь.

И правда! Кейт приободрилась.

— С этим трудно поспорить, Луис, — заметила тетушка Тельма. — Ага! Нашла коса на камень!

— Но… погодите! — запротестовал доктор Баттиста. — Я планировал все не так! Тут у нас выходит совсем другой расклад.

Тетя Тельма повернулась к Кейт и сказала:

— Я буду рада дать вам двоим бесплатную консультацию, смело обращайтесь. Если речь идет о

старом профессорском доме, то наверняка в нем есть немалый потенциал!

— О да, еще бы! — восторженно воскликнула Кейт, боясь, как бы никто не заподозрил, что она там ни разу не бывала.

* * *

На десерт подали магазинное мороженое, потому что и у Петра, и у доктора Баттиста идеи иссякли. Они с надеждой посмотрели на Кейт, и она сказала: "Подумаю, что можно сделать". В конце ужина она сходила на кухню, достала из морозилки коробку сливочного мороженого с орехами пекан. Пока она расставляла мисочки в ряд, двери гостиной распахнулись, и появился Петр. Он подошел к ней и толкнул локтем в бок.

— Перестань! — велела она.

— Кажется, все идет хорошо! — прошептал он ей на ухо. — Думаю, я им понравился!

Широким жестом Петр обхватил ее за талию, притянул к себе и поцеловал в щеку. Сперва Кейт не противилась — его рука лежала так уверенно, и от него так приятно пахло свежим сеном… Потом вскрикнула и отшатнулась.

— Петр! — строго сказала она, глядя ему в лицо. — Вспомни, о чем мы договаривались!

— Да-да, — ответил он, попятился и поднял руки. — Да, никто ни по кому с ума не сходит. Можно, я помогу отнести миски?

— Вперед, — кивнула Кейт.

Он взял в руки две порции мороженого и, пятясь, вышел через створчатые двери.

Петр действительно понравился родственникам. За десертом дядюшка Барклай расспрашивал про хеджевые фонды в его стране, дядя Терон интересовался, есть ли у них мороженое, а тетя Тельма подалась вперед и предложила называть ее "тетушка Тельма". (Он тут же урезал ее имя до "тетушка Тел", в его произношении "тетушка Фел".) После обсуждения вопросов с жильем доктор Баттиста погрузился в мрачное молчание, зато трое гостей вели себя очень оживленно.

Что ж, ничего удивительного. Они счастливы избавиться от Кейт. Она всегда была для них сущим наказанием — трудный ребенок, угрюмый подросток, нерадивая студентка. Что с ней было делать? Зато теперь ответ нашелся: выдать ее замуж! Не церемонясь.

Когда дядя Терон напомнил ей, что нужно получить разрешение на брак, Кейт язвительно заметила:

— Отец с Петром уже об этом позаботились.

И еще он велел мне заполнить документы для иммиграционной службы. — И она бросила на них вызывающий взгляд.

Дядя и тетя должны были подскочить от удивления и принять информацию к сведению, однако дядюшка Терон лишь кивнул, и беседа продолжилась. Они предпочли сделать вид, что ничего не поняли.

"Погодите! — хотелось ей крикнуть. — Неужели вы считаете, что большего я не стою?! Так нельзя! Я заслуживаю настоящей любви и человека, который будет любить меня такой, какая я есть, для которого я стану сокровищем! И он будет дарить мне цветы, стихи собственного сочинения и ловушки снов..."

Вслух Кейт не сказала ничего, лишь помешала мороженое ложечкой.

Глава 9

За пару дней до свадьбы Петр заехал после работы, чтобы забрать пожитки Кейт. Их оказалось не так уж много: вещи из комода, уложенные в пару чемоданов, коробка с подарками от коллег и портплед с одеждой из шкафа. Чемоданы и коробка легко уместились в багажник, портплед расстелили на заднем сиденье.

Белочка поздоровалась с Петром почти холодно и удалилась, доктор Баттиста еще не вернулся из лаборатории. Похоже, таким образом он выражал свое неодобрение. Узнав о переезде Кейт, отец вел себя нарочито отчужденно.

Петр жил в большом доме в колониальном стиле, построенном для сотрудников университета Хопкинса в двух шагах от кампуса — обшитые крашеными белыми досками стены, выгоревшие на солнце зеленые ставни. Хотя сбоку имелась подъездная дорожка, Петр припарковался на обочине напротив дома. Как он объяснил Кейт, чтобы не блокировать выезд миссис Лью — сиделки миссис Мерфи, проживавшей тут же.

Вещи они перенесли за один раз: Кейт взяла

чемоданы, Петр — коробку и портплед, повесил его на плечо. На крыльце он поставил коробку и отпер дверь.

— Занесем вещи наверх и заглянем к миссис Мерфи, — сказал Петр. — Она хочет с тобой познакомиться.

— Она не против, что я перееду к тебе? — запоздало спохватилась Кейт.

— Нет, что ты. Только опасается, что через некоторое время мы захотим обзавестись собственным жильем.

Кейт фыркнула. Небось, миссис Мерфи считает ее типичной женушкой в переднике с оборками.

В холле было довольно сумрачно и пахло плесенью. Старинный буфет красного дерева на львиных лапах, над ним огромное зеркало в золоченой раме, двойные двери в комнаты хозяйки плотно закрыты. Это обнадеживает — не придется всякий раз здороваться со старушками, когда пробегаешь мимо. В остальных комнатах было не так темно. Центральную лестницу освещали лучи полуденного солнца, падавшие сквозь высокое окно, и чем дальше поднимались Кейт и Петр, тем становилось светлее.

Холл второго этажа застилал ковер, на последнем, где раньше, по-видимому, жили слуги, был

голый пол из сосновых половиц, стены отделаны деревом цвета меда. Кейт вздохнула с облегчением — не так мрачно, как на других этажах. Дверь рядом с лестницей отсутствовала, зато звуки снизу не долетали — слишком высоко. Здесь можно чувствовать себя вполне уединенно.

Петр повел ее направо, к комнате в конце холла.

— Твоя спальня, — сказал он, пропуская Кейт вперед.

Раньше здесь явно был кабинет. В одном конце возвышался огромный письменный стол, уставленный компьютерной техникой, напротив — кушетка, застеленная аляповатым покрывалом с леопардовым принтом. Рядом с окном стоял антикварный комод с зеркалом — маленький, но для скромных нужд Кейт вполне подходящий. В углу — неказистое креслице с оборкой и пуфиком для ног.

— Стол передвину в гостиную, — пообещал Петр. Коробку он поставил на комод, портплед повесил в шкаф. — Если решишь продолжить учебу, найдем тебе стол поменьше.

— О как! Ладно, спасибо, Петр.

— Миссис Мерфи могла бы одолжить нам свой. Мебелей у нее полно.

Кейт поставила чемоданы и выглянула в окно, выходившее на задний двор. Внизу расстилалась большая зеленая лужайка, обрамленная кустами, среди которых вполне могли быть и розы. Прежде Кейт розы не выращивала, потому что не хватало солнца. В дальнем конце участка, огороженного штакетником, виднелся прямоугольник вскопанной земли — наверное, огородик Петра.

— Пойдем смотреть остальные комнаты, — предложил он.

Петр отошел к двери, пропустил Кейт вперед, и, проходя мимо, она всем телом ощутила его близость. Прежде она воспринимала эту квартиру как общежитие, теперь до нее дошло, что ей придется жить вдвоем с мужчиной… Петр пересек холл, открыл следующую дверь и объявил: "Моя комната". Кейт лишь заглянула внутрь (двуспальная кровать, тумбочка) и отшатнулась. Вероятно, он почувствовал ее неловкость, поэтому быстро закрыл дверь.

— Ванная, — махнул он в сторону полуоткрытой двери в конце холла, однако зайти не предложил. — Всего одна, увы, придется делиться.

— Не страшно: дома у нас одна ванная на троих, — со смехом сказала Кейт, но Петр даже не улыбнулся.

Он привел ее в следующую комнату, в которой был лишь продавленный диван, журнальный столик под дерево и старый телевизор на металлической тумбе с колесиками.

— Диван старый, зато удобный, — заверил Петр, внимательно его оглядывая. Больше в комнате смотреть было не на что, однако он все не уходил. — Как-то раз я пошел домой к своему однокласснику, с которым мы работали над общим проектом, и остался у него ночевать. Лежа в постели, я слушал, как внизу разговаривают его родители. Дело в том, что мой одноклассник не был сиротой. — Кейт поглядела на него с любопытством. — Я слушал голоса его родителей, слов было не разобрать. Они сидели в гостиной. Жена спросила: "Бу-бу?" Муж ответил: "Бу". Жена спросила: "Бу-бу-бу?" Муж ответил: "Бу-бу".

Кейт понятия не имела, к чему он клонит.

— Тебе не будет трудно как-нибудь посидеть со мной в гостиной? Ты спросишь: "Бу?", и я отвечу "Бу-бу".

— Либо ты спросишь "Бу?", а я отвечу: "Бу-бу", — предложила Кейт, подразумевая, что не обязательно ей спрашивать, а ему отвечать — можно и наоборот. Впрочем, Петр вряд ли ее понял. — Конечно, меня это нисколько не за-

труднит.

— Отлично! — с огромным облегчением воскликнул он и заулыбался.

— Теперь кухня? — напомнила Кейт.

— Точно!

Кухня располагалась ближе к заднему фасаду здания, рядом с лестницей. Похоже, раньше здесь была кладовая, и облицованные кедром стены еще хранили легкий аромат древесины. Как ни странно, обстановка в стиле пятидесятых годов прошлого века выглядела довольно симпатично: чуть проржавевшие белые металлические шкафчики, облупленные пластмассовые стойки, белый деревянный стол, покрашенный в несколько слоев, два красных стула.

— Очень мило! — сказала Кейт.

— Нравится?

— Ага!

— А сама квартира нравится?

— Ага!

— Конечно, здесь не особо шикарно.

— Здесь очень мило. И удобно, — искренне заверила она.

Петр снова вздохнул с облегчением.

— Теперь познакомим тебя с миссис Мерфи.

Он шагнул в сторону и пропустил Кейт вперед,

оставив для нее побольше места, словно давая понять, что ни на что не претендует. Очевидно, ей не удалось скрыть чувства неловкости.

* * *

Миссис Мерфи была грузной седовласой женщиной в платье с кружевами и в ортопедической обуви. Миссис Лью была маленькая и жилистая и, как многие уроженки Азии в возрасте, носила мужскую одежду: рубашка цвета хаки навыпуск, коричневые брюки свободного покроя и ослепительно белые кроссовки. Обе дамы буквально терялись среди завешенных салфеточками кресел, вычурных маленьких столиков и полочек с антикварными безделушками. Заметив Петра и Кейт, миссис Лью выкатила инвалидное кресло миссис Мерфи, и их стало чуть лучше видно посреди всего этого великолепия.

— Так это и есть наша Кейт? — воскликнула миссис Мерфи.

Кейт едва не заозиралась по сторонам — раньше никто не называл ее "наша Кейт". Миссис Мерфи протянула руки, и Кейт ничего не оставалось, как подойти ближе и пожать их. Пальцы у хозяйки были толстые, ладони мясистые. Она казалась такой крупной, что Кейт понять не могла,

как Петру удается ее поднять.

— Ты выглядишь именно так, как тебя описывал Петр! — умилилась миссис Мерфи. — Мы-то думали, он преувеличивает, потому что влюблен по уши. Добро пожаловать, дорогая Кейт! Добро пожаловать в твой новый дом!

— Ну… спасибо, — ответила Кейт.

— Он уже устроил тебе гран-тур по дому?

— Я показал все, кроме сада, — доложил Петр.

— О, сад нужно посмотреть обязательно. Мы слышали, ты решила взяться за него с энтузиазмом.

— Э-э, да, конечно, если вы не против, — смутилась Кейт. Она понятия не имела, в курсе ли ее планов хозяйка.

— Совсем наоборот, — заверила миссис Мерфи.

— Цветочки посадить? — одновременно с ней спросила миссис Лью. Ее акцент сильно отличался от акцента Петра, но с грамматикой у нее было куда хуже. — А Петр сажать только съедобное! Огурцы, капуста, редиска. Никакой в ней романтики.

— Никакой в нем романтики, — поправил ее Петр. — Кейт посадит и цветы, и овощи. Может, когда-нибудь она станет ботаником.

— Отлично! Почему бы тебе тоже не стать

ботаником? Будешь работать на солнышке. Видишь, какой бледный? — спросила миссис Лью у Кейт. — Как гриб!

Кейт заподозрила, что если бы миссис Лью стояла с ним рядом, наверняка толкнула бы его в бок. Собственно, обе женщины смотрели на него с удовольствием и с любовью, а Петр под их теплыми взглядами так и нежился. Он безмятежно улыбался и косился в сторону Кейт, словно желая убедиться, что она поняла, как его здесь ценят.

— Ну, хватит про нашего мужчину-гриб, — объявила миссис Мерфи. — Кейт, подумай, что тебе понадобится в квартиру. Ну, кроме письменного стола, об этом мы уже знаем. Как насчет кухни? Утвари тебе хватит?

— О да, — ответила Кейт. Хотя на кухне она даже шкафчиков не открыла, ей захотелось оправдать ожидания миссис Мерфи. — Все прекрасно.

— Надо заглянуть, нет ли на нашей кухне чего-нибудь в двух экземплярах, — велела миссис Мерфи миссис Лью. При этом ее нога соскользнула с подножки, и Петр заботливо наклонился, чтобы поставить ее на место. — Насколько я знаю, у нас два миксера: стационарный и портативный. Ясное дело, оба сразу нам не нужны.

— Возможно… — с сомнением протянула мис-

сис Лью.

— Теперь мы посмотрим сад, — решил Петр. — Про миксеры поговорим в другой раз.

— Ладно, Пиотр. Заходи в гости, Кейт! Если только чего не хватает — сразу скажи!

— Конечно, — ответила Кейт. — Спасибо.

И вдруг, все еще находясь под обаянием миссис Мерфи, Кейт шагнула вперед и снова пожала хозяйке обе руки.

На крыльце Петр спросил:

— Понравились они тебе?

— Очень милые, — призналась Кейт.

— Ты им понравилась.

— Они же меня совсем не знают!

— Знают. — Петр повел ее вдоль дома к штакетнику, отделявшему палисадник. — Садовые инструменты хранятся в гараже. Я покажу, куда кладу ключ.

Он открыл задвижку на калитке и отошел назад, чтобы пропустить Кейт. И снова он оставил ей гораздо больше места, чем было необходимо. Однако на этот раз Кейт поняла, что дело не только в ее чувствах. Как ни странно, оба они стали изрядно стесняться друг друга.

Глава 10

В день свадьбы Кейт открыла глаза и обнаружила в ногах кровати Белочку.

— Зацениваешь мой диванчик у окна? — спросила она, хотя Белочка на него даже не смотрела. Она сидела в короткой пижаме, скрестив ноги, и пристально глядела на Кейт, ожидая, пока сестра проснется.

— Послушай, — сказала она. — Ты не обязана это делать.

Кейт прислонила подушку к спинке кровати и посмотрела на небо. Утренний свет наводил на мысли о возможном дожде, хотя прогноз обещал солнечный день. (Тетушка Тельма следила за погодой всю неделю, потому что надеялась перед "свадебным банкетом", как она окрестила предстоящую вечеринку, подать напитки в своем патио.)

— Ты думаешь, будто это пустяк, ерунда с бумагами, чтобы надуть иммиграционную службу, — продолжила Белочка, — только этот парень уже ведет себя так, словно ты его собственность! Говорит тебе, какую фамилию взять, где жить

и работать тебе или нет. Ясное дело, мне нужна комната побольше, но если за нее придется заплатить такую цену… Если кто-то будет укрощать мою сестру и она станет сама на себя не похожа…

— Эх, Белочка-девочка! Спасибо, конечно, за заботу, только неужели ты совсем меня не знаешь? Я справлюсь. Не то чтобы мне приходилось иметь дело с подобным деспотом…

— С кем?…

— Так просто меня не прогнуть. Поверь, я справлюсь с ним одной левой!

— Ладно, — ответила Белочка. — Прекрасно. Если бои без правил доставляют тебе удовольствие, то ради бога, развлекайся. Только не забудь, что тебе с ним жить! Никто не говорил, когда тебе можно будет развестись, так что рассчитывай по крайней мере на год, который тебе придется провести с человеком, не знающим слов "спасибо" и "пожалуйста", не умеющим улыбаться, вываливающим на тебя все свои проблемы, когда ты просто вежливо спрашиваешь "Как дела?". Вдобавок при разговоре он стоит к тебе слишком близко, отвечает резко и в лоб, никаких тебе "Думаю, может быть так и так", сразу объявляет "Вы не правы" и "Она глупа"; полутонов он не

признает — либо черное, либо белое, и "Как я сказал, так и будет"!

— Ну, частично в этом виновато незнание языка, — заметила Кейт. — Сложно постоянно помнить про "пожалуйста" и "может быть", когда изо всех сил пытаешься донести свою мысль до собеседника.

— А хуже всего, — как ни в чем не бывало продолжила Белочка, — хуже всего, что твое положение особо не изменится: как жила ты с двинутым ученым, контролирующим каждый твой шаг, так и будешь жить! Тебе не надоели эти стариковские бредни о здоровом образе жизни и замеры содержания полифенолов в каждой тарелке?

— Ты неправа, — возразила Кейт. — Все будет совершенно иначе. Петр не похож на отца! Он прислушивается к людям, он заботливый. Помнишь, как в тот вечер он завел речь о моей учебе в колледже? Такого мне никто не предлагал. Никто даже не подумал. В этом доме я просто для мебели, живу без цели и смысла и через двадцать лет так и буду старой девой на хозяйстве у отца. "Да, отец. Нет, отец. Не забудь принять лекарство, отец". Белочка, это единственный шанс изменить мою жизнь! Мне нужно как следует встряхнуть-

ся! Почему хотя бы не попробовать?

Белочка посмотрела на нее с сомнением.

— Спасибо за заботу, — прибавила Кейт и похлопала сестру по голой ноге. — Мне приятно, что ты обо мне беспокоишься.

— Ну, не говори потом, что я тебя не предупреждала, — сказала Белочка.

И только тогда до Кейт дошло, что Белочка отбросила вопросительные интонации.

* * *

Странно было видеть отца дома днем. Когда Кейт сошла вниз, он восседал за столом с чашкой кофе и газетой.

— Доброе утро, — сказала Кейт.

Отец поднял взгляд, поправил очки и ответил:

— Доброе. Ты знаешь, что у нас творится?

— Что? — не поняла Кейт, а затем сообразила: он имеет в виду новости, потому что отец в отчаянии махнул на газету рукой и продолжил чтение.

Отец был в рабочем комбинезоне. Кейт это нисколько не заботило, зато вошедшая в кухню Белочка мигом возмутилась и воскликнула:

— Не вздумай явиться в таком виде в церковь!

— Чего? — спросил отец, перелистнув стра-

ницу.

— Папа, должно же быть хоть какое-то уважение! Люди ходят туда молиться. Мне все равно, веришь ты сам или нет, но надень хотя бы рубашку и брюки!

— Сегодня суббота, — ответил отец, — кроме твоего дяди и нас, там все равно никого не будет.

— И что подумает иммиграционная служба, посмотрев на фотографии? — спросила Белочка. Порой она проявляла недюжинную изобретательность. — Свадьба, а ты в рабочей одежде. Слишком очевидно, не думаешь?

— Угу. Да, ты права, — согласился доктор Баттиста, тяжело вздохнул, отложил газету и встал.

Сама Белочка нарядилась в короткое платье с завязками на голых плечах, а Кейт (под влиянием странного чувства долга перед дядюшкой Тероном) надела бледно-голубое цельнокроеное платье из хлопка, завалявшееся у нее еще со времен колледжа. Не привыкшей к светлым тонам в одежде Кейт было неуютно: ей казалось, что она переусердствовала. Впрочем, Белочка явно была довольна. По крайней мере критиковать не стала.

Кейт вынула из холодильника коробку с яйцами и спросила:

— Омлет будешь?

— Нет, сделаю себе фруктовый коктейль.

— Только прибери потом за собой. После твоего предыдущего коктейля я долго оттирала кухню.

— Жду не дождусь, — взвилась Белочка, — когда ты уйдешь из этого дома и перестанешь стоять у меня над душой!

Очевидно, она была вполне готова сбагрить с рук сестру.

Несколько дней назад Кейт наняла некую миссис Кэрролл, чтобы та каждый день присматривала за Белочкой после обеда, пока не вернется с работы отец. Миссис Кэрролл приходилась тетей Тэйиме, домработнице тетушки Тельмы. Сперва тетушка Тельма предложила нанять младшую сестру Тэйимы, однако Кейт хотела подыскать женщину в возрасте, чтобы она Белочке не потакала. "Девочка куда более изобретательна, чем кажется на первый взгляд", — сказала Кейт миссис Кэрролл, и та ответила: "Я вас вполне поняла".

Позавтракав, Кейт поднялась наверх и уложила в матерчатую сумку последние мелочи, а затем постелила для Белочки новое постельное белье. Наверное, когда она войдет в комнату в следующий раз, все будет выглядеть иначе. Вокруг

зеркала сестра понатыкает фотографии и открытки, на комоде появится груда косметики, по полу будет валяться одежда. Ну и пусть. Хватит с Кейт этой комнаты. И хватит с нее этой жизни. После того как Петр получит гринкарту, домой она не вернется, что бы там себе ни напридумывал отец. Она станет жить сама по себе, снимет комнатку. Может, даже получит высшее образование, найдет новую работу.

Кейт взяла сумку и спустилась вниз.

Отец ждал в гостиной, сидя в черном костюме в кресле и барабаня пальцами по коленям.

— А, вот и ты! — воскликнул он, увидев дочь, поднялся и сказал уже другим тоном: — Моя дорогая девочка…

— Что? — спросила Кейт, ожидая продолжения.

— Эх… — Он откашлялся и сказал: — Выглядишь очень взрослой.

Кейт пришла в недоумение — за завтраком она была в том же самом платье, что успело измениться за несколько минут?

— Я и есть взрослая, — напомнила она.

— Да, — кивнул отец, — но для меня это все равно странно, ведь я помню, какой ты родилась. Ни твоей матери, ни мне прежде не приходилось

держать в руках ребенка, тетушке пришлось нам показать, как это делается. И вот ты стоишь передо мной в голубом платье...

— Ладно тебе, это платье ты видел раз сто, — остудила его Кейт. — Не стоит поднимать шум из-за такого пустяка.

Как ни странно, в глубине души ей стало приятно. Она поняла, что отец имеет в виду. Внезапно ей пришло в голову, что если бы ее мать тоже была способна его понять — читая между строк, — их семья жила бы намного счастливее.

Впервые Кейт поймала себя на том, что и сама научилась читать между строк.

* * *

Машину вел отец, потому что на пассажирском сиденье он нервничал. У них был старенький "вольво" с бесчисленными вмятинами на бамперах (доктор Баттиста водил не слишком аккуратно) и грудой хлама на заднем сиденье, в которую внес лепту каждый из троих Баттиста — прорезиненный лабораторный фартук, куча журналов, лист картона с буквой "Си", зимнее пальто Белочки. Кейт пришлось сесть сзади, потому что Белочка ловко прошмыгнула на место рядом с водителем. Когда машина резко затормозила

перед светофором на Йорк-роуд, Кейт буквально засыпало журналами. Ехать по скоростной магистрали было бы удобнее и куда быстрее, но отец не любил двигаться в потоке машин.

"Рододендроны: три за двадцать пять долларов", прочла Кейт, проезжая мимо садоводческого центра, где она иногда закупалась. Ей тут же захотелось туда заглянуть, и чтобы была обычная суббота с кучей домашних дел… Утро наконец распогодилось. Судя по медленным и мечтательным пешеходам, температура воздуха была идеальной.

Кейт стало нечем дышать.

Церковь дядюшки Терона — Объединенная методистская церковь Кокисвилла — находилась позади квартала Йорк-роуд, занятого в основном антикварными и комиссионными магазинчиками. Здание из серого камня венчал небольшой декоративный шпиль. Единственной машиной на парковке был черный "шевроле" дяди Терона. Доктор Баттиста остановился рядом, выключил двигатель и упал лбом на руль, как делал всегда в конце поездки без происшествий.

— Пиотра не видать, — сказал он, оглядевшись по сторонам.

Сегодня за утренний обход в лаборатории от-

вечал Петр.

— Видите? — гордо воскликнул доктор Баттиста. — Теперь у меня будет зять, и я смогу на него полностью положиться. — Однако потом он вспомнил о нескольких мелочах, которые тот мог проглядеть. До отъезда из дома он дважды спросил Кейт: — Может, стоит позвонить и узнать, что там и как? — Потом он сам же ответил на свой вопрос: — Нет, ничего страшного. Не хочу его отвлекать. — Возможно, дело было не только в нелюбви к телефонам, но и в недавнем охлаждении отношений между ним и Петром. Доктор Баттиста дулся до сих пор.

Они пошли к заднему входу, как велел дядюшка Терон, и постучали в обычную деревянную дверь, которая вполне могла вести на кухню. Стекла на ней были закрыты занавесками в веселенькую бело-синюю клетку. Дядя Терон выглянул в щелочку, улыбнулся и открыл. Он был в костюме и галстуке. Очень трогательно, подумала Кейт, что он отнесся к событию всерьез.

— Счастливой тебе свадьбы! — пожелал он.

— Спасибо.

— Я только что разговаривал по телефону с твоей тетей. По-моему, она до последней минуты надеялась, что ты ее пригласишь. Спрашивала, не

будет ли Пиотр возражать против шампанского.

— С чего бы ему возражать?

— Тетя подумала, что он предпочитает водку.

Кейт пожала плечами.

— Насколько я знаю — нет.

— Наверное, она решила, что он рассердится и швырнет бокал в камин. — В отсутствие сестры дядя Терон отзывался о ней довольно легкомысленно. — Пойдемте ко мне в кабинет. Пиотр знает, что нужно войти с заднего входа?

Кейт покосилась на отца.

— Да, я ему сказал.

— Пока ждем, можем взглянуть на слова клятвы. Конечно, мы сошлись на урезанной версии, и все же я хочу показать тебе весь текст, чтобы ты знала, в чем именно клянешься.

Он провел их по узкому коридору в маленькую комнатку, заваленную книгами. Книги были повсюду: стояли на полках, лежали стопками на столе и двух складных стульях и даже на полу. Вращающееся кресло было свободно, но дядя Терон решил, что одному сидеть невежливо, и все трое остались стоять. Он присел на краешек стола, взял книгу и открыл страничку с загнутым углом.

— Так, начало, — проговорил он, водя пальцем

по строчкам. — Возлюбленные братья и сестры… Против этого, думаю, ты не возражаешь?

— Нет, пусть будет.

— Следует ли мне спрашивать: кто отдает эту женщину в жены?…

Доктор Баттиста набрал воздуха, чтобы ответить, но Кейт вскрикнула: "Нет!", поэтому не узнала, что он собирался сказать.

— Думаю, мы обойдемся без обещания подчиняться — хе-хе, зная тебя, Кейт. Честно говоря, в наши дни мало кто в этом клянется. Сразу перейдем к "В радости и в горе". Радость и горе оставляем?

— Пожалуй, — согласилась Кейт.

Как мило, что он так уступчив, подумала она.

— Вы даже не представляете, чего избегают в своих клятвах современные брачующиеся, — сказал дядюшка Терон, закрывая книгу. — А что за клятвы собственного сочинения они дают! К примеру: "Клянусь не говорить более пяти минут в день о том, какие милые штуки выделывает наш песик".

— Быть не может! — воскликнула Кейт.

— Увы, еще как может.

Вот бы попросить Петра поклясться в том, что он перестанет говорить поговорками.

— Как насчет фотографий? — спросил доктор Баттиста.

— А что насчет фотографий? — не понял дядя Терон.

— Можно сделать несколько снимков? Ну, во время клятвы?

— Думаю, да, — ответил пастор. — Только она будет очень короткой.

— Ничего страшного. Хочу, так сказать, задокументировать. Сфотографируешь нас вчетвером после церемонии?

— Конечно, — кивнул дядя Терон и посмотрел на часы. — Ну, теперь дело за женихом.

Было уже одиннадцать двадцать, Кейт только что сверилась со своими часами. Договаривались на одиннадцать. Доктор Баттиста уверенно заявил:

— Он придет.

— Разрешение на брак у него?

— У меня. — Доктор Баттиста извлек документ из внутреннего кармана и передал дяде Терону. — И тогда в понедельник приступим к оформлению гринкарты.

— Что ж, давайте пройдем в храм, ждать там гораздо удобнее.

— Прежде чем подать заявление на граждан-

ство, им нужно расписаться, — сказал доктор Баттиста. — Ясное дело, брак должен быть свершившимся фактом.

— Вы знакомы с мисс Бруд? — спросил дядя Терон, останавливаясь в дверях дальше по коридору. В комнатке за письменным столом сидела бледная женщина слегка за сорок. Она подняла голову и улыбнулась. — Иногда мисс Бруд проводит здесь семь дней в неделю, и это работа по совместительству. Авис, это моя племянница Кейт, которая сегодня выходит замуж, ее сестра Белочка и мой шурин, Луис Баттиста.

— Поздравляю, — сказала мисс Бруд, вставая. Отчего-то она густо покраснела. Она была из тех стеснительных особ, которые краснеют буквально до слез.

— Расскажи, почему тебя назвали Авис, — попросил дядюшка Терон и, не дожидаясь ее ответа, принялся рассказывать сам. — Представляете, она родилась во взятой напрокат машине! Ее нарекли в честь прокатной компании.

— Ах, ваше преподобие! — звонко рассмеялась она. — Вряд ли им это интересно.

— Роды случились неожиданно, — пояснил дядя Терон. — То есть неожиданно быстро. Конечно, мать знала, что должна родить.

— Разумеется! Только она не собиралась рожать меня в машине, — уточнила мисс Бруд.

— Слава богу, что компания называлась не "Герц", — заметил доктор Баттиста.

Мисс Бруд снова звонко рассмеялась, не спуская глаз с дяди Терона, и смущенно потеребила нитку белых стеклянных бус.

— Что ж, нам пора… — сказал дядя Терон.

Все еще улыбаясь, мисс Бруд опустилась на стул и расправила юбку. Дядюшка Терон повел их дальше по коридору.

Церковь, в которой Кейт приходилось бывать на рождественских и пасхальных службах в незапамятные времена, выглядела довольно современно: бежевый ковролин, простые чистые окна, светлые деревянные скамьи.

— Вы пока присядьте, — предложил дядя Терон, — а я вернусь в кабинет и подожду Пиотра.

Кейт боялась, что они не услышат стука в заднюю дверь, поэтому предложению дяди обрадовалась. К тому же, оставшись втроем, им не обязательно поддерживать светскую беседу. Можно просто посидеть и помолчать.

Она вслушивалась в удаляющиеся дядины шаги и гадала, остановится ли он перед кабинетом мисс Бруд. Нет, он поспешно прошел мимо.

— В этой церкви я обвенчался с вашей матерью, — сказал доктор Баттиста.

Кейт поразилась. Ей в голову не приходило спросить отца о месте венчания.

— Правда, папа? — спросила Белочка. — У вас была большая шикарная свадьба с подружками невесты?

— О да! Ваша мать решила непременно устроить чертов балаган. Терон тогда только стал помощником пастора, поэтому выбора не было — совершить обряд должен был именно он. Моя сестра приехала из самого Массачусетса и привезла бабушку. Здоровье у нее уже было неважное, но куда там! "Твоя семья непременно обязана присутствовать" и "Неужели у тебя нет друзей? Или коллег?" Помню, в качестве шафера пришлось позвать моего постдокторанта.

Доктор Баттиста встал и принялся расхаживать по центральному проходу; сидение на одном месте его всегда нервировало. Кафедра проповедника была сделана из того же светлого дерева, что и скамьи. На ней лежала огромная открытая книга, предположительно Библия, с красными закладками, неподалеку находился невысокий деревянный алтарь, в центре которого на салфетке стояла ваза с белыми тюльпанами. Кейт

попыталась представить свою мать в качестве невесты, стоящую рядом с их молодым отцом, однако перед глазами возник другой образ: безвольная калека в длинном белом платье с лысым и сутулым доктором Баттиста, постоянно поглядывающим на часы.

Белочке пришла эсээмэска, судя по характерному звуку. Она вытащила телефон из сумочки, прочла сообщение и хихикнула.

Отец остановился возле кафедры и взял листок с полочки для церковных гимнов. Изучив его с двух сторон, он положил лист обратно и снова принялся мерить шагами проход.

— Надеюсь, в лаборатории ничего не случилось, — озабоченно бросил он Кейт, проходя мимо.

— Да что там может случиться? — спросила она.

Ей действительно хотелось знать, потому что любое происшествие было куда лучше, чем факт, что Петр счел ее слишком неприятной особой, невзирая на все выгоды брака с американкой. Она представила, как Петр говорит: "Оно того не стоило. Невозможная девица! Никаких манер".

Отец понесся дальше по проходу. Белочка вовсю печатала ответ. Клац-клац-клац, быстро, как

телеграф в старом кино. Она нажимала на кнопки большими пальцами, едва глядя на экран.

Наконец вернулся дядя Терон.

— Итак… — громко начал он, стоя в дверном проеме, затем подошел к скамье Белочки и Кейт. Доктор Баттиста сменил курс и вернулся к дочерям. — Итак, Пиотр едет издалека?

— Нет, он в моей лаборатории, — ответил доктор Баттиста.

— Он придерживается иностранных стандартов времени? — спросил пастор, глядя на Кейт.

— Иностранных?… Ну, возможно. Точно не знаю.

По его лицу она поняла, что должна знать такие вещи, раз уж они встречаются давно. Об этом следует помнить на собеседовании в иммиграционной службе. "Ах, он безнадежен! — весело воскликнет она. — Говорю мужу, что друзья ждут нас в шесть, а он раньше семи и одеваться не станет". Если только дойдет до собеседования.

— Может, стоит ему позвонить — вдруг он заблудился, — предложил дядя Терон.

Как это ни глупо, звонить Кейт не хотелось. Она вспомнила разговоры девочек в седьмом классе — гоняться за мальчиками считалось позором. Даже если этот, так сказать, мальчик собирается

на ней жениться. Пусть опаздывает. Ей плевать.

— Наверное, он уже в пути. Не хочу его отвлекать от дороги, — равнодушно проговорила Кейт.

— Отправь ему эсэмэску, — сказала Белочка.

— Э-э, ну…

Белочка фыркнула, сунула свой мобильник в сумочку и протянула руку ладонью вверх. Кейт посмотрела недоуменно, потом сообразила. Медленно как могла она порылась в сумке, достала телефон и отдала сестре.

Клац-клац-клац, принялась печатать Белочка, особо не задумываясь. Кейт покосилась на экран. "Где ты", — прочла она под последним сообщением от Петра, полученным пару дней назад, в котором говорилось: "Ладно, пока".

Теперь она взглянула на сообщение по-другому.

Нет ответа. Нет даже тех маленьких точек, которые появляются, когда человек набирает ответ. Все трое беспомощно посмотрели на дядю Терона.

— Может быть, позвонить? — снова предложил он.

Кейт собралась с духом и взяла у сестры телефон. В тот же миг он издал странный звук, и с

перепугу Кейт уронила мобильник. К счастью, только на колени. Белочка опять фыркнула, схватила телефон и прочла вслух:

— Случилось страшное.

— Что?! — завопил отец. Он перегнулся через дядюшку Терона, выхватил у Белочки телефон и уставился на экран. Доктор Баттиста принялся печатать одним пальцем, зато справился сам. Все следили за ним, не отрываясь. Наконец он спросил:

— Что мне делать дальше?

— В каком смысле? — спросила Белочка.

— Как отправить?

Белочка поцокала языком, забрала телефон и ткнула в экран. Заглянув через ее плечо, Кейт прочла: "Что что что".

Потянулось томительное ожидание. Доктор Баттиста тяжело дышал. Снова раздался щелчок.

— "Мыши исчезли", — прочла Белочка.

Доктор Баттиста издал задушенный вопль, согнулся пополам и упал на переднюю скамью. Сперва Кейт не поняла. Какие мыши? При чем здесь мыши? Она думала, он напишет про свадьбу. Дядя Терон тоже был в полном недоумении.

— Мыши! — брезгливо повторил он.

— Мыши из лаборатории отца, — объяснила ему Белочка.

— У них завелись мыши?

— Это лабораторные мыши.

— Н-да… — протянул дядя Терон, не видя особой разницы.

— Подопытные кролики, — уточнила Белочка.

Дядюшка Терон запутался окончательно.

— В голове не укладывается, — еле-еле выговорил доктор Баттиста. — Я этого не переживу.

Телефон снова издал противный звук. Белочка прочла:

— Их украли защитники животных. Проект в руинах. Все пропало. Надежды нет.

Доктор Баттиста застонал.

— А-а, лабораторные мыши, — сообразил дядя Терон, и лицо его просветлело.

— Он имеет в виду активистов движения за гуманное обращение с животными? — обратилась ко всем Белочка. — Неужели есть правило, которое запрещает взрослым использовать правильные названия? Организация называется "Люди за этичное обращение с животными", идиот несчастный! Во имя всего святого, просто скажи — "Люди за этичное обращение с животными"! "Защитники животных", три ха-ха! До чего

же этот парень трудный… Заметили, как резко улучшился его английский? Ни единой ошибки!

— Долгие годы работы, — простонал доктор Баттиста. Он согнулся пополам и закрыл лицо руками. — Столько лет труда насмарку!

— Боже мой, неужели все настолько плохо? — воскликнул дядя Терон. — Наверняка положение можно поправить.

— Купим тебе новых мышей! — влезла Белочка и вернула Кейт мобильник.

До Кейт постепенно начала доходить безнадежность ситуации.

— Даже ты должна понимать, что ему подходят только его мыши, — сказала она Белочке. — Они — результат долгих опытов над несколькими поколениями мышей.

— И?

— Как эти защитники попали в лабораторию? — причитал доктор Баттиста. — Откуда узнали код от двери? Господи, опять начинать с нуля… Я для этого слишком стар. Понадобится, по меньшей мере, лет двадцать! Финансирование прекратится, лабораторию закроют, и мне придется работать таксистом.

— Боже упаси! — в ужасе воскликнул дядюшка Терон, а Белочка выпалила:

— Ты заставишь меня бросить школу и устроиться официанткой! Мне придется разносить кровавые бифштексы в каком-нибудь стейк-хаусе!

Интересно, почему и отец, и дочь сразу подумали о профессиях наименее для них подходящих?

— Прекратите, вы оба! — оборвала их Кейт. — Мы еще не знаем наверняка…

— Эх, тебе-то не все равно? — не сдержал раздражения доктор Баттиста, резко подняв голову. — Ничуть не сомневаюсь, что ты рада, ведь теперь не надо выходить замуж!

— Не надо? — спросила Кейт.

— Почему это ей не надо выходить замуж? — спросил дядя Терон.

— А ты! — накинулся доктор Баттиста на Белочку. — Что с того, если ты бросишь школу? Невелика потеря! Все равно у тебя нет никаких способностей.

— Папа!

Кейт не отрываясь смотрела на полочку для псалмов перед собой. Как ни странно, она испытывала смутное разочарование.

— Вот и все, — уныло сказал доктор Баттиста. — Прошу прощения, Терон. Поеду в лабораторию. — Он медленно поднялся, постарев на глазах, и

шагнул в проход. — Зачем мне теперь вообще жить? — спросил он у Кейт.

— Не имею ни малейшего понятия! — огрызнулась она.

Похоже, она вернется в свою старую комнату. И все будет как прежде. В понедельник, придя на работу, она объяснит коллегам, что ожидания не оправдались. Она расскажет Адаму Барнсу, что замуж так и не вышла.

Впрочем, это ее нисколько не взбодрило. В присутствии Адама она чувствует себя слишком высокой, угрюмой и неуклюжей. И с трудом подбирает слова. Он не тот человек, который будет любить Кейт такой, какая она есть, и в радости и в горе.

При мысли об этом Кейт стало очень грустно. Она сразу даже не поняла почему.

Сестры стояли и ждали, пока отец попрощается с дядей Тероном. Он вцепился в руку пастора обеими руками, будто от этого зависела его жизнь.

— В любом случае спасибо тебе, Терон. Извини, что отнял твое…

— Привет!

В дверном проеме стоял Петр, из-за его левого плеча выглядывала со смущенной улыбкой мисс Бруд. Одежда на нем была такая потрепанная,

что он смахивал на бродягу: грязная, некогда белая футболка, разорванная на шее и настолько старая, что стала почти прозрачной, чересчур короткие шорты в клетку, которые болтались на бедрах, и красные резиновые вьетнамки.

— Ты! — возопил он, указывая пальцем на Белочку. Петр прошел в храм, мисс Бруд тем временем тихонько исчезла. — Можешь нисколько не сомневаться — тебя непременно арестуют!

— Чего? — не поняла Белочка.

Он встал напротив нее, наклонился и выпалил ей прямо в лицо:

— Ты… пожиратель овощей! Мисс Доброе Сердце!

Белочка попятилась и утерла щеку. Должно быть, Петр изрядно брызгал слюной.

— Да что на вас нашло? — спросила она.

— Глубокой ночью ты прокралась в лабораторию, не отпирайся! Не знаю, куда ты дела мышей, но кроме тебя некому!

— Я?! — возмутилась Белочка. — Вы думаете, это сделала я? Неужели вы действительно считаете, что я стала бы доставлять неприятности родному отцу? Вы с ума сошли. Скажи ему, Кейт.

В этот момент доктору Баттиста удалось проскользнуть между ними.

— Пиотр, я должен знать! Насколько все плохо?

Петр отвернулся от Белочки и с размаху хлопнул доктора Баттиста по плечу.

— Все плохо! — поведал он. — Это правда. Хуже не бывает.

— Исчезли все мыши? До единой?

— Все до единой. Обе полки пусты.

— Но каким образом?…

Петр повел его алтарю, все еще обнимая за плечо.

— Проснулся я рано, — начал он. — Думаю, сбегаю в лабораторию пораньше, чтобы успеть на свадьбу. Подхожу к двери, она, как обычно, закрыта. Набираю код. Захожу. Иду в комнату с мышами. — Они остановились в нескольких шагах от алтаря. Дядя Терон, Кейт и Белочка стояли, где были, наблюдая за учеными. Петр обернулся к Кейт и спросил: — Ну, где ты там?

— Я?!

— Пойдем! Пора жениться.

— Э-э, ну, — замялся доктор Баттиста. — Теперь и не знаю… Думаю, Пиотр, нам надо вернуться в лабораторию, даже если там больше нечего делать…

Кейт возразила:

— Погоди, пока мы произнесем свои клятвы, отец. Лабораторию осмотришь позже.

— Кейт Баттиста! — крикнула Белочка. — Остановись сейчас же!

— Ну…

— Неужели ты не слышала, как он со мной разговаривал?

— Ну, просто он расстроен, — заступилась Кейт.

— Ни черта я не расстроен! — взревел Петр.

— Вот видишь, — кивнула Кейт.

— Иди сюда сию же минуту! — крикнул Петр.

— Бедняга и правда расстроен, — пробормотал дядюшка Терон, хихикнул, покачал головой и направился к алтарю. Там он обернулся к присутствующим и поднял руки, словно возвещающий благую весть ангел. — Кейт, ты идешь?

Белочка яростно зашипела. Кейт повернулась и передала ей свою сумку.

— Ну и ладно! — рявкнула она. — Так тебе и надо! Вы друг друга стоите!

Впрочем, сумку у сестры она взяла и поплелась следом.

У алтаря Кейт встала рядом с Петром.

— Сперва я даже не понял, — продолжал рассказывать доктору Баттиста Петр. — Мыши исчезли,

а я стоял и тупо смотрел. Две пустые полки, клеток нет. Рядом на стене надпись: "Животные — не лабораторное оборудование". И тут я сообразил, что надо звонить в полицию.

— Полиция… Да что она может, эта полиция? — недоумевал доктор Баттиста. — Слишком поздно.

— Полицию я ждал очень, очень долго, а когда они приехали, то оказалось, что особым интеллектом они не обладают. Опишите пропавших мышей, попросили они. Опишите! Что там описывать? Обычные представители вида Mus musculus, разве непонятно?

— Эх, — вздохнул доктор Баттиста. — Совершенно верно. Кстати, почему это мне пришлось наряжаться, в то время как ты в таком виде?

— Кейт выходит замуж за меня, а не за мою одежду! — заявил Петр.

Дядюшка Терон откашлялся и сказал:

— Возлюбленные братья и сестры…

Мужчины повернулись к пастору лицом.

— Мы собрались сегодня…

— Должен же быть способ их разыскать, — пробормотал доктор Баттиста. — Нанять терьера-крысолова, к примеру. Разве собак не обучают ловле грызунов?

— Собак?! — ахнул Петр. — Собаки их сожрут!

— Или хорьков…

— Согласна ли ты, Кэтрин, — решительным голосом спросил дядя Терон, — взять этого мужчину, Пиотра…

Петр напрягся всем телом, отец дрожал от нетерпения, от Белочки буквально исходили волны неодобрения. Спокойной оставалась лишь Кейт. Она стояла прямо и не отрывала глаз от дяди Терона.

К тому моменту, когда пастор сказал: "Теперь можете поцеловать невесту", отец уже готов был сорваться с места.

— Ладно, мы пошли, — бросил Петр, чмокнув Кейт в щеку. — Полиция хочет… — сказал он доктору Баттиста, и тогда Кейт шагнула к нему, взяла его лицо в ладони и нежно поцеловала. Лицо Петра было прохладным, но губы теплые и слегка обветренные. Он моргнул и отшатнулся.

— Примите мои поздравления! — объявил дядюшка Терон.

Глава 11

Чтобы сесть в машину Петра, Кейт пришлось воспользоваться дверцей со стороны водителя и протиснуться мимо рычага переключения передач, поскольку пассажирская дверца была вогнута внутрь и не открывалась. Кейт не стала спрашивать, что произошло. И так ясно, что в этот день Петр ехал рассеянно как никогда.

Она опустила сумку на груду старых рекламных листовок на полу, поерзала на сиденье и нащупала под собой мобильник Петра. Подождав, пока он устроится за рулем, она протянула ему телефон и спросила:

— Ты набирал сообщение, ведя машину?

Петр молча забрал у нее телефон и сунул в правый карман шортов. Потом повернул ключ зажигания, и мотор взревел с мучительным скрежетом.

Не успели они выехать с парковки, как в боковое окно застучал доктор Баттиста. Петр опустил стекло и рявкнул:

— Чего?

— Завезу Белочку домой и сразу в лаборато-

рию! — сообщил доктор Баттиста. — С полицией побеседую после того, как все осмотрю. Наверное, увидимся уже на приеме у Тельмы.

Петр коротко кивнул и резко сдал назад.

Мчась по скоростной магистрали Джонс-Фолз, Петр пересказывал жене случившуюся трагедию буквально по минутам.

— Стою и думаю: что я вижу? Сейчас зажмурюсь, и все будет как прежде. Но нет: открываю глаза — полки пусты. Надпись на стене словно кричит, такая громкая. В комнате очень-очень тихо. Все замерло. Ты же знаешь, мыши постоянно находятся в движении. Они шуршат и пищат, стоит кому-то войти — подбегают к передней стенке клетки, потому что человек ассоциируется у них с чем-то съедобным… Ни звука! Тишина. На голом полу кедровые опилки.

Окно Петр так и не поднял, врывающийся ветер трепал волосы Кейт и завязывал их узлами, однако она промолчала.

— Не верю своим глазам и иду в другую комнату. Будто мыши могли перенести себя сами. Говорю: ау, вы где? Хотя знаю, что они не ответят.

— На этой развилке сверни налево, — напомнила Кейт, потому что Петр ехал слишком быстро, того и гляди пропустил бы нужный поворот. В

последнюю секунду он яростно вывернул руль, Кейт отбросило к дверце, и машина на полной скорости въехала на Норт-Чарлз-стрит. У ассистента доктора Баттисты явно не было проблем с движением в потоке машин.

— С самого начала не доверял я вашей Белочке, — выдал Петр. — До чего она легкомысленна! Как говорят в моей стране…

— Белочка этого не делала! — заверила его Кейт. — Ей бы смелости не хватило.

— Конечно, это она. Я так и сказал полиции.

— Что ты сделал?!

— Детектив записал ее имя в блокнот.

— Эх, Петр!

— Она знает код замка и ест только овощи! — выпалил Петр.

— Быть вегетарианцем вовсе не значит быть грабителем! — заявила Кейт. Загорелся желтый сигнал светофора, и она покрепче уперлась ногами в пол. — К тому же Белочка не вегетарианка, она просто так говорит.

Петр газанул и проскочил на желтый.

— Она вегетарианка! — стоял на своем Петр. — Она заставила тебя готовить мясное пюре без мяса.

— И таскает у меня сушеную говядину.

— Она крадет у тебя говядину?

— Каждые несколько дней мне приходится ее перепрятывать — сестра подъедает. Белочка такая же вегетарианка, как я! У подростков часто бывают заскоки. Петр, надо сказать полиции, что она ни при чем. Скажи, что ошибся.

— В любом случае, — мрачно проговорил он, — какая разница, кто это сделал? Мыши исчезли. Мы так о них заботились, а теперь они носятся по улицам Балтимора.

— Неужели ты думаешь, что защитники животных выпустили мышек посреди города? В здравом смысле им не откажешь. Мышей наверняка просто спрятали, и их антитела, или что там у них есть, в полной безопасности.

— Не спорь со мной!

Кейт закатила глаза; дальше они ехали молча.

Доктор Баттиста решил, что после церемонии Кейт станет носить обручальное кольцо своей матери, и она взяла его с собой в церковь. Однако во время клятвы о нем не было сказано ни слова (лишнее подтверждение того, что дядюшка Терон тоже перенервничал из-за всеобщего переполоха), поэтому она нагнулась, достала из сумки кошелек и вынула кольцо из отделения для мелочи. Обручальное кольцо было из желтого золота,

кольцо невесты — из белого, но отец заверил ее, что это вполне приемлемо. Кейт надела его на палец и сунула кошелек обратно в сумку.

Добравшись до стройки возле кампуса университета Джонса Хопкинса, Петр резко свернул с Чарлз-стрит, не озаботившись включить поворотник, и едва не врезался в толпу молодежи с корзинками для пикника. Время приближалось к часу дня, и казалось, что весь мир собрался обедать — люди смеялись, окликали друзей, неторопливо шли по улицам. Петр выругался себе под нос и закрыл окно.

Перед домом миссис Мерфи он остановился, открыл дверцу и едва не хлопнул ею по ногам Кейт, которая пыталась выбраться из машины, перелезая через водительское место.

— Осторожней! — вскрикнула она.

Петр взял себя в руки и дождался, пока девушка выйдет. Он не произнес ни слова и в сердцах хлопнул дверью.

Молодожены безжалостно протопали по ковру бледно-розовых лепестков, устилавших тротуар, взбежали по трем ступеням и остановились на крыльце. Петр порылся в передних карманах. Затем похлопал себя по задним карманам. Потом чертыхнулся, нажал на звонок и принялся

трезвонить.

Сперва на звонок никто не отреагировал. Наконец раздался скрип, на пороге появилась миссис Лью и спросила:

— Чего названиваешь? — Она была чуть ли не в той же одежде, что и в прошлый раз, и больше не улыбалась. Не удостоив Кейт взглядом, миссис Лью свирепо зыркнула на Петра. — Миссис Мерфи прилегла вздремнуть.

— Не нужна мне миссис Мерфи, мне надо попасть в дом! — проорал Петр.

— У тебя есть ключи!

— Я запер их в машине!

— Неужто опять?

— Хватит хамить! — завопил Петр и понесся мимо нее к лестнице.

— Простите, — сказала Кейт миссис Лью. — Мы не хотели вас побеспокоить. В понедельник я сделаю второй ключ, и это больше не повторится.

— Он сам хамит, — пожаловалась миссис Лью.

— У него выдался очень тяжелый день.

— У него их много, — проворчала миссис Лью, но посторонилась и пустила Кейт в дом. Потом спохватилась: — Вы поженились?

— Да.

— Поздравляю!

— Спасибо, — ответила Кейт, надеясь, что миссис Лью ей не сочувствует. Раньше она изображала искреннюю привязанность к Петру, теперь же выяснилось, что они друг друга терпеть не могут.

Петр успел подняться до второго лестничного пролета. Кейт его догнала, обошла и отправилась в предназначенную ей комнату, чтобы положить сумку. Позади нее муж воскликнул:

— Где мои запасные ключи?

Кейт замерла и обернулась. Он стоял на лестничной площадке и озирался по сторонам. Совершенно пусто — ни мебели, ни картин, ни даже крючка на стене — одним словом, последнее место, где следует искать ключи. Однако там он и топтался, растерянно оглядываясь.

Кейт проглотила первую пришедшую ей в голову реплику ("Откуда мне знать, где лежат твои запасные ключи?"). Поставив сумку на пол, она спросила:

— Где ты обычно их держишь?

— В ящике на кухне.

— Тогда там их и поищем, — предложила она.

Кейт разговаривала куда медленнее и спокойнее, чем обычно, чтобы не казаться сердитой. Она пошла на кухню и стала открывать расша-

танные металлические ящики под стойкой: в одном лежали дешевые ножи, вилки и ложки, в другом кухонные принадлежности, в третьем полотенца. Кейт снова открыла второй ящик. Сама бы она не стала держать ключи там, но в случае с Петром это был наиболее вероятный вариант. Она порылась в лопаточках, отодвинула в сторону венчик, взбивалку для яиц… Петр стоял рядом, безвольно опустив руки; ждать от него помощи явно не следовало.

— Оп-ля! — наконец сказала Кейт и вытащила алюминиевое колечко с ключом от дома и от "фольксвагена".

Петр ахнул и бросился к ней, Кейт попятилась и спрятала ключи за спиной.

— Сперва позвони в полицию, — велела она, — и скажи, что ошибся насчет Белочки. Тогда получишь ключи.

— Чего?… Нет! Отдай ключи, Кэтрин! Я твой муж и говорю: отдай ключи!

— А я твоя жена и говорю: нет.

У него был такой вид, будто он готов отнять их силой.

— Я скажу полиции, что, возможно, Белочка не вегетарианка. Пойдет?

— Скажи им, что мышей она не брала.

— Я скажу, что ты думаешь, что она мышей не брала.

Кейт поняла, что большего не добьется.

— Действуй!

Он достал из правого переднего кармана шортов мобильник, потом вынул из заднего кармана бумажник, из него — визитку.

— Детектив, ведущий мое дело, — горделиво пояснил Петр, показывая карточку. — Как произносится его имя?

Кейт всмотрелась в буквы.

— Макинрой.

Петр включил телефон, посмотрел на экран и принялся за кропотливый процесс набора номера. Раздался одиночный сигнал, затем записанный на автоответчик мужской голос.

— Наверное, отключил телефон, — заметила Кейт. — Оставь сообщение.

Петр опустил телефон и раскрыл рот от изумления.

— Неужели он его выключил? — воскликнул он.

— Да, поэтому сработал автоответчик. Оставь сообщение.

— Он велел звонить ему хоть днем, хоть ночью! Сказал, что это его личный номер.

— Петр, бога ради! — Кейт отобрала у него телефон и прижала к уху. — Детектив Макинрой, это Кейт Баттиста. Я звоню по просьбе Петра Щербакова, взлом в лаборатории. Он сказал вам, что подозревает мою сестру, потому что считал ее вегетарианкой, а это не так. Она ест мясо. Вдобавок весь вчерашний вечер она была дома, и если бы она выходила ночью, я обязательно бы услышала, так что можете вычеркнуть ее из списка подозреваемых. Спасибо. До свидания.

Она нажала отбой и отдала трубку Петру. Тот сунул телефон обратно в карман.

— Детектив сказал: "Вот моя визитка. Звоните в любое время, если появятся какие-то соображения". А теперь он не отвечает! Последняя соломинка, самая последняя… Это худший день в моей жизни!

И хотя Кейт знала, что она здесь ни при чем, она все равно оскорбилась и молча отдала ему ключи.

— Спасибо, — ответил Петр рассеянно, затем поправился: — Что ж, спасибо. — Непривычное в его исполнении "что ж" слегка смягчило тон высказывания. Петр провел рукой по лицу. Он выглядел напряженным и уставшим, даже немного старше своих лет. — Я тебе не говорил, однако

три года, прожитые в этой стране, дались мне непросто. Годы одиночества. Годы растерянности. Все считают, что жизнь в Америке — подарок, вот только это не стопроцентный подарок. Слова обманчивы. Люди кажутся дружелюбными, обращаются к тебе по имени, все такие простые и непринужденные… А потом они выключают телефоны. Я не понимаю!

Петр и Кейт стояли друг к другу лицом так близко, что она видела даже светлые щетинки на его лице и коричневые пятнышки на голубой радужке.

— Возможно, дело в языке, — предположил он. — Хотя словарный запас у меня большой, овладеть языком в полной мере не выходит. В английском нельзя сказать "ты", даже если я говорю со своей женой. Есть только "вы", и мне приходится обращаться к тебе, будто ты чужая. У меня не получается выразить нашу близость словами. Я скучаю по своей родине, однако там я тоже буду скучать, только уже по Америке. Дома у меня больше нет — ни родных, ни работы, за три года меня забыли друзья. Возвращаться некуда. Приходится делать вид, что здесь мне хорошо. Притворяюсь, что все — как вы там говорите? — что все тип-топ.

Кейт вспомнила признание отца о том, какой долгий путь он прошел. Похоже, все мужчины придерживаются мнения, что свои горести нужно держать глубоко в себе, иначе стыд им и позор.

Кейт коснулась его плеча, но он и виду не подал, что заметил.

— Наверное, ты даже не позавтракал? — Больше ничего в голову не шло. — Сейчас я что-нибудь тебе приготовлю.

— Не хочу, — отказался Петр.

В церкви ей подумалось, что он решил жениться, несмотря ни на какие обстоятельства, потому, что… ну, она ему нравилась. Теперь он на нее даже не смотрел; будто ему все равно, стоит ли она рядом, положив руку ему плечо, или нет.

— Хочу одного: пусть наши мыши вернутся!

Кейт уронила руку.

— Вот бы вором оказалась Белочка, — продолжил он. — Тогда она рассказала бы, где мыши.

— Поверь, Петр, Белочка этого не делала. Она способна только подражать! Чуточку влюбилась в Эдварда Минца, и когда он сказал, что вегетарианец… — Кейт умолкла. Петр на нее все еще не смотрел и, наверное, не слушал. — Ох! Это Эдвард!

Петр бросил на нее быстрый взгляд.

— Эдвард знает, где находится лаборатория. Он побывал там с Белочкой, когда она отвозила отцу ланч. Наверное, стоял рядом и видел, как она набирает код.

Неожиданно Петр подбросил ключи, поймал и поспешил вон из кухни.

— Петр? — позвала Кейт. Пока она дошла до лестничной площадки, он уже успел преодолеть половину пролета. — Куда ты собрался? — крикнула она, перегнувшись через перила. — Лучше сначала перекуси, потом позвони детективу. Ты что задумал? С тобой можно?

В ответ донеслось шлепанье резиновых вьетнамок по ступенькам.

Надо было бежать за ним и ехать на своей машине. Вероятно, Кейт остановили оскорбленные чувства. После венчания Петр вел себя совершенно невозможным образом, будто, став ее мужем, он вправе обращаться с ней как угодно. Он даже не заметил, что Кейт помогла с дурацкими ключами и предложила ему поесть.

Кейт развернулась и пошла в гостиную, встала у окна и посмотрела на улицу. "Фольксваген" уже отъезжал от тротуара.

* * *

В кино женщины всегда умудряются готовить на скорую руку изысканные блюда из остатков еды, обнаруженной в холодильнике. Однако Кейт понятия не имела, как это можно сделать из продуктов из холодильника Петра: майонез, несколько банок пива, яйца и бледные стебли сельдерея. Плюс смятая упаковка из "Макдоналдса", которую страшно открывать.

В вазе для фруктов на стойке пригорюнился покрытый коричневыми пятнами банан. "Бананы — чудо-еда", — говорил Петр, что явно не согласовывалось с его увлечением едой из "Макдоналдса" и "KFC". Заглянув в шкафчик над стойкой, Кейт обнаружила несколько рядов всевозможных баночек и коробочек — тщательно вымытых и отложенных на черный день. Будто он решил заняться консервацией.

Похоже, единственным вариантом был омлет, но не нашлось масла. Разве можно сделать омлет без масла? Кейт решила не рисковать. Тогда пусть будут фаршированные яйца. По крайней мере, есть майонез. Кейт положила четыре яйца в погнутую кастрюльку, которую нашла в ящике под духовкой, залила водой и поставила вариться.

Она надеялась, что Петр не натворит глупостей. Ему следовало просто позвонить в полицию. Впрочем, может быть, туда он и направился — решил заглянуть в участок лично, или поехал в лабораторию к ее отцу, чтобы разведать обстановку.

Кейт вернулась в гостиную и зачем-то снова посмотрела в окно.

Петр перенес свой письменный стол в гостиную, и теперь она не выглядела такой необжитой, как раньше. На крышке стола громоздились вещи, которые лежали в кабинете — макулатурная почта, стопки книг, свернутые удлинители плюс компьютерная техника. Она взяла настенный календарь, чтобы проверить, отмечен ли на нем день свадьбы, но тот был открыт на феврале, и никаких тебе пометок. Кейт положила его обратно на стол.

Она вернулась на лестничную площадку за сумочкой и отнесла ее к себе в комнату. Покрывало с леопардовым принтом исчезло, на кровати остался только грязный голый матрац в сине-белую полоску. На полу валялась подушка без наволочки. Неужели не мог постелить чистое белье, чтобы гостье было поуютней? И хотя портплед висел в шкафу, а коробка с подарками от

коллег стояла на комоде, Кейт поняла, что она никогда тут не обживется.

В комнате пахло, как на чердаке. Кейт подошла к окну, подергала за ручку, но открыть так и не смогла. Вздохнув, она вернулась на кухню. Интересно, яйца сварились? По виду никак не скажешь. Дома она пользовалась специальным устройством, которое меняло цвет (оно осталось еще со времен миссис Ларкин). Пусть поварятся еще. Кейт положила немного майонеза в пластмассовую миску, потрясла над нею солонку и перечницу, которые нашла на столе. Потом провела инвентаризацию, заглянув в полупустые шкафчики под стойкой. После ланча она достанет кухонные принадлежности, подаренные коллегами. При мысли об этом Кейт ободрилась. Идея! Она поняла, куда поставит свои новые зеленые чашки.

Кейт выключила горелку, отнесла кастрюльку к раковине и лила холодную воду, пока яйца не остыли. Начав чистить первое, она обнаружила, что оно вполне сварилось, зато, как часто бывает, скорлупа крошилась на мельчайшие кусочки и отлипать не желала. В результате яйцо вдвое уменьшилось в размерах, покрылось выщерблинами и выглядело крайне неаппетитно. Пальцы

Кейт кровоточили. Она чертыхнулась, сполоснула яйцо под струей воды и задумчиво осмотрела.

Все ясно, придется делать салат.

Правильное решение, учитывая, что остальные три яйца после очистки выглядели не лучше. Не найдя доску, Кейт порезала их прямо на стойке тупым ножом и добавила сельдерей. Большую часть стеблей пришлось обрезать и выкинуть в мусорное ведро под раковиной, остальные побеги тоже были так себе.

Кейт вспомнила про салатницу, подаренную коллегами, и пошла за ней. Внутри миски лежал ловец снов. Кейт вынула его, подняла повыше и примерила на середину комнаты, размышляя, где бы его прикрепить. В идеале он должен свисать с потолка над кроватью, но сделать это трудно, к тому же кто знает, есть ли у Петра молоток и гвозди. Она посмотрела на окно. На нем были пожелтевшие бумажные жалюзи, но раньше наверняка висели и шторы, раз уж над окном крепился регулируемый металлический карниз на кронштейнах. Кейт отложила ловца снов в сторону и придвинула пуфик, стоявший возле кресла в углу, затем разулась, встала на пуфик и привязала ловца снов к карнизу.

Интересно, Петр видел такие штуки? Вещица

оригинальная. Он сложит руки на груди, склонит голову набок и будет долго на нее смотреть. Петр любит разглядывать всякие затейливые штуки. И на нее он смотрел так же пристально, по крайней мере, до сегодняшнего дня. Хотя Кейт к вниманию не привыкла, нельзя сказать, что оно было ей неприятно.

Она спрыгнула с пуфика, оттащила его обратно к креслу и обулась.

Возможно ли, чтобы полиция попросила его поехать в дом Эдварда и присутствовать при аресте?

Почти половина третьего. Так называемый свадебный банкет назначен на пять часов. Стало быть, времени предостаточно, однако, с другой стороны, тетушка Тельма живет у черта на рогах, а Петру перед отъездом надо принять душ и переодеться. Кейт прекрасно знала, как часто ученые забывают смотреть на часы.

Возможно, ему придется заполнить свидетельство или дать письменные показания — как там это называется?

Кейт распаковала оставшиеся подарки и нашла для них место на кухне. Вещи из чемоданов убрала в ящики комода. Сначала навалила их как попало, потом от нечего делать разложила акку-

ратными стопками. Вынула из сумки щетку для волос и гребень, отправила их на комод; зубную щетку отнесла в ванную. Ставить ее в стаканчик рядом с щеткой Петра ей показалось неуместным, поэтому она сходила на кухню за креманкой, сунула в нее щетку и убрала на подоконник. Аптечного шкафчика в ванной не было — только узкая деревянная полочка над раковиной. Там лежали бритвенные принадлежности, расческа и тюбик зубной пасты. Можно ли ей пользоваться его пастой, или следовало принести из дома свою? Кстати, как они будут делить расходы на хозяйство?

Хозяйственные вопросы они практически не обсуждали.

Рядом с душевой кабиной висело полотенце, которым явно пользовались, на хромированной рейке — мочалка, на рейке рядом с унитазом — другое полотенце и мочалка, совершенно новые. Наверное, для Кейт. При виде такой заботы она почти простила ему голый матрац в спальне.

Было уже три часа. Кейт достала из сумки мобильник и проверила, нет ли пропущенных вызовов. Никто не звонил. Внезапно она поняла, что проголодалась, пошла на кухню и положила немного яичного салата на белую тарелку с оби-

тыми краями. Взяла вилку и кусок бумажного полотенца, потому что салфеток не нашла, и присела за стол. Посмотрев на свой ланч, она обнаружила на желтке ярко-красное пятно — ее собственная кровь! Потом еще пятно, и еще. По правде говоря, с салатом Кейт явно погорячилась, вдобавок выглядел он довольно неряшливо. Она встала и выбросила содержимое тарелки в мусорное ведро, туда же вытряхнула салат из миски и замаскировала все бумажным полотенцем. Посудомоечной машины у Петра не было, пришлось споласкивать посуду под краном, вытирать и убирать на место. Улики уничтожены.

Жизнь в студенческом общежитии была куда веселее. Взглянув на свою левую руку, Кейт поняла, что желтое и белое золото плохо сочетаются. И о чем она думала, доверившись отцу в вопросах стиля? Кстати, глупо носить кольца тому, у кого ногти короткие и неухоженные, да еще в садовой земле.

Она достала из холодильника пиво, открыла, сделала несколько больших глотков и вернулась на лестничную площадку. С банкой в руках побрела к комнате Петра. Дверь закрыта, но какого черта?! Кейт повернула ручку и вошла.

Меблировка скудная, как и во всей квартире, и

очень чисто. Стоявшая посреди комнаты гладильная доска с утюгом выглядит крайне неуместно. На ней — выглаженная белоснежная рубашка, при виде которой Кейт умилилась не меньше, чем обнаружив в ванной чистое полотенце.

Двуспальная кровать у окна была застелена красным атласным одеялом с золотой бахромой по краям, как в дешевом мотеле, в изголовье прикручена лампа для чтения. На тумбочке стоял пузырек с аспирином и фотография Кейт в позолоченной рамке. Неужели? Кейт взяла ее в руки. На снимке Кейт и Петр, только его почти не разглядеть, потому что ее стул гораздо выше. Лицо удивленное, лоб пошел некрасивыми морщинами, виднеющаяся из-под замшевой куртки футболка выпачкана грязью. Так себе фотография. Единственное, что отличает ее от других, чуть более удачных, — это их самая первая фотография, сделанная в день знакомства.

Кейт задумалась, затем поставила фотографию обратно на тумбочку.

На комоде лежала пыльная салфетка, выполненная в технике ришелье, вероятно, скромный вклад миссис Лью, и блюдце с монетами и английской булавкой. И все. Зеркало в раме из орехового дерева над ним было таким старым,

что Кейт будто смотрела на себя сквозь вуаль — лицо бледное, черные волосы потускнели до седины. Она сделала еще глоток пива и открыла ящик.

Кейт суеверно полагала, что люди, сующие нос в чужие дела, непременно бывают наказаны неприятными находками, однако в ящиках Петра она обнаружила лишь мизерное количество одежды, причем аккуратно сложенной. Две толстовки, которые Кейт видела на нем раз десять, две рубашки-поло с коротким рукавом, несколько пар носков, свернутых по два (все белые спортивные, кроме одной пары темно-синих, явно на выход), несколько пар белых трикотажных трусов, как у маленьких мальчиков в четвертой группе, и несколько маек тонкого трикотажа, судя по необычному фасону, явно не американских. Ни пижамы, ни мелких принадлежностей, ни безделушек. Похоже, повседневная жизнь ее мужа трогательно проста. Проста и… правильна, вот подходящее слово.

В шкафу Кейт обнаружила костюм, который Петр, очевидно, собирался надеть на свадьбу (блестящий темно-синий), две пары джинсов, одни из них с ремнем. Через штангу для вешалок перекинут лиловый галстук с желтыми зигзага-

ми, внизу коричневые ботинки и кеды.

Кейт отхлебнула еще пива и вышла из комнаты. В кухне она допила остатки и сунула банку в бумажный пакет, куда Петр складывал перерабатываемые отходы. Достала из холодильника новую банку и вернулась в свою спальню.

Из портпледа Кейт вынула платье, которое собиралась надеть на вечеринку у тетушки Тельмы. Оно единственное годилось для подобных событий — из красного хлопка, с глубоким круглым декольте. Она повесила его на дверцу шкафа и отошла подальше, придирчиво рассматривая. Не пройтись ли по нему утюгом?... Она задумчиво отхлебнула пива и решила не заморачиваться.

Стены спальни были такими же голыми, как и в остальной квартире. До чего же уныло выглядит комната без картин! Некоторое время Кейт мечтала о том, как бы все украсить и что можно повесить. Взять вещи из своей старой комнаты? Впрочем, им сто лет в обед — выгоревшие плакаты рок-групп, которые она давно не слушает, фотографии школьной баскетбольной команды. Надо поискать что-нибудь другое. Начать все заново.

Внезапно Кейт ощутила усталость. Возможно, виновато пиво или проведенная без сна

ночь накануне свадьбы. Ей захотелось немного вздремнуть. Будь постель застелена, она бы прилегла. Увы. Кейт села в кресло, скинула туфли и положила ноги на пуфик. Щебет птиц доносился даже через закрытое окно. Постепенно веки налились тяжестью. Кейт поставила банку на пол и уснула.

* * *

На лестнице раздались шаги: топ-топ-топ.

— Првет! — Шаги уже на площадке. — Где ты? — позвал Петр. В проеме появился огромный куст пиона, за ним маячил Петр. — А! Отдыхаешь.

Лицо его закрывал куст, торчавший из зеленого горшочка для рассады, на веточках виднелись бутоны. Похоже, пион белый. Кейт выпрямилась. Хмель не прошел. Зря она выпила днем.

— Что случилось?

— Почему ты не легла на кровать? — спросил Петр, не ответив на вопрос. Потом он хлопнул себя по лбу, едва не выронив куст пиона. — Белье! Я же купил новый комплект и решил постирать, чтобы смыть токсичные химикаты, которые используют производители. Забыл его в сушилке миссис Мерфи!

Это было до смешного трогательно. Кейт нащу-

пала туфли и обулась.

— Ты рассказал полиции? — спросила она.

— Что рассказывать-то? — выпалил Петр, поставил куст пиона на пол и оттряхнул руки. — А, кстати, — небрежно добавил он, — мыши снова на месте.

— На месте?...

— После того как ты сказала, что это сделал Эдди, я задумался. Да. Похоже на то. Сел в машину, поехал к нему и забарабанил в дверь. "Где мои мыши?" — спрашиваю я. "Какие мыши?" — удивляется парень. Притворяется, я понял сразу. "Только не говори, что ты выпустил их на улицу!" — прошу я. "На улицу!" — повторяет он. "Надеюсь, они остались в клетке, — говорю я. — Только не говори, что ты выпустил их к обычным домовым мышам". Он надувает губы и смотрит на меня исподлобья. "Они у меня в комнате, в полной безопасности", — говорит Эдди. Его мать на меня орет, я не обращаю внимания. "Сейчас вызову полицию!" — кричит она, я бегу наверх и нахожу его комнату. Мыши в клетках, стоят на самом верху.

— Ничего себе! — вырвалось у Кейт.

— Потому я и задержался. Заставил Эдди перенести мышей обратно в лабораторию. Твой отец был там. Он меня обнял и буквально прослезился!

Потом Эдди арестовали, но твой отец решил не… как это называется? Не выдвигать обвинения.

— Неужели? — удивилась Кейт. — Почему?

Петр пожал плечами.

— Долго рассказывать. Мы решили так после прихода детектива. На этот раз он ответил на мой звонок! Хороший человек. Просто отличный! А куст от миссис Лью.

— Что? — не поняла Кейт. У нее было такое чувство, будто ей завязали глаза и раскружили.

— Просила тебе передать. Подарок на свадьбу. Посадишь на заднем дворе.

— Как она сейчас? — спросила Кейт.

— В каком смысле?

— Она на тебя разозлилась.

— А, она всегда говорит гадости, стоит мне забыть ключи, — беззаботно махнул рукой Петр. Он подошел к окну и открыл его играючи. — Ах! До чего прекрасно на улице! Мы не опаздываем?

— Ты о чем?

— Разве прием начинается не в пять?

Кейт посмотрела на часы. Пять двадцать.

— О боже! — вскрикнула она и вскочила.

— Пошли! Поедем быстро. Позвонишь тете по дороге.

— Мне нужно переодеться. И тебе тоже!

— Поедем как есть, семья поймет.

Кейт развела руки в стороны: во сне платье измялось, на подоле пятно майонеза.

— Дай мне полсекунды, ладно? — попросила она. — Не могу я ехать в таком платье.

— Красивое платье, — заметил он.

Она посмотрела на себя и опустила руки.

— Ладно, красивое так красивое, пусть будет по-твоему.

Петр был уже на площадке и несся к лестнице, так что Кейт пришлось догонять его вприпрыжку.

Глава 12

Тетушка Тельма открыла дверь в нарядном домашнем платье в цветочек, доходящем до самого полу. Духами от нее пахло за милю.

— Здравствуйте, мои дорогие! — воскликнула она. Вряд ли она не заметила затрапезного вида молодоженов, но изумление умело скрыла. Выйдя на веранду, тетушка прижалась щекой к лицу Кейт, потом к Петру. — Добро пожаловать на ваш свадебный банкет!

— Спасибо, тетушка Фел, — поблагодарил Петр и так крепко ее обнял, что она едва не рухнула.

— Прости, что опоздали! — сказала Кейт. — И не успели переодеться…

— Главное, что вы пришли, остальное неважно, — заверила тетя. Кейт ожидала более бурной реакции. — Пойдем на воздух, там у нас коктейли. До чего повезло с погодой!

Она повела их через двухэтажный холл. В центре висела огромная хрустальная люстра, здорово смахивающая на рождественскую елку, перевернутую вверх ногами. По пути Петр замер и пораженно уставился на потолок. В гостиной

модульные диваны свободной конструкции загромождали пространство, словно стадо носорогов, а оба кофейных столика были размером с двуспальные кровати.

— Отец Кейт рассказал нам, Петр, какой у тебя выдался насыщенный день, — сообщила тетушка Тельма.

— Весьма насыщенный, — кивнул Петр.

— Луис сегодня разговорчив как никогда. Мы узнали о мышах практически все.

Тетушка распахнула застекленные двери, выходящие в патио. Хотя до заката было еще далеко, на деревьях горели бумажные фонарики, на столах мигали бледные свечи. Когда Кейт и Петр ступили на каменные плиты, гости как один повернулись в их сторону, благодаря чему создалось впечатление, что их куда больше, чем на самом деле. Кейт ощутила силу их внимания как порыв ветра, ударивший в лицо. Она замерла, прикрывая сумочкой пятно от майонеза на подоле.

— Вот и они! — пропела тетушка Тельма и обвела молодоженов широким жестом. — Позвольте вам представить мистера и миссис Чербаков… ну, или как там они решили!

Все заахали, захлопали в ладоши, многие аплодировали запястьями или мизинцами, не желая

расставаться с бокалами. Эллис, школьная подруга Кейт, немного поправилась с тех пор, как они виделись в последний раз, и ее муж держал на руках младенца. Дядюшка Терон облачился в вызывающе мирской наряд — брюки защитного цвета и гавайскую рубашку, зато остальные мужчины были в костюмах, а женщины в весенних платьях, из которых торчали белые после зимы руки и ноги.

Доктор Баттиста хлопал громче всех. Очки он снял и положил на стол, и его лицо сияло от радости. Белочка сидела в дальнем конце патио и не хлопала вовсе. Она сжимала в руке банку колы и сверлила молодоженов свирепым взглядом.

— Дорогие гости, переходим на шампанское! — громко объявил дядюшка Барклай, поставив перед Кейт и Петром два высоких фужера. — Пейте, вино отличное!

— Спасибо, — поблагодарила Кейт.

— Спасибо, дядюшка Барк, — повторил Петр.

— Похоже, ты забыл сменить пижаму, Петр, — сдавленно хихикнул дядюшка Барклай.

— О, это последний писк моды, — на полном серьезе поведала Кейт. Будь она проклята, если выдавит из себя еще хоть какие-то извинения. — Купил в "Ком де Гарсон".

— Как-как?

Кейт сделала изрядный глоток шампанского.

— Вы могли бы встать рядышком? — попросил доктор Баттиста, держа мобильник обеими руками. — Поверить не могу, что не снял вас во время свадебной церемонии. Знаю, голова была занята совсем другим, но… Может быть, твой дядя согласится воссоздать для нас ритуал.

— Нет, — отрезала Кейт.

— Ну, нет так нет, — отступил он, щурясь в телефон. — Как скажешь, дорогая. Сегодня такой радостный день! И благодарить мы должны именно тебя — ведь это ты указала на мальчишку Минцев. Я ни за что бы его не заподозрил!

Он продолжал щелкать телефоном, все более осваиваясь в роли фотографа. Впрочем, хорошие снимки им не грозят: Кейт спрятала нос в бокал, Петр потянулся за подносом с канапе, который подала ему тетушка Тельма.

— Возьму сразу парочку, — сказал он. — Я сегодня не завтракал и не обедал.

— Ах, бедняжка! Возьми три! — воскликнула тетушка Тельма. — Луис, икру будешь?

— Спасибо, не надо. Барклай, сфотографируй меня с женихом и невестой!

— С удовольствием, — ответил он, но тетушка

Тельма напомнила:

— Сначала убедись, что у всех есть шампанское. Кейт свое почти выпила, а мы еще не сказали тост.

Кейт смущенно опустила бокал, хотя виноват был дядя Барклай. Он сам велел ей выпить.

— Удивляюсь и до сих пор не могу понять одну вещь, — задумчиво проговорил доктор Баттиста. — Почему на меня ополчились защитники животных? Моим мышам живется так хорошо, что им невольно позавидуешь. В сущности, они ведут куда более здоровый образ жизни, чем многие люди. Я установил с мышами прекрасные отношения.

— Ну, лучше с ними, чем ни с кем, — не смолчала тетушка Тельма и удалилась с подносом.

К молодым подошел сын хозяйки Ричард, таща за руку свою жену — бледную платиновую блондинку с идеальной кожей и перламутрово-розовыми губами. Кейт потянула отца за рукав и прошептала:

— Скорее скажи, как зовут жену Ричарда?

— Ты меня спрашиваешь?

— Имя начинается на "л". Лейла? Лиа?

— Кузина! — весело воскликнул Ричард. Обычно дружелюбием он не отличался. — Поздравляю!

Пиотр, и вы примите мои поздравления! — сказал он, размашисто хлопая его по спине. — Я кузен Кейт — Ричард. Это моя жена, Дженет.

Доктор Баттиста посмотрел на Кейт и поднял брови. Петр ответил:

— Рад познакомиться, Рич. Рад познакомиться, Джен.

Кейт ждала со стороны братца возмущенного сопения, но обошлось.

— Поверить не могу, что мы наконец выдали эту девушку замуж! — умилился Ричард. — Вся семья вздохнула с громадным облегчением.

Его слова подтвердили худшие подозрения Кейт, и в сердце ей будто нож вонзили. А Дженет добавила:

— Ах, Ричард! — И Кейт стало еще хуже.

— Я тоже почувствовал облегчение, — поведал Петр. — Не был уверен, что ей понравлюсь.

— Как же иначе! Ведь ты — ее тип!

— Я ее тип?!

Ричард слегка растерялся, но продолжил свою мысль:

— В том смысле, что вы из одной среды. Она выросла в научной среде. Правильно, дядя Луис? Нормальный человек вас не поймет.

— Что именно так трудно понять нормальному

человеку? — спросил доктор Баттиста.

— Хм, весь этот ваш научный сленг!

— Я исследую аутоиммунные нарушения, — отчеканил доктор Баттиста. — В слове "аутоиммунный" шесть слогов, но если произнести его медленно…

Кейт почувствовала на талии чью-то руку и вздрогнула. Обернувшись, она увидела улыбающуюся Эллис.

— Поздравляю, незнакомка!

— Спасибо! — ответила Кейт.

— Ни за что не смогла пропустить такое событие! Как поживаешь?

— Нормально.

— Видела мою лапочку?

— Да, еще бы! Мальчик или девочка?

Эллис нахмурилась.

— Конечно, девочка! — воскликнула она. Потом просветлела и добавила: — Скорее догоняйте нас: обзаводитесь детьми, и они будут вместе играть.

— О господи… — Кейт огляделась в поисках канапе, но они были в дальнем конце патио.

— Расскажи мне про своего мужа! Где вы познакомились? Давно общаетесь? Он такой сексуальный!

— Петр работает в лаборатории папы, — отве-

тила Кейт. — Мы знакомы три года.

Она была готова и сама этому поверить. И почти припомнила какие-то моменты из их долгого совместного общения.

— Та парочка — его родители?

— Кто? Нет-нет, это Гордоны, наши соседи через два дома, — пояснила Кейт. — У Петра нет родителей. И нет родственников.

— Повезло, — бросила Эллис. — То есть для него это грустно, но тебе повезло: никаких родственников со стороны мужа! Пообщалась бы ты с матушкой моего Джерри. — Она улыбнулась мужу во все тридцать два зуба и помахала рукой, процедив сквозь улыбку: — Свекровь считает, что ему следовало жениться на своей бывшей подружке-нейрохирурге.

Дядюшка Барклай вышел в центр патио и вскричал:

— Шампанское есть у всех? — Гости одобрительно загудели. — Тогда предлагаю тост!.. Пиотр и Кэтрин! Желаем вам быть столь же счастливыми, как мы с вашей тетей!

Раздались одобрительные возгласы, и все сделали по глотку. Кейт понятия не имела, что сказать в ответ. Прежде тостов за нее никто не предлагал. Поэтому она просто наклонила фужер и кивнула,

потом бросила взгляд на Петра — узнать, что делает он. Петр, улыбаясь во весь рот, поднял фужер высоко-высоко, опустил, запрокинул голову и выпил шампанское залпом.

* * *

Рассадку гостей за ужином тетушка Тельма решила организовать как на официальном приеме: невеста и жених рядом в центре длинного стола, члены семьи — по их правую и левую руку, в порядке убывания степени родства. Вышло наподобие Тайной вечери.

— Отец сядет по твою правую руку, — объясняла тетушка Кейт, ведя ее в столовую, хотя все было ясно и без лишних слов благодаря подписанным изящным почерком карточкам с именами гостей, стоявшим возле тарелок. — Белочка сядет слева от Пиотра. По другую сторону твоего отца сяду я, а Барклай — рядом с Белочкой. Терон будет в этом конце стола, Ричард — в том, все остальные рассядутся мальчик-девочка напротив вас.

Однако возникли проблемы. Во-первых, Белочка отказалась садиться рядом с Петром. Войдя в столовую, она посмотрела на карточки с именами и заявила:

— Я не намерена сидеть рядом с этим челове-

ком. Дядя Барклай, давай поменяемся местами.

Дядя Барклай хоть и удивился, но отнесся с пониманием.

— Не вопрос, — кивнул он, отодвигая для нее стул и садясь рядом с Петром. — Похоже, тебя ждут проблемы со свояченицей, друг мой, — пробормотал он.

— Да, она на меня здорово злится, — спокойно признал Петр.

Кейт склонилась к отцу, разворачивающему салфетку.

— На что она злится? Я думала, ты не стал возбуждать дело.

— Все довольно сложно, — ответил отец.

— В каком смысле?

Отец пожал плечами и расстелил на коленях салфетку.

Потом Эллис не понравилось ее место, хотя она сообщила об этом не в столь резкой форме. Ее посадили в центре напротив Кейт и Петра, однако она подкралась к тетушке Тельме и осведомилась:

— Мне крайне неловко просить вас об этом, но нельзя ли мне переместиться на краешек?

— На краешек? — удивилась тетя Тельма.

— Мне надо будет кормить ребенка грудью,

понадобится место для маневра.

— Разумеется! — воскликнула тетушка Тельма. — Ричард, дорогой! Ты можешь поменяться местами с Эллис?

В отличие от дядюшки Барклая Ричард был куда менее сговорчив.

— Зачем? — спросил он.

— Дорогой, ей понадобится больше места, чтобы покормить младенца.

— Покормить младенца?!

Тетушка Тельма грациозно присела рядом с отцом Кейт. Ричард выдержал долгую паузу и передвинулся к мистеру Гордону, Эллис ушла на край стола и взяла ребенка на руки.

Кейт невольно зауважала тетушку Тельму. Это было сродни второму прочтению "Унесенных ветром" во взрослом возрасте, когда внезапно понимаешь, что настоящая героиня — Мелани, а вовсе не Скарлетт. Честно говоря, Кейт почти пожалела, что не пригласила тетю на свадебную церемонию. Хотя, возможно, и к лучшему, учитывая, как позорно все прошло.

Петр и Кейт сидели достаточно близко друг к другу, чтобы он мог легонько подталкивать ее локтем в любой момент, когда ему хотелось поделиться с ней своим восторгом по какому-нибудь

поводу. А поводов было предостаточно. Сначала ему понравился суп вишисуаз (как выяснилось, он обожал все блюда с картофелем или капустой), потом каре ягненка. Затем его очаровала партита Баха, прозвучавшая из музыкального центра дядюшки Барклая, да и сам центр с четырьмя динамиками, расположенными по углам и встроенными в лепнину под потолком, привел его в изрядный восторг. Особенно ему понравилось, как младенец Эллис срыгнул в тот момент, когда она подняла его на вытянутых руках, чтобы показать гостям. Петр громко расхохотался, и теперь уже Кейт пришлось толкать его в бок, иначе бы он долго не утих. А уж когда дядюшка Терон пожаловался миссис Гордон, что регент его церковного хора частенько "сачкует", Петр прямо-таки пришел в экстаз. "Регент — сачкует!" — повторял он, пихая Кейт и мешая ей резать ягненка. Елозивший по ее голой руке локоть был теплый и шершавый.

Сидевший по другую руку Кейт отец неожиданно нагнулся и полез под стол.

— Что ты делаешь? — спросила Кейт.

— Ищу твою сумку, — ответил он.

— Зачем она тебе понадобилась?

— Хочу сунуть туда кое-какие бумаги. — Он

быстро показал ей несколько листов, свернутых втрое, как деловые письма, и снова нырнул под стол. — Для иммиграционной службы, — приглушенным голосом пояснил он.

— О господи! — вспылила Кейт и яростно вонзила вилку в мясо.

— Луис, ты что-то потерял? — спросила тетушка Тельма.

— Нет-нет, — ответил он и выпрямился. Лицо доктора Баттиста раскраснелось, очки соскользнули на кончик носа. — Надо было положить кое-что Кейт в сумочку.

— А, ясно, — одобрительно кивнула тетя Тельма. Вероятно, она вообразила, что он сунул Кейт деньги. Плохо же она его знала. — Позволь заметить, Луис, ты воспитал этих девочек как следует, учитывая все непростые обстоятельства. — Она протянула бокал в его сторону. — Хочу воздать тебе должное! В свое время я считала, что лучше было отдать их на воспитание мне, но теперь убедилась: не зря ты настоял на своем и вырастил их сам.

Кейт замерла с недожеванным куском во рту.

— Ну, да, — смущенно ответил доктор Баттиста, повернулся к Кейт и тихо добавил: — Боюсь, бюрократический жаргон может тебя обескуражить,

поэтому я вложил визитную карточку с телефоном Мортона Стэнфилда. Он иммиграционный юрист и поможет тебе разобраться с бумагами.

— Хорошо, — кивнула Кейт, похлопала его по руке и повторила: — Хорошо, отец.

Эллис попросила Белочку порезать для нее мясо, поскольку сама она, прикрывшись кардиганом, кормила ребенка. Дженет пыталась привлечь внимание Ричарда, который наливал себе уже третий бокал вина. Она наклонялась вперед и высоко поднимала указательный палец, будто хотела внести поправку в резолюцию, а он старательно отводил взгляд, делая вид, что ничего не замечает. Миссис Гордон выражала Петру сочувствие по поводу украденных мышей. Она сидела напротив и наискосок, так что говорить ей приходилось довольно громко.

— Джиму и Соне Минц следует приготовиться к удару, — громко объявила она, и Кейт поморщилась, потому что Белочка наверняка ее услышала.

— Подготовиться к удару? — задумчиво повторил Петр.

— Приготовится бить по мячу, — пояснил дядюшка Барклай. — Это бейсбольный термин.

— А! Ясно. Весьма полезное выражение. Я ду-

мал, речь об ударе судьбы.

— Нет-нет.

— Ребенок с самого начала был со странностями, — продолжила миссис Гордон, — да разве они обращали на это внимание?

— Похоже, его родители сачканули, — выдал Петр.

При этом вид у него был такой счастливый и самодовольный, что дядюшка Барклай не сдержал смеха.

— А тебе и правда полюбились наши американские идиомы, Пиотр! — заметил он.

Петр тоже рассмеялся и ответил:

— Я их обожаю! — Лицо его так и светилось от восторга.

— Молодец! — умилился дядюшка Барклай. — Так выпьем же за Пиотра! — объявил он, подняв бокал. — Давайте радушно примем его в семью!

Гости оживились, подняли бокалы и принялись чокаться, но тут раздался скрежет отодвигаемого стула, и на ноги вскочила Белочка.

— Ну, уж я-то не собираюсь принимать его радушно! — выпалила она. — Ни за что на свете не буду рада тому, кто набросился с кулаками на невинного человека!

— На невинного?! — возмутилась Кейт, потом

задумалась и уточнила: — Набросился с кулаками?

— Он мне все рассказал! — крикнула Белочка, повернувшись к Петру. — Ты не мог просто взять и попросить по-человечески. Нет, куда там, тебе непременно надо было его побить!

Гости изумленно смотрели на Белочку.

— Ты побил Эдварда? — спросила Кейт.

— Он не хотел пускать меня в свой дом, — признался Петр.

— Да ты ему едва челюсть не сломал! — крикнула Белочка. — А может, и сломал. Мама собирается везти его в травматологию.

— Вот и хорошо, — отозвался Петр, намазывая масло на хлеб. — Надеюсь, ему заодно и рот зашьют.

— Нет, вы слышали? — взвилась Белочка.

— Послушай, Белочка-девочка, — опомнился доктор Баттиста. — Возьми себя в руки, милая!

— Что случилось? Погоди, дай ей сказать! — вмешалась Кейт.

— Он буквально выломал дверь, — начала рассказывать Белочка. — Кричит Эдварду в лицо, хватает его за рубашку. Бедная миссис Минц едва не умерла от инфаркта! Эдвард пытается не пустить его — ясное дело, ведь это его дом! — тогда

Петр сбивает его с ног, несется вверх по лестнице и рыщет по чужим спальням, пока не находит комнату Эдварда и вопит: "Иди сюда! Сию же минуту", и заставляет Эдварда снести клетки вниз и погрузить в минцевский минивэн, а когда миссис Минц спрашивает: "Что с вами? Прекратите!", орет дурным голосом: "Прочь с дороги!" Бедная миссис Минц ничего не знала! Думала, что Эдвард взял мышей на время, по просьбе друга. Они и правда дожидались его друга из природоохранной организации, с которым он познакомился по интернету. На следующей неделе он должен был приехать и увезти мышек в Пенсильванию, там бы их поместили в специальный приют, а потом отдали в хорошие руки…

Доктор Баттиста застонал, представив, что его бесценные мыши едва не попали в грязные руки кишащих микробами пенсильванцев.

— Потом они едут в лабораторию, и Эдвард любезно помогает перенести клетки из минивэна обратно в комнату для мышей, что очень непросто, уж поверьте, — и какую благодарность он получает взамен? Пиотр вызывает полицию! Он вызывает полицию после того, как Эдвард полностью возместил ущерб!.. Если бы миссис Минц не подала заявление в полицию на Пиотра,

Эдвард наверняка гнил бы сейчас в тюрьме!

— Что? — воскликнула Кейт.

— Я ведь говорил, все весьма запутанно, — встрял доктор Баттиста.

Гости слушали, затаив дыхание. Даже младенец Эллис уставился на Белочку, разинув ротик.

— Бедняга Эдвард серьезно пострадал, — всхлипнула Белочка. — Половина лица распухла как тыква. Конечно, его мама вызвала полицию! И поэтому отцу, — Белочка повернулась к доктору Баттиста (впервые за долгие годы она назвала его отцом), — отцу пришлось снять обвинения! И слава богу, иначе Минцы сами выдвинули бы обвинения против Пиотра. Они заключили сделку о признании вины.

— Поэтому ты отказался выдвигать обвинение? — спросила Кейт у отца.

— По-видимому, это было оптимальное решение, — ответил он.

— Петра спровоцировали! — возмутилась Кейт. — Он не виноват, что ему пришлось ударить Эдварда!

— Верно, — кивнул Петр.

— Как бы то ни было… — начала тетушка Тельма.

— Разумеется, что еще ты могла сказать?! —

набросилась Белочка на Кейт. — Разумеется, ты думаешь, что Пиотр не мог поступить иначе! Да ты просто в зомби превратилась! "Да, Пиотр; нет, Пиотр", ходишь за ним хвостом и в рот заглядываешь! "Как скажешь, Пиотр; я сделаю все, что тебе угодно, Пиотр; конечно, я выйду за тебя замуж, Пиотр, лишь бы ты получил американское гражданство". А потом вы опаздываете на собственный свадебный банкет и даже не удосуживаетесь переодеться! Являетесь грязные и растрепанные, будто весь день не вылазили из кровати! Это просто отвратительно, скажу я вам! Когда я выйду замуж, ни за что на свете не буду ни под кого прогибаться!

Кейт вскочила и отбросила салфетку.

— Ладно, — сказала она. Кейт знала, что Петр на нее смотрит, как и все остальные гости, что дядюшку Барклая ситуация весьма развлекает, что тетушка Тельма напряглась и готовится в любой момент вмешаться и положить скандалу конец. Тем не менее смотрела Кейт только на Белочку. — Обращайся со своим мужем как тебе угодно, но я ему очень сочувствую, кто бы он ни был! Мужчинам живется нелегко. Об этом ты не задумывалась? Мужчинам приходится скрывать свои тревоги. Они думают, что должны за

все отвечать и все держать под контролем. Они не осмеливаются показывать свои истинные чувства. Не важно, будь то боль, отчаяние или горе, разбитое сердце или тоска по родине, или огромное чувство вины, или провал и крушение надежд всей жизни. "Я в порядке, — говорят они. — Все нормально". Если как следует задумаешься, то поймешь: они гораздо менее свободны, чем женщины. Ведь мы с пеленок изучаем чувства людей, годами совершенствуем свои навыки — интуицию, способность сопереживать другим — называй это как хочешь. Мы знаем тайную подоплеку всего на свете, а бедные мужчины заняты лишь спортом, войнами, славой и успехом. Мы словно граждане двух разных держав! И вовсе я не "прогибаюсь", как ты выразилась. Я впускаю его в свою страну. Я впускаю его туда, где мы оба сможем быть самими собой. Бога ради, Белочка, давай быть терпимее!

Белочка сползла под стол, изумленно глядя на сестру. Может, Кейт и не удалось ее переубедить, однако продолжать ссору она не намеревалась.

Петр встал и обнял Кейт за плечи. Посмотрел ей в глаза, улыбнулся и сказал:

— Поцелуй меня, Катя.

Так она и сделала.

Эпилог

У Луи Щербакова был договор с родителями: если они уезжали и оставляли его под присмотром няни, он делал себе ужин сам. Он уже умел готовить куда лучше, чем мать, и почти так же хорошо, как отец. Осенью он пошел в первый класс, и ему разрешили пользоваться плитой — разумеется, в присутствии взрослых. К тому времени он освоил микроволновку, гриль-тостер и столовые ножи, хотя острые кухонные были пока под запретом. А сушеную говядину он прекрасно наловчился стричь хозяйственными ножницами.

Сегодня родители едут в Вашингтон, потому что матери вручают премию. Она получит награду Ботанической федерации за исследования в области экологии растений. Всю неделю Луи рассказывал об этом направо и налево. "Маме дадут приз от Ботанской федерации", — объявлял он и падал от смеха. Большинство людей лишь вежливо улыбались, зато стоило шутку услышать отцу, он хохотал не хуже Луи. Когда отец смеялся, уголки его глаз поднимались. С глазами Луи

происходило то же самое, и волосы у него были светлые и прямые, как у отца. Мамина тетя, Тельма, сказала, что он до смешного похож на папу, но Луи не понял, что в этом смешного. Наверное, она имела в виду, что у него нет больших мышц на руках, как у папы. Что поделаешь, над этим придется поработать.

Луи положил два кусочка хлеба в тостер, подтащил стул-стремянку к буфету и достал сардины. Хотя он их не особо любил, ему нравилось открывать консервную банку специальным маленьким ключиком. Из вазы для фруктов он взял банан, потому что бананы — чудо-еда, почистил его и порезал кружочками. Выйдя на площадку, громко крикнул:

— У нас есть фасоль?

— Что?! Нет, конечно! — ответила мать из их с отцом спальни.

— Очень жаль, — проговорил Луис, ни к кому особо не обращаясь. Фасоль он ел часто в гостях у дедушки, который смешивал ее с кучей всякой всячины. Луи нравился ее кисловатый привкус.

— С какой стати тебе понадобилась фасоль? — прокричала мама и добавила гораздо тише: — Почему мне нельзя надеть брюки?

— Видишь ли, это официальное мероприя-

тие, — объяснил отец. — Лично я иду в костюме.

— Тебе стоит как-нибудь примерить платье! А я в нем выгляжу, как чертова болонка на прогулке!

Луи пошел обратно на кухню, залез на стул-стремянку и потянулся за бутылкой кетчупа. Красный — то, что надо. Красный, серебряный и бежевый: кетчуп, сардины, бананы. "А как же зелень?" — спрашивал папа, и мама отвечала: "Перестань нудить! Знавала я детишек, которые ели только белые продукты, причем до самого колледжа, и на здоровье ничуть не жаловались".

Чаще всего с Луи сидел дедушка, потому что тетя Белочка вышла замуж за своего личного тренера и укатила в Нью-Джерси. У дедушки была очень старая и облезлая книжка под названием "Научные курьезы для детей и юношества", которую он приносил с собой и читал внуку вслух. Луи слушал с важным видом и гордился, что дедушка считает его большим, однако не понимал ни единого слова. Сегодня дедушка тоже собирался в Вашингтон, как и тетя Тельма с дядей Барклаем и дядей Тероном, поэтому Луи пойдет вниз к миссис Лью. Он был не против: миссис Лью угощала его кока-колой, у ее подруги миссис Мерфи был полон сервант клевых вещиц: пресс-

папье с золотыми звездочками вместо снежинок, ярко-красная ягодка с целым стадом микроскопических слоников внутри, погодный домик из темного дерева с коричневой крышей. Из дверок выходили крошечные человечки — если погода солнечная, то женщина, если дождик, то мужчина. Почти всегда в дверях маячила женщина с малюсенькой леечкой, а мужчина с зонтиком не больше ногтя прятался в тени, даже если на улице лило как из ведра. Папа Луи сказал, что метеорология наука очень неточная.

Миссис Лью присматривала за Луи бесплатно, потому что была его тетушкой, и отказывалась от денег наотрез. Когда Луи был маленьким, он думал, что она действительно его тетя, ведь у них почти одинаковые имена. Потом мама объяснила, что миссис Лью — почетная тетушка. И миссис Мерфи тоже, потому что они жили в ее доме, хотя дедушка Луи звал их обратно к себе. Но мама Луи сказала, что переезжать не собирается. Сказала, что они прожили тут одиннадцать лет и ее все устраивает, места им вполне хватает; чем больше комнат, тем больше придется пылесосить, и папа признал, что она совершенно права.

Луи достал хлеб из тостера. Один кусок Луи устелил кружочками банана, сверху аккуратно

положил в ряд сардинок и полил кетчупом, делая зигзаги, накрыл все вторым куском хлеба и как следует придавил, затем засунул получившийся сандвич в пластиковый контейнер "Тапервер". Из стиснутого сандвича на стойку брызнул кетчуп, но не особо много.

Прошлой зимой, когда папа и дедушка получили свою премию, они отправились в совсем другую страну, поэтому Луи тоже пришлось ехать. Церемония вручения выдалась такой скучной, что мама разрешила ему сколько угодно играть в игры на ее мобильнике. В этот раз он ничуть не жалел, что его оставили дома.

Луи облизнул пальцы, стянул с вешалки полотенце и вытер кетчуп с футболки — ну, более или менее. С площадки раздавались голоса родителей:

— Не проси меня задержаться ни на минуту дольше, чем требуют приличия, — твердила мама. — Ты же знаешь, я не люблю светской болтовни.

Родители возникли в дверном проеме. Мамины длинные черные волосы сияли у нее на плечах, из ярко-красного вечернего платья торчали две голые ноги. Папа надел синий костюм и чудесный лиловый галстук с желтыми молниями.

— Ну, как мы тебе? — спросила мама.

— Вы похожи на человечков из погодного домика, — ответил Луи.

И вдруг он понял, что вовсе не похожи. Да, родители стояли в дверях, но они были рядышком, очень-очень близко, наравне друг с другом, а еще они держались за руки и улыбались.